

Жагетская

ПЕРЕКЛИЧКА

№ 22

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских
Кадетских Корпусов За рубежом, Нью-Йорк, США

№ 22

Нью-Йорк

Июнь 1979

"CADETS ROLLCALL"

Periodical Magazine

Published by Association of Russian Cadets graduated
outside of Russia, Inc.

New York, USA

Subscription price \$ 12.00 USA for three issues
4.00 USA per single copy

Editor

Paul Olferiev

Managing Editor

Nicholas W. Koziakin

Mailing address for correspondence:

Association of Russian Cadets, Inc.

P. O. Box 247, Station A

Flushing, N. Y., 11358

All rights reserved

ОГЛАВЛЕНИЕ

От Редакции. Н. В. Козякин	3
Екатеринбургское Злодеяние. П. Пагануцци	4
Царь Мученик. Диакон Н. Кадыян	44
Исторические Документы	45
Кризис Современного Искусства. М. Каратеев	47
Обо всем и об одном художнике. Н. В. Козякин	63
Московский Имп. Екатерины II К. К. Н. Веденяпин	75
Из истории 5-го Гус. Александрийского полка. А. Ф. Перков	92
Последние Могикане. А. Родзевич	94
Зарисовки с 6-го Съезда. И. Автамонов	96
Хроника	104
К пятидесятилетию журнала «Часовой»	109
Памяти Ушедших	110
Жизненный путь П. Н. Зеленского	111
Некролог. И. Донцов	113
Памяти дорогого однокашника. Г. Гуторович	114

**Подписывайтесь и распространяйте
«Кадетскую Переключку»**

ОТ РЕДАКЦИИ

Памяти трагической шестидесятилетней годовщине екатеринбургского злодеяния посвящаемъ мы этот номер нашего журнала. К сожалению, по техническим обстоятельствам, мы не смогли издать его в 1978 году за что и приносимъ нашим читателям извинения.

Мы печатаем специально для нас написанную статью проф. П. Пагануцци и публикуем в отделе «Исторические Документы» воззвание, составленное убийцей Белобородовым, оповещающее о расстреле царской семьи. Документ этот, датированный 20-м июля 1918 г., видимо никогда не был опубликован. Поперек документа написана резолюция: «Опубликование воспрещается». Та же рука вычеркнула из воззвания фразы «совместно со своей семьей» и «Трупы преданы погребению». Воззвание очевидно составлено человеком плохо знакомым с русским языком. Уж очень звучит местечковым акцентом указанный в нем титул царя «Царь и самодержАВЕЦ Николай Романов».

Убийство царской семьи не было казнью. Факт сокрытия преступления, бессудность и расправа над детьми отчетливо обрисовывают криминальную сущность содеянного. С этого акта началось моральное и физическое истребление русского народа, его тысячелетней культуры, его духовных ценностей и исторической памяти. Русский народ разделил судьбу своего царя, оставаясь навсегда первой и единственной жертвой интернационального заговора. За представителями династии, зверски уничтоженными в Екатеринбурге и Алапатьевске последовали незадачливый правящий слой, мятущаяся интеллигенция, купечество, крепкое и здоровое крестьянство, все то, что должно было представлять основу живой и творческой нации. Преследованию и моральному разложению подверглась православная церковь, бывшая становым хребтом нации, в ее многовековой борьбе за право восточных славян иметь свою государственность и христианскую культуру.

Вспоминая эти страшные годы и анализируя факты и причины, приведшие страну к катастрофическому обвалу, невольно возникает вопрос — что сделали, или вернее, почему ничего не сделали для сохранения России все те, кто тогда представлял власть и правящий слой. Наше поколение понесшее бесчисленные жертвы в гражданскую войну, ушедшее в изгнание и потерянное в колониях беспризорников, несет в себе

горечь исковерканной жизни и, подчас, может быть, незаслуженно, но с большим правом, обвиняет деятелей того периода нашей истории.

Редакция получает много писем, затрагивающих эту тему. Вот выдержки из одного из них.

«Я всегда помню слова моего отца — речь серебро, а молчание золото, когда я критиковал прошедшее. А критиковал я из обиды за потерянную Россию за даром загубленные жизни моих школьных друзей, отдавших их так легко за Веру, Царя и Отечество... И вот, несмотря на обиду за мою исковерканную жизнь, которая глубоко ранила мою душу и рана до сих пор еще не заросла, я придерживаюсь совета моего отца и молча, терпеливо переносу боль души». (Л. Буйневич, РКК).

Ответ на этот вопрос вероятно можно найти в одном из последних писем последнего Императора:

«везде предательство, трусость и измена.»

Н. В. Козьякин.

Павел Пагануцци

ЕКАТЕРИНБУРГСКОЕ ЗЛОДЕЯНИЕ

В свете старых и новых документов

1918 - 1978

ВСТУПЛЕНИЕ.

Года четыре тому назад, заканчивая статью «Марсельское злодеяние», мне и в голову не могла прийти мысль, что через несколько лет на мои плечи ляжет необыкновенно тяжелая задача осветить как можно объективней события, приведшие к ЕКАТЕРИНБУРГСКОМУ ЗЛОДЕЯНИЮ, которое касается меня, как русского, в гораздо большей степени, чем убийство короля Александра.

За истекшие 60 лет после преступления в Екатеринбурге, несмотря на трагическую кончину, которой император Николай II искупил все свои вольные и невольные грехи, целый

ряд иностранных и, к сожалению, русских антибольшевистских авторов постарался настолько исказить, не только духовный, но и физический образ Государя, покрыть его налетом грязи и клеветы до такой степени, что понадобятся большие усилия объективных исследователей, чтобы смыть весь этот нанос и

накипь и создать действительно реальный образ императора Николая II со всеми его недостатками, но и с достоинствами, которых было у него не мало.

Уже не говоря о большевиках и вообще врагах Исторической России, но и среди русской антибольшевистской интеллигенции укрепилась тенденция во всех Российских бедствиях винить Государя и «немку» Государыню. И эта, своего рода, мода не прекращается и в наши дни. Ни у одного из этих авторов не хватало и не хватает гражданского мужества взяться за действительного могильщика России — Александра Керенского.

Как не странно, защитниками Государя, вне монархических кругов, выступали простые русские люди, чужие — иностранцы или Его политические враги. Винстон Черчилль, едва ли не самый крупный политический деятель нашей эпохи, не питавший никаких личных симпатий к Государю, в своих книгах «От войны до войны» и «Русская катастрофа — Россия и Царь» так отзывался об императоре:

«В жизни государства на его главу ложится позор или честь результата борьбы за существование государства. Почему же в этом строгом испытании отказать императору Николаю II. Он совершал ошибки, но какой же правитель их не совершал? Он не был ни великим полководцем, ни великим властелином, но был лишь обыкновенным человеком, правдивым, милостивым, поддерживаемым в своей повседневной жизни верою в Бога. Но тяжесть высших решений сосредоточилась на нем. Ему приходилось быть компасной иглой: война или мир. Наступать или отступить. Демократизировать или держать крепко. Уступать или настаивать — вот поле сражений императора Николая II. Почему же он за это не заслуживает чести? Несмотря ни на какие ошибки, режим который он собою олицетворял, и собою завершал и придавал ему жизненную силу, в то время уже выиграл войну для России... Вмешалась темная рука управляемая предательством и безумием...».

С большим теплом отзывались об императоре Николае II простые русские люди, не игравшие никакой роли в политической жизни страны, но наблюдавшие Государя вблизи в самый критический период его жизни: с момента ареста до его трагической гибели. Особенно красочны показания полк. Кобылинского, учительницы Клавдии Битнер, няни Теглевой (вышедшей позднее замуж за Жильяра), камердинеров Вол-

кова и Чемодурова, данные следователям Соколову и Сергееву.

Заканчивая свою работу по расследованию убийства Царской Семьи за границей, Соколов писал Дитерихсу: «Я допрашивал в Париже Керенского восемь ночей. Он горой стоит за Государя».

В нашей работе, не претендуя дать исчерпывающие сведения, мы тем не менее постараемся, в рамках текущих событий и возможностей, вскрыть мотивы ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ЗЛОДЕЯНИЯ и описать коротко моральные и физические страдания Царской Семьи в период их заточения. В изложении событий и фактов, в этой статье использованы разнообразные источники и приведены взгляды людей противоположных мировоззрений, без лишних комментариев, что дает возможность читателям сделать свои собственные выводы и заключения.

П. П.

”Цареубийство для какой бы то ни было цели всегда народу кажется преступлением“.

Декабрист Рылеев.....

Для русской национальной эмиграции 1978 год чреват целым рядом печальных годовщин. И самой страшной из них является 60-ти летие ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ЗЛОДЕЯНИЯ, самого ужасного из всех преступлений, совершенных озверелой большевистской властью, от подробностей которого леденеет кровь в жилах каждого, психически нормального, человека.

«Эту потаенную и кошмарную расправу с царской семьей и с близкими ей людьми могли совершить лишь те, кто в момент своего действия потеряли человеческий облик», писал историк Мельгунов. А литературный критик Георгий Адамович день 17-го июля 1918 года назвал «одним из самых темных, самых бесчеловечных», выражая надежду, что настанет то время, когда в России открыто признают грех цареубийства и «если этого дня никогда не будет, лучше бы не быть русским»!!!

И в этом, долго подготовляемом темными силами, внешних и внутренних врагов России преступлении, добрую долю ответственности несет и русский народ который, по выражению ген. Врангеля,

«Великое слово свобода заменил произволом, а полученную вольность претворил в буйство, грабеж и убийство», дав полную возможность темным силам совершить свое мрачное преступление.

Сибирская Добровольческая армия и Чехи опоздали только на несколько дней чтобы занять город и освободить Царственных Узников, хотя, по сообщению большевистского командования, Белые обнажили другие участки фронта и, бросив на Екатеринбург значительные силы, без остановок гнали красных. Уже 16 июля в городе была слышна артиллерийская стрельба и большевики бежали из Екатеринбурга в панике. Ген. Дитерихс, командующий Западным фронтом, приказал немедленно начать следствие, на основании которого, волей адмирала Колчака, была образована специальная комиссия. Ее возглавил, после смены тормозивших следствие, Наметкина и Сергеева, опытный следователь по особо важным делам Н. А. Соколов, точно до мельчайших подробностей, установивший детали преступления, назвав всех его исполнителей. Огромное дело Соколова — «ЦАРСКОЕ ДЕЛО» удалось доставить в Европу. Одну из копий вывез известный английский журналист Роберт Вилтон, долго проживший в России. С Белыми Вилтон прибыл в Екатеринбург и принимал участие в расследовании, покинув город в последний момент. В 1920 году была издана его книга "The Last Days of the Romanovs", которая является сейчас библиографической редкостью. Во многих деталях, фактах и, часто радикальных заключениях, Вилтон пошел дальше Соколова, а поэтому его работа, с известными оговорками, имеет первостепенную важность в изучении Екатеринбургской трагедии ¹⁾). Свидетельства и утверждения Вилтона как и следственную работу Соколова, на первом месте, пытались и пытаются оспорить авторы некоторых поверхностных работ, о чем будет сказано в конце этой статьи.

Н. А. Соколов, при эвакуации из Сибири, через британского консула, обратился к Английскому Правительству, прося помощи в вывозе следственного материала и всех царских реликвий, найденных среди пепла на месте уничтожения следов преступления, но получил решительный отказ. Тогда он вступил в контакт с командующим французскими экспедиционными силами, генералом Жаненом, и получил полную его

¹⁾ Ее рекомендуют авторы воспоминаний Сиднея Гиббса, репетитора Вел. княжеск. и Царевича.

поддержку. Вторая копия «Царского Дела», отпечатанная для ген. Дитерихса, когда оригинал находился у него в поезде между Читой и Верхне-Удинском, находится в надежных руках, в Сев. Америке ²⁾).

На основании законченного следствия в Екатеринбурге и допросов, уже за границей, многочисленных свидетелей, вершителей судеб России в дни смуты (кн. Львов, Керенский, Милуков, В. Бурцев, Гучков, Маклаков, Кривошеин, Трепов, Набоков, кн. Юсупов и др.), Соколов приступил к работе над своей книгой.

Продолжая следствие за границей он натолкнулся на непонимание со стороны некоторых лидеров русской эмиграции и уцелевших членов дома Романовых. В своих, до сих пор неопубликованных письмах к генералам Дитерихсу и Лохвитскому, Соколов жаловался на желание некоторых кругов сохранить как можно дольше миф о спасении Царской Семьи ³⁾. Вот выдержки из одного письма:

«Н. Н. ⁴⁾ не принял ни меня ни Жанена... Жанену было указано, что он должен передать все Гирсу... Гирс посол в Риме, друг Львова и Ко., т. е. тех людей, которые по заранее существовавшему плану, учинили арест Государя, обусловив тем самым его убийство... Пытался достичь большего через Копенгаген, но там отношение было худшее».

Отказавшись принять Соколова Вдовствующая Императрица и далее лелеяла мечту о спасении Государя и Его Семьи. После манифеста Вел. Кн. Кирилла Владимировича в 1924 году, Мария Федоровна послала письмо Вел. Кн. Николаю Николаевичу, прося обнародовать следующее:

«До сих пор нет точных известий о судьбах моих возлюбленных сыновей и внука».

Соколов определенно обвиняет Вел. Кн. Ольгу Александровну ⁵⁾ в том, что она стояла в центре версии «что они живы...» Мало того. При участии ген. Гурко знаменитая м-ме Тралье, близкая Соловьеву ⁶⁾ обвиняет меня в подлогах».

Тем не менее Соколов довел дело до конца, но ему не пришлось увидеть выхода в свет своей книги: неожиданная смерть,

²⁾ Копия Вилтона находится в библиотеке Гарвардского университета.

³⁾ Это пожелание признать гибель Ц. Семьи, вопреки всем фактам, дало возможность появиться самозванцам, кончая Голеневским.

⁴⁾ Вел. Кн. Николай Николаевич.

⁵⁾ Сестра Государя, скончавшаяся в Торонто после Второй войны.

⁶⁾ О нем будет речь позднее.

при загадочных обстоятельствах, унесла его в могилу. И теперь, в 60-ти летие Екатеринбургского злодеяния, мы можем сказать, что только благодаря «скрупулезной и исчерпывающей работе Соколова (Мельгунов) были вскрыты все мотивы преступления и названы его организаторы и исполнители ⁷⁾. (В 1978 году книга Соколова была переиздана русским патриотом др. Сахновским в Аргентине с рядом приложений).

В другом, из упомянутых нами писем, адресованном ген. Н. Лохвитскому (1922) Соколов, кроме остального писал:

«Убийство всех членов дома Романовых, является осуществлением одного и того же намерения, выразившегося в одном (едином плане), причем самым первым из них по времени погиб Вел. Кн. Михаил Александрович.... За много лет до революции возник план действий, имеющий целью разрушение идеи монархии. Около Верховной власти претворителем этой идеи в действительность был Распутин. Вопрос о жизни или смерти членов Дома Романовых был конечно решен до смерти тех, кто погиб на территории России».

Так как убийство Ц. Семьи было прямым последствием Февральской и Октябрьской революций, то нас, естественно, интересует: кто сыграл закулисную и открытую роль в разрушении Империи кроме главного участника: самого русского народа, в лице, главным образом, его интеллигенции.

Многие русские и западные историки и исследователи пытались выяснить причины революций 1917 года. Очень интересна по этому вопросу работа Ричарда Пайпса «П. Б. Струве о Русской революции», отрывки которой напечатаны были в № 126-ом Парижского «Вестника русского христианского движения». Русское толкование революции распадается на 2 широких школы. По взглядам **левых** — Россия до 1917 г. имела феодальный строй, давно отживший и давно подточенный возникновением новых экономических и общественных сил, что и послужило причиной переворота. Этой точки зрения придерживался и историк П. Н. Милюков, вождь оппозиции в Думе, мин. иностр. дел Временного Правительства, ставший в 1920-х годах ведущим глашатаем социалистических и левых либеральных кругов русской эмиграции. Разъезжая в 1921 году с серией лекций по Соединенным Штатам, осуждая

⁷⁾ Зверское убийство Ц. Семьи один из палачей, негласный диктатор Урала, Сафаров ничтожно назвал "крайне демократическим" !!!

революцию, Милюков, тем не менее, призывал «Не проглядеть конструктивных процессов революции»!!!

Можно ли со взглядами «левых» согласиться? Нам не дают объяснений: почему после отречения Государя, приняв бразды правления, левое либеральное правительство власть не удержало в своих руках, хотя на это оно имело все шансы! Проф. П. Б. Струве считал главным виновником захвата власти большевиками — премьера Керенского, проявившего величайшее малодушие и крайнюю политическую глупость, обвинив ген. Корнилова в измене, вместо того чтобы объединиться с ним и идти вместе против левых марксистов. А когда началась вооруженная борьба против большевиков почти что все лидеры левых, не большевистских, партий, стали против Белого Движения. Позиция Милюкова была странной, двойственной, как и была двойственной вся его политическая деятельность. Одним из первых в Думе он сделал ложный намек по поводу Государыни. После отречения Имп. Николая II Милюков уговаривал Вел. Кн. Михаила Александровича не отказываться от престола. Бежав от большевиков в Киев, под защиту немецких штыков, он начал хлопотать о реставрации монархии при помощи Германии. И, наконец, бежав снова, обосновавшись в Париже, Милюков начал злостную кампанию против ген. Врангеля, напрягавшего все свои силы «одной губернии» (т. е. Крыма) против 49-ти «красных губерний» (Остальная Россия) с целью укрепиться, отсидеться и, дождавшись благоприятных условий, перейти снова в наступление.

Нам известна причина Милюковской кампании против вождей Белого Движения: он сам хотел создать в Париже представительство национальной России, независимо от Белого Движения.

Правые (консерваторы) отвергали ложную, с их точки зрения, аналогию русской с французской революцией. Они считали русскую революцию безусловной катастрофой, полным развалом организованной жизни страны, главным образом, по вине иностранных держав, в частности Германии и некоторых этнических меньшинств ⁸⁾. События 1917 года сравнивали они

⁸⁾ Пайпс называет евреев, латышей и украинцев. Обвинения против двух первых этнических меньшинств в широкой поддержке революции хорошо известны. Особенно это касается латышей. Но откуда Пайпс взял украинцев, трудно понять.

с эпохой Смутного Времени в 17 веке. Теперь, как и тогда, иностранные державы стремились расчленивать Россию. В 1600 годах это были поляки, теперь расчленителями являлись немцы, с чем П. Струве соглашался.

Время показало: кто был прав **левые** или **правые!**

А теперь перейдем к фактам.

Уже задолго до начала войны 1914 года кайзер Вильгельм и его правительство, усиленно готовясь к завоеванию славянских земель (*Der Drang nach Osten*) наводнили Россию своими шпионами, которые вербовались среди русских ренегатов, русских немцев и среди коренных жителей Германии, посылаемых в Россию на продолжительное пребывание. В письме к генералу Дитерихсу следователь Соколов писал следующее:

«Распутин был в России центром немецкой агентуры. В последние годы его жизни он являлся орудием в руках организации, носившей наименование «зеленых». Ее центром был Стокгольм. Организация эта умышленно толкала волю Распутина во все главные акты верховной власти. Путем пропаганды она же сама подчеркивала эти факты в России и за границей, дискредитируя власть».

Своим расследованием как и показаниями многочисленных свидетелей-современников (кн. Юсупов, полковник Р., следивший за Распутиным по приказанию генерала Алексеева и др.) Соколов установил, что «святой старец» играл огромную роль в политической жизни России. При таком положении дел Распутин, конечно, мог многое сделать и многому навредить. «Старца» уже давно подозревали в больших симпатиях к немцам, в шпионаже в их пользу и за ним была установлена слежка гражданскими властями и военной контрразведкой. Министр внутренних дел Хвостов утверждал, что ему стало совершенно ясным, что Распутин был окружен лицами которые, не без основания, подозревались как немецкие агенты. Князь Юсупов, решивший убить Распутина, с этой целью вошел к нему в доверие и часто бывал у «старца», где вел наблюдение за ним и его окружением. Допрошенный в Париже Соколовым он показал, что часто встречал у Распутина весьма подозрительных людей «не русского вида». Распутин все время повторял фразы вроде: «Не надо войны... Надо войну прекратить... Нам немцев не одолеть...» итд. Весьма подозрительным было и близкое окружение Распутина. Соколов в письме называет этих лиц: Мануйлов (Манасевич), Аарон Самуйлович

Симанович, торговец бриллиантами ⁹⁾ и известный банкир Рубинштейн (по кличке «Митя»), против которого было начато уголовное преследование за шпионаж в пользу Германии.

Кн. Юсупов и некоторые другие современники Распутина, имевшие с ним дело считали, что в своей политической деятельности «старец» не отдавал себе вполне отчета в совершенных им поступках! В известной степени он поступал бессознательно в пагубной, для России, деятельности. Но нет сомнения, что его квартира была местом, где немецкие шпионы получали ценные сведения.

Летом 1917 года Союзная и Американская разведки начали посылать из России тревожные сведения о немецких агентах, наводнивших страну. Германия, бросив на агитацию десятки миллионов рублей, поддерживала большевиков в игре:

«Царь начал войну и царя низложили. Пора и войну кончать!»!

Более тревожные сведения поступали с фронта. Там немецкая пропаганда была еще успешней. Миллионы разных листовок на русском языке раздавались солдатам. Были все они сфабрикованы в Германии, но помечались русскими городами, где листовки, якобы, печатались. В них солдат предупреждали, что в России уже начался дележ земли, а поэтому нужно бросать оружие и возвращаться скорее по-домам... Кто опоздает — ничего не получит!!! Такая пропаганда имела большой успех среди солдат, потерявших всякую дисциплину благодаря приказу «№ 1» и большевистской агитации. Разложение Русской армии очень беспокоило Союзников, а особенно американцев, только что вступивших в войну. По их подсчетам Восточный фронт приковывал, не считая турок, три миллиона германо-австрийских бойцов.

Для попытки повторения революции 1905 года, в условиях мирного времени, марксистам не хватало распропагандированных масс. Кроме того кадровая армия, имея прекрасный офицерский и унтерофицерский командный состав, была надежным оплотом против всяких революционных поползновений.

⁹⁾ В своей книге "Убийство Царской Семьи" Соколов подробно описывает роль Мануйлова-Манасевича, но ничего не говорит о Рубинштейне и Аароне Симановиче. Но в одном из неопубликованных писем к ген. Дитерихсу, Соколов упоминает о них. Gary Null в своей книге *The Conspirator who saved the Romanovs* называет Симановича "самым могущественным евреем в России", умудрившимся помочь 5-ти тысячам евреев избежать службы в армии во время 1-ой Мировой войны. Автор книги утверждает, что Симанович имел необыкновенное влияние на Распутина, вел его финансы и оберегал "старца" от врагов.

В 1917 году положение в корне изменилось: Февральская революция уничтожила всякую дисциплину в армии. Миллионная солдатская масса и сотни тысяч военнопленных дали Ленину и немцам то, чего им недоставало в обстановке мирного времени, чтобы зажечь революционный пожар по всей России¹⁰).

Роберт Вилтон в, уже упомянутой, книге «Последние дни Романовых» считал немцев главными виновниками Октябрьской революции. В 1917 году немцы послали Ленина с бандой революционеров, чтобы овладеть Россией — писал Вилтон. Красное правительство, составленное из людей, выбранных в Берлине, стало у власти, но они были вассалами. Граф Мирбах, представитель государства победителя, был в Москве действительным правителем, перед которым апостолы Карла Маркса гнули свои колена. К этой группе революционеров из Германии присоединились сотни марксистов из Чикаго¹¹).

Таким образом немцы, при помощи Ленина и его «соратников» создали красное чудовище, которое начало огнем и мечом выжигать русскую землю. Вилтон утверждал, что по началу советским режимом доминировал не Ленин (Ульянов), а Свердлов (Розенфельд), председатель всемогущего ВЦИК-а и один из организаторов зловещей Чрезвычайки. Он и его мастера заплочных дел Сафаров, Войков, Голощекин, Юровский и Белобородов несут непосредственную ответственность за Екатеринбургское злодеяние. По Вилтону, в те трагические для России дни, красная инквизиция была обязана давать отчет в своих действиях гр. Мирбаху. Такую мораль кайзер и его правительство, как и Германское военное командование совершенно оправдывали. А один из высших чинов немецкого Генштаба заявил:

¹⁰) Конечно, если бы у русских людей было больше патриотизма, этот пожар можно было потушить. Приведем один пример из статьи ген. Туркула ("Часовой" апр. 53 г.): "Из всего Румынского фронта на смелый призыв полк. Дроздовского отозвалось и поступило в организованную им 1-ю бригаду Русских добровольцев всего 800 человек, не побоявшихся опасностей". Ген. Туркул писал, что ген. Щербачев изменил свое недоверчивое отношение к походу и стал помогать полк. Дроздовскому, ген. Кельчевский же оказался предателем и перешел на службу большевиков.

¹¹) Доктор А. Саймонс, побывавший в России в первый период революции по поручению одной американской церковной общины, дал следующие показания американскому сенатору Нельсону: — Сотни агитаторов, прибывшие в Россию из низов восточного квартала Нью Йорка, находились в свите Троцкого, который также прибыл из Нью Йорка. Далее др. Саймонс утверждал, что более 250-ти сподвижников чекиста Зиновьева в Петрограде приехало оттуда же!

«Если нужно будет, мы не только революцию, но и чуму в Россию пошлем»!!!

Однако, создав в России красный вассальный режим, удержать свою власть над ним немцы долго не смогли. Чужое поражение Германии большевистское чудовище вышло из повиновения своему «феодалу», и убив Мирбаха ¹²⁾, отдало приказание расстрелять Ц. Семью.

Между правительством в Берлине и Германским верховным командованием появились вскоре разногласия во взглядах, относительно целесообразности поддержки красного режима в России. Военные круги пришли к заключению, что Берлин слишком далеко зашел в своем сотрудничестве с большевиками:

«Красные сделали свое дело, и их пора ликвидировать»!

В это время начиналась вооруженная борьба с большевиками на юге России. Генералы Алексеев и Корнилов создавали Доброармию, ген. Краснов поднял казаков против красных. Немцы надеялись переключиться на Белое и Казачье движение, но ген. Алексеев не хотел и слышать о сотрудничестве с врагами России. Людендорфу удалось установить контакт с Красновым, но и последний рассматривал своим врагом не Антанту а большевиков. Немцы же ни в коем случае не хотели допустить восстановление Восточного фронта. По распоряжению Вильгельма Мирбах разослал инструкции немецким агентам (особенно в Сибири) принуждать военнопленных центральных держав, поступать в «красную гвардию» ¹³⁾ и вербовать в нее преступный элемент, освобожденный Керенским из тюрем.

В мае 1918 года, за полтора месяца до убийства Ц. Семьи, в Екатеринбург прибыла группа немецких шпионов с каким-то полковником во главе, под видом миссии красного креста. Получив точные сведения о том, что творится в «доме особого назначения», миссия отбыла в Германию. Таким образом Вильгельм и Берлин прекрасно знали в каком положении находился

¹²⁾ По другим сведениям Мирбах был убит эсерами.

¹³⁾ Мельгунов, в одной из своих работ, упоминает о 22-х тысячах немецких пленников в Екатеринбурге, из которых 4.000 вступило в большевистскую «красную гвардию». По всей вероятности в составе «красногвардейцев» в Зап. Сибири боролся против Белых и Чехов и Иосиф Броз-Тито, который в начале Октябрьской революции находился на Атаманском Хуторе, непосредственно вблизи Омска. В 1920 году там же он был принят в компартию, очевидно, за заслуги перед революцией.

Государь и его семья, которому кайзер в 1915 году изливал свои дружеские чувства, надеясь на сепаратный мир. Но никаких решительных мер не было предпринято чтобы спасти Николая II. А занимаемое в эти дни гр. Мирбахом положение ¹⁴⁾ дает, по мнению Вилтона, полное основание утверждать, что немцы одобрили Екатеринбургское злодеяние.

Винстон Черчилль в своей книге "The World Crisis: The Aftermath", London, 1929 писал о том, как немцы помогли Ленину осуществить свои намерения, предоставив ему «запломбированный поезд», в котором он попал в Россию через Швейцарию и Финляндию:

«Немцы забросили Ленина в Россию, как бацилу чумы!»

О немецком запломбированном вагоне и 30-ти вождях большевистской революции говорит и Мельгунов ¹⁵⁾. Социал-демократ Парвус (Гельфонд), перейдя на сторону немцев помог наладить им «дело»: он стал посредником между Лениным с его Швейцарской группой и Германским Генштабом в организации отправки в Россию большевистской головки, как и снабжении их немецкими деньгами. Таким образом роль немцев в Октябрьской революции давно установленный и неоспоримый факт.

Что же можно сказать о «доблестных» союзниках России? Генерал Людендорф дает нам ответ:

«Царь был свергнут революцией, которую фаворизировала Антанта. Причины поддержки Антантой революции не ясны. По всему судя Антанта ожидала, что революция принесет ей какие-то преимущества. Царь, который начал войну за Антанту, теперь должен был быть низложен».

Многие высшие чины немецкого командования определенно считали Февральскую революцию творением англичан, действовавших через Думу и отдельных лиц. Ген. Спиридович в своей книге указывал, что Англия ни в коем случае не хотела допустить Россию к контролю Константинополя и Дарданелами. Британское правительство было уверено, что любой новый режим будет более податлив в этом вопросе.

¹⁴⁾ Один из лидеров русских монархистов, знавший хорошо Мирбаха до войны, пытаясь убедить его принять меры для спасения Государя, так и сказал ему: "При вашем диктаторском положении в России..."

¹⁵⁾ Среди них были убийцы Ц. Семья: Сафаров и Войков.

Е. Джозефсон сообщал, что уже в 1905 году банкирский Дом Якова Шиффа (Кун Лебе Ко.) в Нью Йорке финансировал русскую революцию, и не только, по политическим соображениям. Дело в том, что Стандарт Оил Компани пыталась захватить контроль над Бакинскими и другими русскими нефтяными полями, которые являлись до того времени монополией Рояль Датч Ко. По сообщению «Царского Вестника» (Белград, 1939, номер 672) и «Нашей Страны» (Буэнос-Айрес, номера 978, 672) после Февральской революции Яков Шифф и министр иностранных дел Милюков, обменялись приветственными телеграммами по случаю «свержения тиранического самодержавия»¹⁶). Левая газета «Journal American» от 1-го декабря 1955 года поместила у себя следующий текст, который мы приводим в оригинале:

The Russian government is still the same brutal apparatus of a small group that it has been since a few American financiers underwrote the extinction of the czars in 1917¹⁷).

Мельгунов, говоря о революционном правосудии Временного Правительства, которое оказалось далеко не на высоте, вскользь упоминает следующее:

«Причудливым образом просветительные фонды всякого рода американских и иных иностранных комитетов сыграли значительную роль в революционной пропаганде».

О роли, которую сыграло масонство в Февральской революции мы узнаем из книги Аронсона «Россия накануне революции» и из статьи Фрумкина «Из истории о русском еврействе». По выражению Аронсона масонство пыталось стать «закулисной дерижерской палочкой» чтобы «управлять событиями». Я. Г. Фрумкин писал: «Как известно русское политическое масонство сыграло большую роль при определении состава Временного Правительства первого и последующих составов». Далее он подтвердил, что многие масоны склонны думать, что в организации Февральской революции и ее по-

16) Этот же самый Милюков, бежав от красных в Киев, под защиту немецких штыков, летом 18 г. будет хлопотать о восстановлении монархии при помощи немцев.

17) «Русское правительство продолжает оставаться все тем же аппаратом грубой силы в руках небольшой кучки людей, каковым оно является с тех пор, как в 1917 году несколько американских финансистов приказали истребить царский род».

беде масонство было главным, решающим фактором (лично Фрумкин этого мнения не придерживался). К русской масонской элите относят: князя Львова, Керенского, Маклакова, Некрасова, Вел. Кн. Николая Михайловича, Терещенко, Брудо и др. По Мельгунову в основную головку политического масонства входила тройка из следующих лиц: Керенский, Некрасов и Терещенко (мелкий чиновник имп. театров, сын миллионера, буд. мин. ин. дел). Н. Свитков, в своей брошюре, давал список масонов-большевиков: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Радек, Литвинов, Свердлов и др. Если эти лица были масонами, то вероятно, принадлежали не к русским масонским ломам.

В заключительных строках своей книги Н. Соколов писал следующее:

«В общем ходе мировых событий смерть Царя, как прямое последствие лишения его свободы, была неизбежна».

Мельгунов, с некоторыми оговорками, с мнением Соколова соглашается. Набоков, управляющий делами Временного Правительства ¹⁸⁾ также признал в своих воспоминаниях, что актом лишения свободы Царя «был завязан узел, разрубленный в Екатеринбурге».

Государь и Государыня были арестованы Временным Правительством в один день: 21 марта ¹⁹⁾, причем известие об аресте императору сообщил генерал Алексеев, а Государыню приехал арестовать ген. Корнилов. Это событие вызвало следующую реакцию Мельгунова:

«Как-то непонятно почему главнокомандующему войсками, с его штабом была придана несвойственная его обязанностям роль тюремщика».

Ни на минуту не сомневаясь в патриотизме генералов Алексеева и Корнилова, основателей Добровольческой Армии, которая спасла неблагоприятную Европу от большевизма, мы тем не менее не можем обойти молчанием утверждения Мельгунова, историка объективного, о причастии ген. Алексеева к, несостоявшемуся т. наз. «Дворцовому перевороту». По этому поводу один из мемуаристов записал:

¹⁸⁾ Отец писателя, убитый в Берлине, вместо Милюкова, крайними национал-стамп.

¹⁹⁾ Все даты по новому стилю.

«Оба генерала дыша любовью к своей родине, не понимали в те, трагические для России, дни, что политической черни нельзя делать никаких уступок!»

Объективные исследователи пытались установить причины ареста революционным правительством Царской Семьи. Керенский объяснял этот акт «исключительно гуманными соображениями». Другие видели в аресте руку Советов и желание оградить Государя от самочинства. Соколов полагал, что в стремлении Керенского раскрыть «вину» Царя и Царицы кроется основная причина произведенного ареста, и с этим мнением трудно не согласиться. И наконец, Мельгунов по поводу ареста Царя заметил:

«Правительство в своем подавляющем большинстве мало считалось с тем моральным обязательством, которое лежало на нем в отношении отрекшегося монарха».

В самые критические для Государя дни большинство из его близких приближенных царедворцев, которым он доверял и считал, что может вполне на них положиться, легко отвернулось от него и «стали быстро разбегаться во все стороны». Вел. Кн. Николай Михайлович был короток, но беспощаден в своей характеристике этой служилой аристократии, окружавшей Государя: «Как все они предали Его!»²⁰). Даже народный социалист Мельгунов находил, что простой элементарный такт должен был заставить Великих Князей, герц. Лихтенбергского, кн. Юсупова и других родственников Царю лиц, воздержаться от каких-либо газетных интервью в критические Ц. Семьи дни.

Государь прибыл в Царское Село 22 марта, соединился со своей Семьей и с этого дня началась их жизнь в строгой изоляции по специальным инструкциям Керенского. Начальником Ц.-Сельского караула был назначен полковник Кобылинский. Очевидно ген. Корнилов позаботился сделать подходящий выбор: Кобылинский оказался на редкость культурным

²⁰) Назовем некоторых из этих лиц: начальник козвоя граф Граббе, начальник походной канц. Нарышкин, флигель-адъютанты герцог Лихтенбергский и Саблин, полк. Мордвинов. С другой стороны англичанин Сидней Гиббе и швейцарец Жюльяр рискнули последовать за Ц. Семьей в изгнание. И недаром, в эти трагические дни Государь запис в свой дневник известные всем слова: "Везде предательство, трусость и измена"!!! Были и среди русских простых людей и служилой аристократии лица оставшиеся до конца верными Государю и испившие с ним чашу мучения до дна! Это были ген. Татищев, др. Боткин, графиня Гендрикова, горн. Демидова, лакей Трупп, повар Харитонов, дядька Нагорный, проявивший особое мужество.

и преданным Ц. Семье человеком, пробыв с ней вплоть до увоза в Екатеринбург. Должность дворцового коменданта занял шт. ротмистр Уланского Ее Вел. полка Коцебу, который больше служил Царственным Узникам, чем революции, а поэтому вскоре и был заменен ставленником Керенского — Коровиченко. После ухода последнего полк. Кобылинский принял на себя также должность дворцового коменданта.

В Царское Село раз 10 приезжал Керенский, и лично вел он себя корректно. Ознакомившись с содержанием отобранных царских бумаг, Керенский совершенно переменялся к Государю, «но ни одну минуту не был он искренен с Царем». Революционная охрана имела в своем составе разношерстный элемент. Более пожилые солдаты относились к Ц. Семье доброжелательно, но молодые, и тронутые тленом анархии и большевизма, вели себя вызывающе и развязно, отравляя Узникам жизнь. Только благодаря такту и преданности полк. Кобылинского удалось избежать многие эксцессы.

В целях «беспристрастного расследования» Керенский распорядился на время изолировать Государя от Государыни: «Не к радости началось говение. После обедни прибыл Керенский и просил ограничить наши встречи временем еды и с детьми сидеть раздельно...», занес Государь в свой дневник (от 27. 3) ²¹⁾.

И начав следствие о деле измены Керенский подумывал и о «революционном суде» над отрекшимся монархом. Критикуя работу Муравьевской комиссии ²²⁾, Мельгунов отметил следующее:

«В основу расследования был положен парадокс, что революция может судить своих врагов во имя законов, которые она разрушила».

Следователь Руднев, ознакомившись со всеми материалами заключил, что не было найдено ни одного документа, компрометирующего Государя и Государыню или указывающего на влияние Распутина на внешнюю или внутреннюю политику

²¹⁾ Мельгунов часто пользуется царским дневником. Много лет позднее Гпббе, в своих воспоминаниях, советует относиться к тексту дневника осторожно, т. к. возможна ловкая советская подделка

²²⁾ Интересно отметить, что секретарем Муравьева был известный поэт А. Блок. В своих записках он злопыхал против допрашиваемых им б. гос. деятелей, обвиняя даже Муравьева в правом уклоне.

страны ²³). Но никогда комиссия не обнародовала результатов следствия, не опровергла клеветы в «измене», а газеты революционных дней скорее подтверждали клевету и раздували слухи, при молчаливом «нейтралитете» правительства.

В день ареста Государя Милюков имел свидание с Британским послом Бьюкененом при котором последний подчеркнул, что Его Величество является родственником короля Георга V, а поэтому он надеется на меры, которые будут приняты по охране Государя. Милюков заверил Бьюкенена о безопасности Царя и заявил, что было бы желательным получить от Британского Правительства предложение убежища Царской Семье в Англии. Несомненно арест Государя очень волновал Милюкова, мучили ли его угрызения совести, мы не знаем. Во всяком случае французский посол Палеолог подтвердил это. Государь, поскольку не мог остаться в России и жить в Крыму, соглашался на отъезд в Англию. Король Георг и император Николай II были двоюродными братьями по матери. Государыня являлась тоже кузиной короля, т. к. ее мать была дочерью королевы Виктории. Осиротев рано в детстве, Государыня была взята в Англию и воспитывалась при дворе королевы Виктории ²⁴). Кроме родственных уз, Георг V и Николай II являлись близкими друзьями.

Милюков категорически утверждал в Париже Соколову, что ввиду внутреннего положения, отъезд Ц. Семьи из революционной России представлялся желательным. В своих воспоминаниях Бьюкенен писал о том, как он уже 23 марта сообщил Милюкову, что король и Правительство Его Величества счастливы присоединиться к предложению Временного Правительства. Но Львов и Керенский медлили с ответом под предлогом сопротивления оппозиции «левого крыла» («Со-

²³) Все это Керенский подтвердил лично Бьюкенену!!.

²⁴) Таким образом "миф" об "императрице немке", симпатизирующей "своей родине Германии", до сих пор существующий на Западе и укоренившийся среди большинства русской пац. эмиграции, является докко придуманной клеветой, усердно раздуваемой большевистскими историками. Александра Федоровна не любила немцев, презирала Вильгельма. Царские дети не учили даже немецкого языка но прекрасно владели английским. В русский же народ, как и Николай II, Государыня верила слепо и фанатически, и своего мнения не переменяла даже в заточении, в Сибири. По этой причине Они отбрасывали все слухи и пиформации о революционном брожении, предшествующем Февралю. На допросе учительница царских детей и другие ясно показали: "Государыня не знала народа и верила в его доброту и порядочность, даже во время своего заточения и всех исприятностей, причиняемых им стражей". Лондонский "Таймс" додумался совсем недавно называть Государыню "нацистской Брунхильдой", за любовь ее делать знаки свастикки. Недалекие писакки из "Таймса" не понимали, что свастика — египетский знак удачи и успеха, и во время революции никаких нацистов не было и в помине!!!

вет»): «Первые дни затянулись и превратились в недели, а Бьюкенену отвечали, что по состоянию здоровья больных Вел. Княжен ничего нельзя предпринять» (Мельгунов).

Таким образом Керенский всячески затягивал отъезд на котором Британское Правительство настаивало. Затем откинув моральную проблему, под влиянием премьера Л. Джорджа, Английское Правительство встало на путь реалистической политики интересов дня и предписало своему послу отменить соглашение с Временным Правительством. Позднее Ллойд Джордж, якобы, признал, что он посоветовал королю отменить приглашение, т. е. «хотел жизнью Николая II купить популярность у левой Англии» (Дионео). В своих воспоминаниях Л. Джордж объяснял все иначе: согласно просьбе Временного Правительства Англия предложила императору убежище, но Временное Правительство не смогло превозмочь сопротивления Совета и отказалось от первоначального намерения. Мельгунов считал Ллойд Джорджа формально правым! Ведь у Британии не было никогда постоянных врагов ни постоянных друзей, а только постоянные интересы! А Соколов, говоря о возможности предоставления убежища Государю на Западе, закончил свое изложение следующими словами:

«Как они могли спасти Царя, когда сама русская власть, которую они так горячо приветствовали, отдала Царя под суд и на весь свет объявила, что он изменник»!!!

В 1976 году А. Саммерс и Т. Менгольд выступили с разоблачениями против английского короля. В главе своей книги, названной «Король Георг захлопывает дверь» ²⁵⁾, они обвинили Британского монарха, на основании собранных ими документов, в том, что он добился от Британского Правительства решения отказаться от приглашения (стр. 243-256). В 1973 году Ленинградская «Звезда», ссылаясь на "The Review of of Politics", London, 1925 утверждала почти что то же самое:

«По поручению короля его секретарь Эндрю Челфонд направил Ллойд-Джорджу письмо означающее отбой: 'Его Величество со своей стороны выражает сомнение, благоразумно ли было бы в настоящее время направить в Англию Царскую Семью'».

И вместо Крыма и Англии Временное Правительство (вернее Керенский) постановило отправить Государя в далекую Сибирскую ссылку. Мотивы, руководившие Керенским, в ре-

²⁵⁾ "The File on the Tsar", Great Britain, Fontana/Collins, 1976.

шении сослать Государя в Тобольск объясняли по разному. Жильяр и Теглева говорили об опасении властей за безопасность монарха. Керенский, как и кн. Львов, мотивировал свое решение все обострявшейся борьбой с большевиками, которые вели сильную агитацию против правительства. Но события неудавшегося летнего выступления большевиков, прибытие с фронта войск «рвавшихся броситься на заводы и фабрики с целью расправы с бунтовщиками»²⁶⁾, говорили об ином. Представители «революционной демократии» (т. е. большевики) подняли шум об опасности для режима не слева, а справа, об одностороннем правосудии, применяемом только к большевикам. У страха глаза велики и Врем. Правительство попало на большевистскую удочку. Все эти события, и дали Мельгунову основание говорить, что главным мотивом высылки Ц. Семьи в Сибирь был преувеличенный страх перед контрреволюцией. Соколов придерживался совершенно другого мнения:

«Был только один мотив перевоза Царской Семьи в Тобольск, не указанный кн. Львовым и Керенским: далекая, холодная Сибирь, тот край куда ссылались другие».

Некоторые исследователи упоминают также этот мотив добавляя, что в отправке Государя на родину Распутина можно усмотреть желание его унижить. Попытки же сослаться на невозможность предоставить Царской Семье жить в Крыму из-за опасности проезда через «рабоче-крестьянскую» Россию, звучит совсем неубедительно. Через ту же, еще более революционно настроенную «рабоче-крестьянскую» Россию (Урал) отправили Государя в Сибирь. Скорее всего, что правительство опасалось близости от Крыма Казачьих земель.

Почему же из Сибирских городов все-таки выбрали Тобольск? Сам Керенский объяснял выбор таким образом: — это маленький город, без промышленного пролетариата, с зажиточным населением, довольным своей участью. Тобольск летом можно было достичь Северным водным путем, минуя густо населенные районы.

Царская Семья отбыла из Александровского дворца 14 августа в сопровождении штата из придворных и слуг (41 лицо), а в Тобольске к ним присоединились Сидней Гиббс²⁷⁾, др.

²⁶⁾ "Новая Жизнь" от 7-VII-1917.

²⁷⁾ На преданного Ц. Семье англичанина Гиббса так действовала их гибель, в расследовании которой он принимал известное участие в Екатеринбурге, что вернувшись в Лондон он стал православным, принял постриг и получил сан архимандрита. После его кончины, приемный сын Архимандрита Николая, русский по крови, издал воспоминания С. Гиббса, дышащие глубокой любовью ко всей Царской Семье!

Деревенко ²⁸⁾ и еще 4 лица. Первые дни жизни на новом месте были тихими, спокойными и Узники могли посещать Благовещенскую церковь. Полк. Кобылинский никому в Тобольске не подчинялся и не получал никаких инструкций из центра. Местное население относилось к Ц. Семье с большим участием. Проходя мимо губернаторского дома многие снимали шапки, крестили и благословляли Узников. Окрестное татарское население оказывало Царской Семье исключительные знаки внимания и расположения ²⁹⁾. Ивановский женский монастырь, как и отдельные лица, доставлял провизию.

В Тобольске было скучно, особенно детям, а поэтому они усиленно занимались, ставили пьесы. В сентябре в Тобольск прибыл правительственный комиссар Панкратов, которому Керенский подчинил Кобылинского. Был он политическим преступником, пробыв в одиночке 15 лет, за убийство жандарма. Но человеком Панкратов оказался добрым, сердечным, и, особенно хорошо, относился к княжнам. ³⁰⁾ Его помощник, наоборот был груб и непорядочен. Панкратов «пережил» Керенского и солдаты караула самочинно выгнали его в феврале 1918 года. Караул же как бы разделился на две партии: с одними Государь и Царские дети поддерживали хорошие отношения, солдаты тайком ходили в кабинет царя поговорить с ним «по душам», другие были грубы и дерзки, заставили Государя снять погоны... И власть постепенно стала переходить в руки этих солдат. Впрочем Кобылинского они не рисковали трогать.

Наконец в Тобольск прибыл из Москвы «чрезвычайный комиссар» В. В. Яковлев, личность которого следствие не установило и до сих пор мы не знаем точно кем он был. Ходил Яковлев в матросской блузе, тулупе, папахе и производил

²⁸⁾ Из книги ген. Дитерихса мы узнаем, что др. Деревенко перешел на службу большевиков, был в Томске, и далее его след теряется.

²⁹⁾ Однажды местные татары, собравшись перед губернаторским домом со своим муллой, отслужили молебен за здравие Их Величеств. По поводу отношения простого народа к Царю приведем еще два примера. Во время Антоновского восстания в Тамбовщине была распространена легенда о том, что Царь дал землю крестьянам, за это его Керенский, Ленин и Троцкий сослали в Сибирь и убили. Во Владимире бабы отстояли памятник Александру II и большевики только через пол года обманом ночью его снесли.

³⁰⁾ Несмотря на богатое революционное прошлое был Панкратов врагом большевиков. Перед отъездом в Тобольск "Бабушка русской революции" Брешко-Брешковская взяла с Панкратора слово как можно гуманней поступать с Ц. Семьей: "Ты сам натерпелся, так не допусти, чтобы страдали другие, а особенно женщины и дети"...

впечатление человека не только интеллигентного, но и культурного, знал он и много иностранных языков. По Соколову и Керенскому Яковлев был морским офицером, за что-то разжалованным. По рассказам Авдеева, первого «коменданта» Ипатьевского дома, подтвержденным матросом Хохряковым, был Яковлев известным Уральским большевиком и рабочим по фамилии Мячин. Между 1 и 2-ой революциями он побывал в Париже и на о. Капри где и приобрел известный лоск.

Большевицкие агенты проникли в Тобольск постепенно, с опаской только к концу 1917 года. Карательный отряд в 500 латышей и матросов в декабре терроризировал Сев. Урал, вдоль железнодорожной магистрали, арестовал в Тюмени кн. Львова, и вскоре распался. Затем у Екатеринбургских и Омских большевиков началась борьба за Тобольск. Группа Екатеринбургских рабочих, посланных к Тобольску, была перехвачена крестьянами и вся уничтожена. Тогда рабочие Злоказовского завода в Екатеринбурге, во главе с Авдеевым, с подложными паспортами, по одиночке, чтобы не вызвать подозрения у крестьян окрестных деревень, стали пробираться в Тобольск, где уже находился Хохряков. Затем из Омска прибыло 2 отряда латышей и матросов. Борьба между Омичами и Екатеринбургцами (политически «более сильными») закончилась триумфом последних. Такую обстановку застал в Тобольске «чрезвычайный комиссар» ВЦИК-а Яковлев. Соколов, в противоположность «позднему» Мельгунову, считал, что Яковлев, скрываясь под маской большевика, был враждебен их целям и являлся посланцем иной, не большевицкой силы. Генерал Гурко подтверждал теорию Соколова:

«Для меня совершенно ясно, что вывоз Царской Семьи из Тобольска произошел по германской инициативе и, ездивший в Тобольск за Государем Яковлев был связан с немцами».

Такую предпосылку Мельгунов назвал «началом легенды» считая, что немецкий план в корне расходился с целями уральских большевиков, желавших захватить в свои лапы Царя. Разберемся теперь в действиях и поступках Яковлева и посмотрим: мог ли он быть доверенным посланцем Свердлова и ВЦИК-а. Ни один, даже «просвещенный» большевик, а особенно быв. уральский рабочий, не вел бы себя так корректно,

предупредительно и сердечно по отношению Царской Семьи, как поступал Яковлев. Приведем несколько примеров.

1) В показании учительницы Ц. детей, Клавдии Битнер: «Яковлев стоял и все время держал руку под козырек, когда Государь садился в экипаж». 2) В показании полк. Кобылинского: «С дороги послал телеграмму «Едем благополучно. Христос с Вами. Как здоровье маленького. Яковлев».»; 3) В показании пор. Мунделя: «Яковлев старался угодить Государю». И подобных свидетельств мы имеем много. Большевики же обвинили позднее Яковлева «В галантности к царской семье». Когда Государь отказался ехать с Яковлевым, оставив больного Наследника, посланник «всесильного» ВЦИК-а не потребовал грубо исполнить его приказание, а «просил» этого не делать, т. к. в противном он должен применить силу или отказаться от своей миссии, а тогда пришлют менее гуманного человека». Касвинов в Ленинградской «Звезде» называет Яковлева «двойным шпионом, диверсантом и проходимцем». Далее он утверждает, что Яковлев вовсе не был уральским рабочим, а сыном не то купца, не то инженера. В 1905 году, находясь в офицерской электротехнической школе, в Свеаборге он примкнул к революции, был осужден на смерть и бежал за границу. Двенадцать лет провел Яковлев в Канаде и Германии, а после Февраля вернулся на родину и поступил в библиотеку Генерального штаба. В Петрограде он был близок к первому министру юстиции большевистского правительства, левому эсеру Стайнбергу. Последний и устроил назначение Яковлева, как «особо-уполномоченного» комиссара в Тобольск.

Неожиданно, 25 апреля, Яковлев сообщил Кобылинскому, а затем и Государю, что он должен немедленно увезти Его и всю Семью из Тобольска, а если наследник не может ехать, то одного Государя. Кобылинский считал, что Яковлев, исполняя директиву Москвы, везет Государя в столицу. Император Николай II думал, что везут его в Москву, чтобы подписаться под Брестским миром («Похабный мир») и говорил: «Я лучше дам отсечь себе руку, чем сделаю это».

26 апреля отправились в путь с Яковлевым: Государь, Государыня и Вел. Княжна Мария. Соколов считал, что Яковлев сделал попытку прорваться в Европейскую Россию. Прибыв на лошадях в Тюмень, Узники были размещены в уже поданном поезде. «Уралец» Авдеев, ехавший со стражей, не

доверял Яковлеву, но не мог ничего предпринять, т. к. охрану вагонов внутри несли старые тобольские стрелки. Только когда поезд уже трогался он успел шепнуть на пероне своему человеку: немедленно телеграфировать в Екатеринбург об отходе поезда и его направлении. И когда состав тронулся в обратную сторону, на Омск, Яковлев объяснил Авдееву, о попытке «Уральцев» взорвать поезд. В Екатеринбурге большевики забили тревогу и объявили Яковлева изменником революции. В дороге стало известным о попытке уральцев перехватить поезд. После этого Яковлев, на станции Люблинской, отцепил часть состава и отправился в Омск. Там он говорил по прямому проводу со Свердловым и получил приказание «Везти Романовых в Екатеринбург» и передать Узников Областному Совету Урала, а самому сдать свои полномочия. Дальнейшая судьба Яковлева точно не выяснена. Как будто бы он был назначен командующим 2-ой красной армии, затем перешел на сторону Белых и был по ошибке расстрелян чехами. Ген. Дитерихс считал, что кровавая расправа с Ц. Семьей не позволила Яковлеву оставаться далее в рядах большевиков. «История Яковлева», напечатанная уже в 1973 году в Ленинградской «Звезде» объясняет нам многое. В ней рассказывается как перед отходом поезда из Тюмени, Яковлев прошел по вагонам, сообщая в пол голоса конвоирам, что по прямому проводу из Москвы ему велено везти царя по маршруту Омск-Челябинск-Самара. Узнав в пути о «погоне Уральцев», Яковлев на паровозе отправился в Омск, где по телефону сообщил Свердлову о заговоре екатеринбуржцев, прося разрешения «увезти Романовых на надежное место», но получил отказ. Таким образом екатеринбургские большевики считали Яковлева немецким агентом, сделавшим попытку прорваться в центральную Россию, а оттуда на юг в немецкую зону. Эти новейшие сведения подтверждают полностью гипотезу Соколова и объясняют нам: почему Яковлев ходил в матросской куртке и вел себя так предупредительно по отношению к Царской Семье. По большевистским данным Яковлев получил назначение военного комиссара на Самарском фронте, и

«в одну из темных октябрьских ночей 1918 года перешел линию обороны к противнику».

30 апреля вечером Государь прибыл в Екатеринбург, был встречен на станции своими палачами: Шайе Голощекиным с

его приспешниками и водворен в дом подрядчика Ипатьева³¹⁾, получивший большевистское название «дома особого назначения».

Теперь постараемся выяснить личность еще одного человека, сыгравшего известную роль в трагической судьбе Ц. Семьи. Его звали Борисом Соловьевым. Был он женат на дочери Распутина, стал членом его кружка в 1915 году, а отец Соловьева вел близкую дружбу со «старцем». Соколов считал Соловьева одним из вожakov революционного движения среди солдат Петроградского гарнизона. В конце августа 1917 г. он пытался пробраться в Тобольск, в октябре того же года женился на дочери Распутина, очевидно, не по любви, и потом проживал в Тюмени. Как зять Распутина, Соловьев пользовался доверием Императрицы и под видом спасения Ц. Семьи, оперируя из Тюмени, «действовал с дурными намерениями». Соколов писал по этому поводу следующее:

«Вкравшись в доверие недалёковидных монархистов Соловьев действовал определенно с целью погубить Их Величества».

Из Тюмени этот современный «Соловей-разбойник», раскинув повсюду свои сети, внимательно следил за всеми лицами направлявшимися в Тобольск, с целью помочь Ц. Семье. Большинство из них он перехватывал и выдавал большевикам. После поражения красных летом 18 г., Соловьев очутился в Восточной Сибири, по приказу Соколова был арестован, но сразу освобожден на интервенцию «всесильной» приятельницы атамана Семенова, на чьей «территории» был произведен арест. (По большевистским сведениям Соловьев откупился бриллиантами, которые ему удалось выманить у Ц. Семьи). Вилтон в своей книге говорит о Соловьеве в том же духе, поражаясь таинственной ассоциацией его с лицами, подозреваемыми как германские шпионы. Гиббс также назвал Соловьева «двойным агентом, работавшим на немцев и большевиков». Между тем Мельгунов придерживался совсем другого мнения:

31) Дом Ипатьева, в котором в последнее время находилось "Культурно-просветительное училище", простоял до конца 1977 года, когда и был спасен.

В последние годы к бывшему дому "особого назначения" началось паломничество, что и послужило, вне всякого сомнения, причиной его сноса!

Как и для большинства своих черных дел, так и для разрушения Ипатьевского особняка, большевики выбрали ночь! Но это не помешало довольно большой толпе наблюдать попытку советской власти уничтожить последние следы Екатеринбургского злодеяния.

«Бориса, как именует его А. Ф. в письмах к Вырубовой, Императрица знала давно». Мельгунов не находил никаких существенных улик, чтобы заклеить Соловьева как двойного шпиона, разве что имевшего пристрастие к наживе сомнительными средствами. Уже в 1968 году в немецком "Welt am Sonntag", 1968, Соловьев опять был назван провокатором. По новейшим советским источникам Соловьеву удалось побывать в Тобольске и повидаться с Государыней. Он вручил Узникам известную сумму денег, полученную от монархистов, но большую часть присвоил себе: «Ограбив их Соловьев бежал в В. Сибирь».

Нас интересует вопрос: были ли предприняты какие-либо попытки со стороны русских людей спасти Царскую Семью? За недостатком места, мы не в состоянии обширно говорить об этом в статье и дадим только краткий обзор событий.

Русское общество приняло с большим равнодушием арест Государя и ссылку Царской Семьи в далекую Сибирь. Поэтому намерение спасти Государя могло появиться только в монархических кругах и, в силу политического положения, могло осуществиться только при помощи немцев. Видя, что на Союзников нельзя возлагать никакой надежды, русские монархические группы отправили в Тобольск значительную сумму денег и получив оттуда тревожные сведения, начали зондировать почву у графа Мирбаха. С ним вели переговоры сенатор Нейгарт и гр. Бенкендорф. Но из этих попыток монархистов ничего не вышло. Мирбах принимал их очень сухо и дал понять, что

«Все происходящее сейчас с Россией — естественное и неизбежное последствие победы Германии».

Касааясь Тобольского периода ссылки, Мельгунов писал следующее:

«Соколов был совершенно прав в своих выводах о том, что ни в самом Тобольске ни Тюмени не было никакой офицерской группы, готовой освободить Царскую Семью», а отдельные лица не в состоянии были что-либо предпринять. В Екатеринбурге положение значительно ухудшилось: Царская Семья попала в западню, из которой почти что не было выхода. А ведь было известно о присутствии в городе большого числа офицеров. В 1917 году сюда эвакуировали Академию Генштаба... Также сообщали о какой-то офицерской роте, ушедшей в полном составе от большевиков к Белым. Но, до на-

чала июля, никакой связи между отдельными лицами не было, а потом стало уже поздно что-либо предпринять ³²⁾. Единственно кто был в силах еще освободить Ц. Семью — это немцы, действуя они решительно в Москве и через своих многочисленных агентов в Сибири как и при помощи десятков тысяч военнопленных. В начале июля и эта возможность отпала.

В Тобольске с отъездом Яковлева, оставили распоряжаться Хохрякова. Отряд полковника Кобылинского был распущен и заменен 3-мя взводами чекистов с пулеметной командой. В своем бегстве, кроме остальных многочисленных документов и следов преступления, большевики оставили списки этого отряда: все это были латыши, а во главе его стал бывший пограничный жандарм и шпион Родионов. Это был «человек грубый, злобный зверь, которому доставляло удовольствие мучить». Родионов заставил, еще не оправившегося от болезни, царевича Алексея отправиться в путь, и 23 мая Царская Семья опять соединилась в доме Ипатьева и оставалась неразлучной даже в своей смерти! Ген. Татищева, графиню Гендрикову, Волкова, Чемодурова, а затем Нагорного и Седнева отправили сразу в тюрьму и почти все они были зверски убиты, а Волкову удалось бежать из-под расстрела.

А Царская Семья, как мы уже сказали, была помещена Шайе Голощекиным в «дом особого назначения» и окружена охранниками. Стража делилась на **наружную**, со случайным составом, и **внутреннюю**, которая сразу же была специально подобрана из местных рабочих Злоказовской фабрики. После прибытия Наследника кадр наружной стражи был составлен из более надежных рабочих Сысертского (главным образом) и Злоказовского заводов. «Комендантом» дома назначили уральца Авдеева при помощнике Мошкине и начальнике караульной команды Павле Медведеве.

До того времени, как наружная стража была заменена рабочими, охранники с симпатиями относились к Узникам. Мельгунов оспаривал утверждения Соколова, о постоянных издевательствах тюремщиков. Был ли он прав? Обратимся к

³²⁾ Было бы ошибочным с нашей стороны не упомянуть о жертвенном порыве русской молодежи, которая шла в авангарде на всех фронтах Белого Движения в борьбе с большевиками. Это так ясно подчеркнул советско-русский писатель Борис Пастернак, описывая как раз Уральский фронт, в своем романе "Доктор Живаго". В попытке организовать какой-то отряд для спасения Царской Семьи из заточения, заговорщики вступили в контакт с небольшой местной скаутской группой. Юные (назовем их теперь) разведчики все как один выразили желание принять участие в опасном деле: "Между этими подростками не было колебания. Все они горели желанием выступить против большевиков".

тексту не русского, а англичанина Роберта Вилтона и увидим картину, подтверждающую утверждения Соколова:

«Екатеринбургский период был продолжительным мученичеством для Романовых, все время ухудшавшимся. Тюремщики, по началу, русские, с дьявольской изобретательностью мучили свои беззащитные жертвы. Это были грубые, криминального типа пьяницы, подонки, каких только революция могла выбросить на поверхность. Александра была специальным объектом их внимания и издевательства. Семья была в страшном положении, особенно страдала Александра. Но их вера в Бога и их любовь друг к другу освещала им кромешную тьму страшной тюрьмы. Над развратными песнями их мучителей плыли звуки Херувимской песни, русского гимна хвалы небес»³³).

И начали смягчаться сердца их русских тюремщиков, и даже такого отпетого человека, как Авдеев. Он позволил на свой риск, скрыв это от Чрезвычайки, доставлять монашкам продукты Царской Семье из местного монастыря, даже попросил принести «императору» (так и назвал) табаку. Мельгунов объясняет такое отношение Авдеева обоюдной корыстью: от продуктов многое что перепало ему и страже. Но мы скорее склонны стать на точку зрения Вилтона и Соколова. Правда, Авдеев, в своих «воспоминаниях», злобно отзывался о Государе, но это и не мудрено. Был он человеком малограмотным и «воспоминания» вряд ли им писались.

«Не сомневаюсь: общение с царем и его семьей что-то пробудило в пьяной душе Авдеева и его товарищей. Это было замечено. Их выгнали... Семья была окружена чекистами. Это было уже приготовление к убийству», — писал Соколов.

Организаторы злодеяния, очевидно, не были уверены в преданности русских рабочих внутренней стражи. Поэтому, придравшись к мелкой краже царского имущества, совершенной Мошкиным, его арестовали, Авдеева сменили, и в дом привели новых, не русских тюремщиков. Место Авдеева занял Юровский при помощнике Никулине, а Павел Медведев остался на своем посту. Затем прибыло еще 10 человек³⁴) и,

³³) Царские дети часто пели в заключении, но исключительно церковные песнопения.

³⁴) В документе объявленном Мейером, за подписью начальника Чрезвычайки Юровского приведено 7 лиц с немецко-венгерскими фамилиями и кроме того Ваганов, Медведев и Никулин.

поселившись внизу, они приняли на себя внутреннюю охрану дома. Медведев этих охранников считал «не нашими». На самом деле следствие точно установило, по разным надписям на стенах и другим оставленным следам, что все 10 человек — чекистов были венграми или «помадьяранными» немцами (австрийцами). Домом «особого назначения» управляли Голощекин, Белобородов и Юровский. Так как они и являлись главными виновниками Екатеринбургского преступления, то нам не мешает ознакомиться с ихними биографиями. Шая Исакович Голощекин, 42 лет, из Витебска, дантист. Играл он большую роль в Московской компартии и был членом ЦК. Вместе со Свердловым Шая агитировал до революции на Урале после чего сохранил с председателем ВЦИК-а близкие дружеские отношения. Просидел в общей сложности Голощекин 6 лет в царской ссылке и тюрьме, а после революции стал военным комиссаром Екатеринбурга как и членом Областного Совдепа. Бурцев, хорошо знавший Шаю, так его охарактеризовал: «Палач, жестокий, с некоторыми чертами дегенерации». Александр Белобородов (Вайсбард?), уральский рабочий и конторщик, «председатель» Областного Совдепа, пешка в руках Войкова, Сафарова и Голощекина. Белобородова схватила Чрезвычайка за кражу крупной суммы денег. Но его выпустили без последствий, оставив даже «председателем», но с тех пор Белобородов потерял всякую охоту перечить Москве. Яков Михайлович Юровский, 40 лет, Томской губернии, часовщик и фельдшер. Отец Юровского Хаим, был за кражу сослан в Сибирь. В 1905 году Юровский уехал в Германию и там, изменив вере отцов, перешел в лютеранство, вероятно из-за каких-то выгод. За это в семье его не любили. Вернулся из-заграницы он со средствами, открыл фотографическое дело и начал заниматься революционной деятельностью. Авторы книги “The File on the Tsar” стараются изобразить этого изувера в розовом свете, якобы, со слов какого-то доктора:

«Юровский был квалифицированный, честный, сознательный работник... Он был образован и начитан...».

На основании письма Юровского, оставленного им при бегстве др. Архипову (См. Протокол «Царского Дела, стр. 376) мы можем утверждать, что был Юровский мало грамотен. Очень плохо отзывались о нем его близкие родственники. Его родной брат Лейба говорил про него: «Он любит угнетать людей», а жена Лейбы — Эле Лея: «Деспот и эксплоа-

татор». По Сиднею Гиббсу: «Юровский злой, хладнокровный главный палач». По Мельгунову: «Самый отпетый преступник». И даже «коллега-палач» Юровского Войков поражался свирепости Якова, требовавшего крови и мальчика-поваренка ³⁵).

До сих пор идут споры, теперь уже на Западе, где была решена судьба Царской Семьи в Москве или на Урале, и что толкнуло большевиков на такое чудовищное преступление? Еще в 1920 году Роберт Вилтон категорически заявил: — вопрос уничтожения Романовых был решен в Москве. Хотя Ленин и одобрял тенденцию «власть на местах», но этот лозунг был только дымовой завесой. Действительной силой являлись ВЦИК и Чрезвычайка. В стенах этих двух зловещих учреждений и была решена судьба Екатеринбургских Узников. Впервые большевики признали полностью убийство в статье Быкова ³⁶), в которой автор хотел доказать, что уральские большевики действовали по своему усмотрению. Но не желая брать на себя ответственность, Совдеп вел переговоры с центром ³⁷). Предполагалось назначить над Государем «суд» с «главным обвинителем» Троцким. Голощекин должен был ехать на Урал и все подготовить для «суда». Но когда он приехал в Екатеринбург фронт Белых уже начал зажимать в клещи город. (Челябинск пал около 15 июня). Тогда, якобы, Уральский Совдеп «решил расстрелять Романовых». По Мельгунову иную конъюктуру давал рассказ Войкова, записанный Беседовским. По этой «исповеди раскаявшегося чекиста», большевики хотели использовать Царя как козырь в торге с немцами. Ленин, в дебатах, указывал, что французская революция не тронула королевских детей. Уральцев больше всего поддерживали «жадные до крови», Свердлов и Крестинский. Центральный комитет был в нерешительности. Тогда уральские большевики заявили, что ввиду создавшегося критического положения на фронте они не ручаются за сохранность Царя, предвидя, что может случиться если Он будет освобожден Белыми! После этого Москва приняла решение расстрелять всех Романовых, но дала строжайшие ин-

³⁵) Каспинов роль Юровского приписывает Ермакову, а Юровского ставит в качестве заместителя.

³⁶) Быков заменил Белобородова на посту "председателя" Обл. Совдепа. На фотографии в книге кап. Булыгина он снят в офицерских погонах.

³⁷) Другими словами боясь и не смея.

струкции скрыть убийство членов Семьи. По мнению Мельгунова план преступления был выработан в центре и систематически осуществлялся летом 1918 года. Гутман (Ган) писал:

«Нужно было убить так, чтобы произошло в провинции и было выполнено местной властью, якобы без санкций центральной власти». ³⁸⁾

Как только вопрос об убийстве Царской Семьи был решен, приступили к разработке его исполнения. Голощекин предлагал расстрел за городом; Белобородов советовал инсценировать «похищение и увоз семьи»; Войков выдвинул фантастический план расстрела у реки, после чего тела должны были бросить в реку с привязанными гирями. В результате споров был принят план убийства в доме Ипатьева с тем, чтобы Юровский привел его в исполнение, а Войков присутствовал как представитель Областного Совдепа и потом, как химик, уничтожил тела. Все это мы узнали из «исповеди» Беседовского.

В нашей статье мы не будем говорить о самом ЗЛОДЕЯНИИ: оно слишком чудовищно ³⁹⁾ и подробности его давно известны ⁴⁰⁾. После расстрела Царской Семьи палачи приняли все меры, чтобы уничтожить до тла тела жертв. В решении уничтожить Царские останки большевиками руководил страх, чтобы «тела их не использовали контрреволюционеры как мощи, играя на невежестве народных масс». Почти что 3 года Советы замалчивали об убийстве членов Семьи и Быковская статья являлась первой, в которой открыто было признано полностью Екатеринбургское преступление. Затем

³⁸⁾ В изложении Керенского переговоры Кремля с Уралом были фиктивными, и план злодеяния выработали задолго до угрозы Урала Белыми, в интимном кругу Левина. Быть может посреди была месть за брата Александра, казненного за покушение на жизнь Александра III.

³⁹⁾ Как и сокрытии его следов.

⁴⁰⁾ Советский невозвращенец Беседовский опубликовал рассказанную ему Варшавским полпредом Войковым, под влиянием вынужтого, жуткую историю бойни в доме Ипатьева. Событие это имело место под новый 1925 год, после вечера для сотрудников посольства. "Это была ужасная картина", говорил Войков, держа в руках перстень с рубином, переливающимся цветом крови, который он снял с одной из жертв, после расстрела. "Мы все участники были прямо-таки подавлены этим кошмаром. Даже Юровский и тот под конец не вытерпел и сказал, что еще несколько таких дней, и он сошел бы с ума". Тем не менее Польское правительство не побрезгало дать свое согласие на назначение Войкова на пост советского посла. Правда официально Чичерин заверил поляков, что Войков не принимал участия в убийстве. Большевики, конечно, до сих пор, яростно отрицают правдивость "исповеди" Беседовского и наличие у него записной книжки Войкова.

уже начали появляться другие работы в том же духе. В Большой Советской Энциклопедии (1956) была напечатана небольшая заметка об этом:

«Николай II был арестован по требованию Петроградских рабочих 8 марта. По постановлению Уральского Областного Совета Н II и члены его семьи были расстреляны».

В 1972-73 годах в Ленинградском журнале «Звезда» была помещена целая серия статей под названием «Двадцать три ступени вниз», за подписью М. Касвинова. В этих статьях, с типичным большевистским лицемерием и цинизмом, описывается Екатеринбургская трагедия, причем предательство Ленина взваливается на плечи Государя. Касвинов избегает говорить отдельно о расстреле членов Семьи и приближенных Царя, оперируя словом «Романовы», «Приговор Романовым», «Романовы были расстреляны». И только в одном месте:

«Один за другим выходят в коридор семь членов семьи Романовых и четверо приближенных (Боткин, Харитонов, Трупп и Демидова). Они спускаются за Авдеевым **двадцать три ступени вниз...**» ⁴¹).

Только потерявший разум человек может взять на себя обязанность, через 55 лет после Екатеринбургской бойни, хладнокровно описать дикую расправу над невинными женщинами, детьми и над царскими приближенными, ровно никакой роли в политической жизни страны до революции не игравшими. Им оказался, как мы уже узнали, советский писака Касвинов, в тех же статьях подчеркивающий цинично:

«Гуманность, сдержанность и великодушие советской власти в период 1918 г.».

И наконец, в начале 1978 года, Московское радио на английском языке, реагируя на выход в свет ряда исследовательских работ на Западе, посвященных Екатеринбургской трагедии, подтвердило факт «казни семьи Романовых». Радиокомментатор утверждал, что хотя «казнь» не являлась «убийством», но случившееся было «неприятным» и понадобилось «долгое искание в душах, прежде чем решение было принято». Стараясь оправдать преступление, Московское радио пыталось уверить своих английских слушателей, что вся-

⁴¹) Подчеркнуто нами. Отсюда серия статей и дапо название "Двадцать три ступени вниз".

кий живой член дома Романовых должен был считаться возможным знаменем, вокруг которого стали бы собираться враги революции. «Пришлось принять очень трудное и, может быть даже трагическое ⁴²⁾ решение, и оно было принято». Почему же вместе с «членами дома Романовых» расстреляли др. Боткина, Демидову, Харитонову, Труппа и, заодно, хотели ликвидировать мальчика-поваренка, московские изуверы нам не объясняют.

Как мы уже упомянули в ночь, когда было совершено злодеяние в доме Ипатьева, Екатеринбургские жители с надеждой прислушивались к орудийной стрельбе, и город был обойден Белыми с юга. 19 июля началось бегство большевиков из Екатеринбурга, 22 июля власти вернули дом Ипатьеву, а 2 августа в него вошел первый следователь Наметкин. Екатеринбургский Окружной Суд сменил Наметкина и 7 августа возложил следственную работу на члена Екат. Окр. Суда И. А. Сергеева. Об его личности мы можем узнать из работ Вилтона, Соколова, Саммерса/Менголда и др. Был Сергеев левым либералом, поддерживал Керенского и выдвинут был, повидимому, Омским Правительством, состоявшим из эсеров. Это правительство вовсе не было заинтересовано в следствии и раскрытии Екатеринбургского преступления. Пост министра правосудия в Омском правительстве занимал М. Старынкевич, соц. революционер, бывший ссыльный, рассматривавший Цареубийство как обыкновенное преступление. Старынкевич всячески противился смене Сергеева и назначению Соколова ⁴³⁾. Авторы книги "The File on the Tsar", ставя под вопрос следственные методы Соколова и пытаясь скомпрометировать результаты его работы, негодуют на Белую администрацию за смещение Сергеева, которая, якобы, была вызвана: его либеральными взглядами, еврейским происхождением и за то, что он вел следствие по правильному пути (выразил уверенность, что большинство членов Ц. Семьи не погибло в доме Ипатьева) ⁴⁴⁾. На самом же деле Сергеева сменили по следующим причинам: 1) Он не являлся следователем, как Соколов, и по Российским законам, как судья,

⁴²⁾ Тут комментатор почти что цитирует Касвинова.

⁴³⁾ Ссылаясь на "Лондон Таймс" от 18 февр. 1918, Вилтон писал, что Старынкевич был так разгневан работой Соколова, что призывал к его убийству.

⁴⁴⁾ Это утверждение как раз не верно, и мы его опровергнем далее оригинальными документами.

не мог возглавлять следствие. 2) Прodelав серьезную работу, Сергеев, как и его предшественник, не потрудились ни одного раза посетить рудник на урочище Четырех Братьев, где были обнаружены следы уничтожения тел и материальные доказательства преступления. 3) Совершенно естественно, что Белые могли не желать чтобы следствие о Цареубийстве вел последователь Керенского, которого они считали одним из главных виновников гибели Ц. Семьи. В феврале 1919 года тот же Старынкевич был принужден подписать распоряжение Сергееву: сдать следственный материал следователю по особо важным делам Н. А. Соколову (Документ № 23-а, стр. 249).

В ходе следствия в доме Ипатьева, в комнате где было совершено преступление, Сергеев обнаружил надпись на стене, по-немецки:

"Belsazar ward in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht",

взятую из стихов Гейне "Belsazar" — с выпущенным словом "aber". Перевод этого двухстрочия следующий:

«В эту самую ночь Валтазар был убит своими слугами
(холопами)».

Содержание стихов взято Гейне из библейской истории, в которой царь Валтазар, унижавший еврейского Егову, был убит своими собственными слугами (людьми). Авторы "The File on the TSAR" разсуждают по поводу этой надписи таким образом: несколько Екатеринбургских большевиков были евреями ⁴⁵⁾ как и Гейне. Стихи описывают суверена не еврея, который оскорбил Ветхий Завет Израиля. Авторы книги задаются вопросом: была ли эта надпись сделана евреем, хваставшимся убийством Царя, или кем-то другим, намеренно желавшим обвинить евреев в смерти Царской Семьи? ⁴⁶⁾

В той же комнате, на южной стене, были обнаружены 4 каблистических знака, которые мы приводим ниже:

В Британском музее находится брошюра Энеля ⁴⁷⁾

⁴⁵⁾ Голощекин, Войков, Сыромотов (?), Сафаров и Юровский — члены областного Совдепа; Чуцкаев — член "чрезвычайной семерки".

⁴⁶⁾ Интересно отметить, что Соколов оставил без комментариев стихи Гейне.

⁴⁷⁾ По всей вероятности псевдоним.

Handwritten symbols consisting of a vertical line on the left, a horizontal line below it, a large loop to the right, and a hook-like shape further right.

«Жертва», переведенная на русский язык Б. Верным (Новый Сад. 1925), в которой Энель делает попытки расшифровать значение этих знаков. Саммерс/Менгольд говорят о приведенных символах следующее: — ученый Энель пришел к заключению, что первые три знака (символа) были буквой «Л» на греческом, древне-еврейском и самаритянском языках Еврейской истории. Из самой брошюры мы узнаем следующее:

«Полное раскрытие тайного значения надписи выражается так: «Здесь, по приказанию тайных сил, Царь был принесен в жертву для разрушения Государства. О сем извещаются все народы» ».

«По мере прогресса следствия новые факты были установлены. Соколов определил точно роль Ермакова, давно связанного с Голощекиным. Это был обыкновенный преступник-грабитель, сосланный за это на каторгу, а после переворота за «разбойничьи услуги», назначенный Верх-Исетским военным комиссаром. Хорошо знавший все окрестности Екатеринбургa и лесную глухомань Ермаков, со своим помощником, матросом Вагановым был привлечен Голощекиным для выбора места и уничтожения тел.

Как уже было упомянуто в начале этой работы, некоторые лидеры русской эмиграции и члены дома Романовых, вопреки неоспоримым фактам, не хотели верить в гибель Царской Семьи. Такой подход к факту Екатеринбургского злодеяния дал богатую пищу политическим фантазерам на Западе, в результате чего появились разные самозванцы.

В 1976 году была издана, уже упомянутая несколько раз, объемистая книга Саммерса/Менгольда "The File on the Tsar" с большим количеством новых сведений и фотографий, получив сразу широкое распространение. Авторы этой книги, созданной более пол века спустя, далеко от места описываемой трагедии, с легкостью телевизионных репортеров, предложили читателям свою гипотезу «правдоподобную в свете свидетельских показаний», что большевики увезли почти что всех Романовых из Екатеринбургa живыми. Как следователь Сер-

геев, и сэр Чарлс Элиот, они думают, что царские слуги были убиты в доме Ипатьева и их тела уничтожены близ урочища Четырех Братьев. Судебное следствие Соколова Саммерс/Менгольд, не задумываясь, называют «политической шарадой». По нашему мнению авторы книги пользовались иногда сомнительными сведениями, их доказательства, нередко, шатки и бывают противоречивы ⁴⁸⁾.

Начнем с судьи Сергеева, к которому авторы питают большую симпатию. В их книге описана встреча репортера «Нью Йорк Трибюн» Бернштейна с Сергеевым в его кабинете при которой следователь вынул папку «Дело Николая Романова» (“The Case of Nicholas Romanov”) и сказал, что он не верит в гибель Государыни, Наследника и Великих Княжен. Все это описание похоже на репортерскую «утку»?!! Папка следствия никак не могла носить названия «Дело Николая Романова», т. к. для Белых Имп. Николай II был «Императором» или «Быв. Императором». К тому же мы знаем, что сам Сергеев дал следствию следующее заглавие:

«Дело об убийстве бывшего Императора Николая II и членов Его Семьи».

Можно ли поверить в текст заявления Сергеева, якобы, данное Бернштейну? Конечно нет! В постановлении самого следователя:

«От 1919 года февраля 20 дня, в городе Екатеринбурге, член Екатеринбургского Окружного Суда И. А. Сергеев, рассмотрев настоящее дело нашел:

- 1) Что по собранным следствием данным событие преступления представляется доказанным;
- 2) Что б. Император Николай II, б. Императрица Александра Федоровна, Наследник Цесаревич, Вел. Княжны Ольга, Мария и Анастасия Николаевны убиты одновременно, в одном помещении, многократными выстрелами из револьверов ⁴⁹⁾.

Подписал производящий следствие член Окружного Суда Сергеев».

И таких примеров мы можем привести не один.

Кроме остальных свидетельских и вещественных доказа-

⁴⁸⁾ Сказал "этот", заявил "тог", а есть ли у них оригинальные документы, мы не знаем, да и ссылки на мемуаристов часто бывают ошибочны.

⁴⁹⁾ Далее перечисляются убитые др. Боткин, Демидова, Харитонов, Трушп.

тельство гибели Ц. Семьи в доме Ипатьева весьма важно свидетельство Клавдии Битнер, учительницы Царских детей. На допросе, она рассказала куда Государыня и Великие Княжны прятали драгоценности, часть которых была найдена в урочище, на месте уничтожения тел:

«Бриллианты и большую часть жемчугов мы пришили вместо пуговиц к костюмам трех княжен... Затем были зашиты бриллианты в черную бархатную шляпу Ольги Николаевны и синюю шляпу Татьяны Николаевны. Также бриллианты, жемчуга, рубины, сапфиры и изумруды были зашиты в лифчики Татьяны Николаевны и Анастасии Николаевны. Ольга же Николаевна надела на себя несколько ниток жемчуга».

Если бы мы могли поверить наивным предпосылкам Саммерса/Менгольда, то должны бы были предположить, что уральские палачи перед отправкой «куда-то», раздевали свои жертвы совершенно до нага, давая им другую одежду, а их носильные вещи увезли, не пытаясь извлечь из них спрятанные драгоценности, и спалили близ рудника, на урочище Четырех Братьев.

Таким образом факт убийства всей Царской Семьи и их приближенных в доме Ипатьева в ночь на 17 июля 1918 года, благодаря жертвенной работе Соколова, является полностью установленным, и целиком принят таким серьезным, объективным и вдумчивым историком как С. П. Мельгунов⁵⁰).

Теперь нам остается сказать несколько слов об участии, которая постигла организаторов и исполнителей-палачей Екатеринбургского преступления. Самый главный из них — Яков Свердлов не надолго пережил свои жертвы. От удара, нанесенного ему по голове каким-то рабочим Морозовских фабрик, он получил сотрясение мозга, и умер в начале 1919 года. Шая Голощекин, по непроверенным сведениям, погиб на Уральском фронте. Юровский, после окончания гражданской войны вернулся в Екатеринбург где служил страховым агентом. Совершенное им злодеяние не прошло ему даром: он закончил свои дни в сумасшедшем доме. Палач-полпред Войков понес заслуженное наказание: карающая рука русского юноши, Бориса Коверды, прервала неожиданно жизнь этого злодея. Белобородов попался у Сталина в троцкизме и, после жестоких истязаний, был отправлен в преисподнюю сво-

⁵⁰) К тому же Мельгунов вовсе не был монархистом, а считал себя пародным социалистом.

ей же черной братией. Матрос Ваганов был расстрелян Белыми партизанами. Павел Медведев, при бегстве красных, должен был взорвать мост, попался в руки Белого разъезда и умер в тюрьме от сыпного тифа ⁵¹). А те, которые надолго пережили свое злодейство, по словам священника о. Дмитрия Дудко, «этот расстрел не могли забыть до самой смерти».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Более пол века прошло с того момента как известие об убийстве Императора Николая II облетело весь мир и было встречено повсюду с большим моральным равнодушием. Россия находилась в огне революции и антибольшевистской борьбы, на Западе еще гремели орудия мировой войны. Потерявшая всякий человеческий облик советская власть долго не имела храбрости признаться в деталях Екатеринбургской бойни, «наложив запрет молчания и на уста непосредственных убийц... но скрыть «правды» в истории почти что невозможно. Большевистская власть достигла лишь того, что содеянное партийными изуверами преступление в глазах всего мира превратилось в акт какого-то дьявольского замысла, задуманного в центре» (Мельгунов).

И теперь, через пол века после содеянного зла, в душе русского народа начинают появляться какие-то искорки раскаяния, чувство ответственности за совершенный грех:

«И я задыхалась в бессилье
Спасти их не властна,
Причастна беде и насилью,
И злобе причастна!»

В этих стихах Нины Королевой, где так коротко и метко показана нечеловеческая злоба и насилье Екатеринбургских палачей, поэтесса открыто признавала, что кровь их, Царственных Узников, лежит на нас, наших отцах и дедах, ибо нет греха единоличного, сказал Достоевский, все мы в чем-нибудь да виновны! И стихотворение Королевой, несмотря на такое содержание, было пропущено советской цензурой и напечатано в одном из Ленинградских журналов ⁵²).

⁵¹) По ген. Дитерихсу Медведев отстал от большевиков, скрывался в Перми, работая санитаром в 131-м госпитале, и случайно, проговорившись, был опознан.

⁵²) Уж видно кто-то из редколлегии желал, чтобы эти стихи увидели свет!

Как только было объявлено в Москве о расстреле Царской Семьи в Московской церкви на Спиридовке открыто служили панихиду, при огромном стечении народа и мемуаристы писали, что в церковь собрались люди самых разнообразных убеждений⁵³). Прошло немного более десятилетия и погибший монарх, впервые, был назван святым, правда, еще не у себя на родине. В 1930 году, в Белграде освящали храм Св. Александра Невского, заложенный в 1877 году благодарным сербским народом, в память русским воинам живот свой положивших за свободу и независимость Сербии, и сербская печать ожила воспоминаниями 1914 года:

«Царь Николай, благодетель славянства, защитник православных братьев с берегов Дуная, спаситель бесконечных верениц солдат, беженцев и учеников из пропастей Албании, ВОСКРЕС В ЭТИ ДНИ СВОИМ СВЯТЫМ ЛИКОМ».

Синод Сербской Православной Церкви не раз поднимал вопрос о причислении погибшего Государя к лику святых, наравне с просветителем сербским С. Саввой, царями Стефаном и Симеоном, князем Лазарем⁵⁴).

Но вот и в России свящ. о. Дмитрий Дудко назвал Имп. Николая II святым:

«Величайший Святой Русской Земли, великомученик Николае, со своей многострадальной семьей, молитв Бога о нас».

В высокочтимом монастыре сербском Св. Наума на Охридском озере, среди 15 ликов святых в овале, написан и скорбный лик последнего русского монарха. История его создания такова: однажды в сумерки художник, расписывавший храм, вошел во внутрь. Внизу был уже мрак и только купол прорезывали лучи заходящего солнца. На стенах храма была какая-то чарующая игра свето-теней. Все казалось неземным и чудесным. И в этот момент художнику почудилось, что оставленный им чистый овал ожил и в нем он ясно мог разглядеть скорбный лик русского царя. Пораженный чудесным видением, художник долго стоял как зачарованный в полном оцепенении, охваченный молитвенным порывом. Прийдя в

⁵³) Летом 1978 года пришло сообщение из Москвы, что там была отслужена панихида по Царской Семье.

⁵⁴) Один раз по ходатайству сербов, жителей города Лесковац.

себя он начал быстро работать углем, набрасывая контуры чудесного видения ⁵⁵⁾.

«Многие из нас легко похоронили Императора Николая II», писал Соколов, «но Он в своей душе никогда не хоронил нас и продолжал оставаться нашим Царем. Его пугала судьба России и Государь скорбел за свой народ. Мужественно, без ропота, с истинным достоинством нес Он крест своих личных страданий, ибо он отдал Себя и всех своих в волю Божию. Он пережил, всего лишившись, Первый как последний...» ⁵⁶⁾.

Павел Пагануцци.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Основные источники.

“Царское Дело” — “Дело об убийстве бывшего Императора Николая 2-го и членов Его Семьи” — 1918-1919.

Соколов. Убийство Царской Семьи. Берлин. 1925.

Соколов. Убийство Царской Семьи. Буэнос-Айрес. 1978.

Виттон. Последние дни Романовых. “Град Китеж”. Берлин. 1923.

Дитерихс, ген. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. 1 ч.

Мельгунов. Судьба Императора Николая II после отречения. Париж. 1957.

Мельгунов. “Золотой ключ” к большевистской революции. Париж. 1940.

Мельгунов. Как большевики захватили власть. Париж. 1953.

Мельгунов. Мартовские дни 1917 года. Париж. 1961.

Мельгунов. Легенда о сепаратном мире. Париж. 1957.

Вспомогательные источники.

Алферьев. Письма Царской Семьи из заточения. Св. Троицкий монастырь. Джорданвилль. 1974.

Адамов. Убийство гр. Мирбаха. “Посл. Нов.”. Париж. Январь 1936.

Аронсон. Россия накануне революции. Нью Йорк. 1962.

Авдеев. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге. “Красная Ночь”, журнал № 15. 1920.

Беседовский. На путях к Термидору. Париж. 1930.

Боткина. Воспоминания о Царской Семье... Белград. 1921.

Булыгин. Попытки спасти Николая II и Царскую Семью. “Сегодня”. Рига. Июль 1928.

Бурцев. Истинные убийцы Николая II — Ленин и его товарищи. “Общее Дело”. 1921.

Быков. Последние дни Романовых. Свердловск. 1926.

Воейков. С Царем или без Царя. Гельсингфорс. 1936.

Воробьев. Конец Романовых, журнал “Прожектор”. Москва. VII/1928.

Гутмап (Ган) Екатеринбургская трагедия. “Возрождение”. Ноябрь 1931.

“Двуглавый Орел”. Берлин. 1922.

Дионис. Роль Ллойд-Джорджа. “Посл. Нов.” 12/VI/1932.

Жильяр. Император Николай II и его Семья. Вена. 1921.

Император Николай II. Дневник 1917-1918 года. “Красный Архив. XX-XXII, XXVII.

Касвинов. Двадцать три ступени вниз. “Звезда”. Ленинград. 1972-73.

⁵⁵⁾ Вольный пересказ из книги Е. Е. Алферьева “Письма Царской Семьи из заточения”.

⁵⁶⁾ Священник о. Дмитрий Дудко.

- Керенский. Екатеринбургская трагедия. "Посл. Нов." Июль 1932.
 Коковцев, граф. Воспоминания. Том 11. (Из моего прошлого 1903-1919). Париж. 1933.
 Кобылин. Император Николай II и генерал-адъютант М. В. Алексеев. Нью-Йорк. 1970.
 Марков С. Покинутая Царская Семья. Вена. 1926.
 Милуков. История второй русской революции. Том 1. София. 1921.
 Спиридович. Великая война и февральская революция 1914-1917 года. Нью Йорк. 1960-62.
 Фрумкин. Из истории о русском еврействе. (Из "Книги о русском еврействе") Нью Йорк. 1960.
 Эпель. "Жертва". Перевод Б. Верного. Новый Сад. Югославия. 1925.

BIBLIOGRAPHY.

- Victor Alexandrov: "The End of the Romanovs," Boston-Toronto, 1966.
 Capt. Paul Bulygin: "The Murder of the Romanovs," New York, 1935.
 General A. I. Denikin: "The Russian Turmoil," London.
 Noble Frankland: "Imperial Tragedy — Nicholas II Last of the Tsars," New York, 1961.
 Charles Sydney Gibbs, by J. C. Trewin: "The House of Special Purpose," New York, 1975.
 Ludendorff: "War memories," Vol. II, p. 413.
 Gary Null: "The Conspirator who saved the Romanovs," Englewood Cliff, New Jersey.
 Robert K. Massie: "Nicholas and Alexandra," New York, 1969.
 Anthony Summers and Tom Mangold: "The File on the Tsar," Great Britain, Fontana/Collins, 1976.
 Georg Gustav Telberg and Robert Wilton: "The Last Days of the Romanovs," London, 1920.
 "The Review of Politics," Hall's Report prepared under direction of the Historical Section, London. 1925.
 "Welt am Sonntag," 1968.

ЦАРЬ - МУЧЕНИК.

Безропотно, уверенной походкой
 До места «Лобного» — тяжелый крест Ты нес.
 Ты шел на смерть с своей улыбкой кроткой,
 Прощая всем, как некогда — Христос...

Незыблемая, пламенная вера
 Вдохнула мужество — всю скорбь до дна испытать,
 И приговор чекиста-изувера
 Твоей души уже не мог смутить.

И в час, когда под сводами подвала,
 Поднялась на Тебя злодейская рука, —
 Сиянье новое Твой образ увенчало,
 И свет его переживет века...

Ноябрь 1933 г.

Диакон Николай Кадьян.

Исторические документы.

Экстренный выпуск отъ 20 июля 1918 года
съ сообщеніемъ о разстрѣлѣ Царской Семьи

ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСК

По распоряженію Областного
Исполнительного Комитета Советов
Рабочих, Крестьянских и Солдатских
Депутатов Урала и Рев. Штаба бывший

Царь и Самодержавец
Николай Романов

расстрелян *М. М. Мухоморов*
17 июля 1918 года.

Документы переданы в архив по *Б. М. Мухоморов*

Председатель *М. М. Мухоморов*
Белогорск

г. Екатеринбург, 20-июль 1918 г.

10 часов утра

ПРИКАЗ по
Вел. Князя Константина Константиновича
Кадетскому Корпусу
1/14 Декабря 1929 года
Гор. Белая Церковь.
№ 348

§ 1

На 2/15 Декабря назначаются:

Дежурный: по 1 роте Подполковник	ФИЛИМОНОВ.
по 2 роте Подполковник	АНДРУЗСКИЙ.
по 3 роте Подполковник	фон КОССАРТ.
по КОРПУСУ Ст. КАДЕТ	НИКОЛАЕВ.

§ 2

23 Ноября - 6 Декабря, в День Праздника Корпуса, Маршал Королевского Двора сообщил Державной Комиссии, что его Королевскому Величеству Королю Александру I благоугодно было всемилостивейше соизволить на пожалование Корпусу ШЕФСТВОМ Имени в Бозе почивающего б. Генерал-Инспектора Военно-Учебных Заведений Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича.

Объявляя об этой Монаршей милости, г. Заведующий Учебными Заведениями Державной Комиссии сообщил мне 11 Декабря о переименовании Корпуса «ПЕРВЫМ РУССКИМ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА Кадетским Корпусом».

С чувством глубочайшей благодарности Его Величеству Королю за этот новый знак милостивого внимания к Корпусу, с чувством сердечной преданности памяти Великого Князя КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА и с великой радостью за Корпус объявляю в приказе об этом отличии, заслуженном нашей доброй славой.

Будем помнить, что на нас лежит долг быть и впредь всегда достойными, как оказанного нам ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ КОРОЛЕМ АЛЕКСАНДРОМ доверия, так и ношения Имени Незабвенного ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ, олицетворявшего все лучшие возвышенные традиции РОССИЙСКИХ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.

Да послужит нам Имя Шефа помощью — в утверждении в нашей среде Его заветов «доблести, добра и красоты» и в нашем стремлении к слиянию с Его религиозными, национальными и общечеловеческими идеалами.

§ 3

27 Ноября - 10 Декабря, по получении первого известия о пожаловании Корпуса Шефством, мною были произведены в вице унтер-офицеры старшие кадеты: ЧУБИН, ВОЛКОВ, СЛЕЗКИН и СТРЕХА.

Директор Корпуса, Генерал-Лейтенант АДАМОВИЧ.

Подлинный подписал:

С подлинным верно:

Секретеръ Корпуса

Полковник

(подпись неразборчива).

Переписано с оригинала:

(Алексей Мальчевский)

М. Каратеев

Кризис современного искусства.

Сегодня даже профессиональные искусствоведы, — которые весьма снисходительно, если не благосклонно, относятся ко многим крайностям модернизма, — не отрицают того, что все виды искусства ныне переживают глубокий кризис. Это явление, которое правильнее было бы назвать полным упадком, большинство таких специалистов туманно пытается объяснить различными второстепенными причинами, не посягая лишь на основную и главную из них. Трудно сомневаться в том, что они ее прекрасно видят, но назвать прямо и открыто не отваживаются из опасения прослыть людьми отсталых вкусов и понятий. Да и из чисто «хлебных» соображений профессионалу рискованно и неблагоразумно выступать против доминирующей в искусстве моды, т. е. против требований рынка, который его кормит.

Я не профессиональный критик, но на эти темы читал и размышлял много. Думаю, что синтез этих размышлений бу-

дет небезынтересен читателям нашего журнала. Подавляющее большинство из них, в основном, получило одинаковое, здоровое воспитание, логическим следствием этого является общность понятий об искусстве, красоте и гармонии, а потому не сомневаюсь, что буду правильно понят, и что те взгляды, которые я изложу, в этой аудитории не стяжают мне репутации человека, старающегося препятствовать свободному развитию искусства.

В частности, и прежде всего следует отметить, что такое развитие (если в данном случае уместен этот термин) уже добрую сотню лет назад получило нездоровую направленность, которая уводит искусство все дальше от классических и, как я постараюсь доказать, единственно правильных понятий о красоте и гармонии, подменяя их чем-то другим, нередко даже противоположным. Вместо служения чувству прекрасного и эстетическим запросам нормально воспринимающего человека, оно уходит в бесвкусную вычурность, бессмысленность и антиэстетику.

Какими же неторенными тропами и как это «развитие» привело к тому состоянию, которое человек старой школы и здоровых вкусов вправе называть не искусством, а издевательством над искусством? В самых общих чертах я сейчас напому главные этапы этого бесславного и губительного пути.

Начало искания «новых путей», а вернее первый вывих в современном искусстве датируется серединой прошлого столетия и положили ему почин французские поэты Бодлер и Верлен. Стоит отметить, что оба они были людьми, хотя и талантливыми, но крайне неуравновешенными и психически явно неблагополучными. В поисках «жизненной правды» они бросались в крайности, от коммунизма до клерикализма включительно. Бодлер даже сражался на баррикадах, а Верлен сидел в тюрьме как опасный участник парижской коммуны; оба страдали истерическими припадками, первый был наркоманом, а второй алкоголиком, и оба кончили сумасшествием. Неудивительно, что и в искусстве им понадобились какие-то особые пути. Нормы классической поэзии их не удовлетворяли, — они, будто бы, накладывают на творчество тяжелые оковы, не дают поэту возможности полностью выявить свою индивидуальность и выразить свои чувства так, как ему хочется.

Отсюда родилось новое направление в искусстве, которое шло под девизом полного отрицания всех канонов, школ, традиций и авторитетов, — взамен этого провозглашалась

безграничная самобытность личности поэта и его свобода выражать свои чувства и восприятия в любой форме, как ему заблагорассудится. Пусть будет бессвязно, заумно, уродливо и бескусно, лишь бы было оригинально и ни на что прежде непохоже. Лишь бы понимал сам пишущий, — остальные должны догадаться, что он хотел выразить, а если не догадаются, тем хуже для них, — значит они еще не дорасли до таких высот озарения. Впрочем Бодлер и Верлен были еще довольно сдержаны в проявлении этих новшеств, их ближайшие последователи пошли дальше. Это направление вначале получило вполне справедливое название «ДЕКАДАНС», ибо это был несомненный упадок искусства, которое свернуло тут на путь уклонения от красоты и эстетики, в сторону уродства и вычурности. Однако несколько позже, когда сюда примкнули многие другие лица и принципы декадентства нашли отражение, вернее дали метастазы в художественной прозе, живописи и музыке, — из вежливости, его переименовали в СИМВОЛИЗМ. Поскольку, в основном, дело тут касалось поэзии, это название нельзя признать удачным, ибо по существу всякая поэзия символична. И новым тут является только то, что четко и понятно выраженные символы, заменяются иными изобразительными средствами, неясными и произвольными, которые, будто бы, должны вызвать у читателя именно те эмоции и ощущения, которые в момент творчества испытывал автор.

В прошлом столетии, которое еще изобиловало людьми с нормальными восприятиями, символизм успеха не имел и служил, главным образом, объектом всевозможных остроумных и насмешек, как стремление к противоестественному и погоня за дешевыми эффектами.

Следующей фазой развития этой болезни в искусстве стал ФУТУРИЗМ. Его основоположником и идеологом был итальянский поэт Маринетти, который в 1909 году опубликовал так называемый «Манифест футуризма». Вот некоторые из его ведущих лозунгов: «Освободимся от мертвой культуры прошлого»; «Долой грамматику»; «Выпустим слово на свободу»; «Война канонам и традициям»; «Взамен эстетики — антиэстетика»; «Убьем лунный свет»; «Да здравствует гений самоучка»; «Искусство должно быть насилием и жестокостью»; «Машина ценнее человека»; «Механизируем поэзию»; «Хороший автомобиль или горящая печка волнуют нас больше чем красота и слезы женщины», и т. п.

В Россию зараза футуризма перекинулась в 1911 году, когда в легкой форме им заболел Игорь Северянин. Надо отдать ему справедливость: он дальше сравнительно умеренного оригинальничанья не пошел, с красотою в поэзии во всяком случае не порвал, лунного света убить не пытался и женщина волновала его гораздо больше, чем автомобиль. Однако, почти сейчас же появилась целая плеяда более оголтелых футуристов, которые выпустили свой первый сборник под заглавием «Пощечина собственному вкусу». Соответственно этому, футуризм подразделился на два течения: ЭГО-ФУТУРИЗМ Игоря Северянина и КУБО-ФУТУРИЗМ (или КУБИЗМ), наиболее яркими представителями которого были Велемир Хлебников и Владимир Маяковский. Некоторую известность приобрели также Бурлюк, Крученых, Каменский и другие «гении самоучки», старавшиеся превзойти друг друга озорством в искусстве, сногшибательностью лозунгов и экстравагантностью в одежде. О их творчестве можно судить уж по одним заглавиям изданных ими шдеевров: «Дохлая луна», «Крематорий здравомыслия», «Затычка», «Авто в облаках», «Пир во время чумы», «Молоко кобылы» и т. п. Все отдающие хулиганством выверты и наглое самоутверждение представителей этого направления в искусстве достаточно широко известны, начиная с желтой кофты Маяковского и вплоть до картин, вроде прибитой к доске дохлой крысы, в окружении картофельной шелухи и иных отбросов. Многие вероятно помнят и скандальный случай, когда один из противников футуризма привязал к ослиному хвосту кисть и мокая ее в разные краски, в присутствии свидетелей и нотариуса, заставил осла «написать» картину, которая затем пошла на выставку футуристической живописи и получила там первую премию.

Разумеется, в эстетически здоровой части общества футуризм ничего кроме негодования и насмешек не вызывал. Но нашлись и такие своеобразные гурманы, которые усмотрели в некоторых его представителях черты чуть ли не гениальности. Хлебниковым, например, у нас в эмиграции кое-кто восторгается до сих пор, его произведения даже переиздались за границей. Являясь апологетом заумности, он говорил: «заумный язык — это надежда будущего, только он сможет объединить людей». Если это объединение произойдет в сумасшедшем доме, то с этим, конечно, можно согласиться. Но я, будучи человеком безнадежно нормальным, вчитываясь в шедевры Хлебникова, никаких оснований для восхищения

его талантами в них не обнаружил и ничего кроме отвращения и скуки не ощущал.

Все футуристы с восторгом приняли октябрьскую революцию и Маяковский стал ее официальным бардом, удостоившись провозглашения советским классиком. Его полухулиганский стиль, грубая напористость и прочие особенности творчества хорошо известны каждому. Ему нельзя отказать в талантливости, но в звании поэта отказать безусловно нужно. Для такого рода произведений следовало бы отыскать какой-либо особый, обобщающий термин, ибо к поэзии их причислить немислимо, — это скорее антипоэзия.

В годы первой мировой войны появилось новое течение подобного рода, хотя и менее шумное, — так называемый ИМАЖИНИЗМ. Он англо-американского происхождения, его основателями были англичанин Хьюм и американец Паунд. Имажинизм шел под знаменем бунта против «вульгарности и банальности буржуазного общества», проповедывал анархию в искусстве, принесение смысла в жертву форме и образу, оторванность творца от общества и уход его в область субъективных переживаний. Через десять-пятнадцать лет имажинизм как-то незаметно зачах. У нас единственным видным его представителем был талантливейший Сергей Есенин, но больше на словах, чем на деле, ибо его поэзия, лишь кое-где имеющая легкий налет озорства, весьма высока по качеству.

Отмечу и еще одно течение, родственное предыдущим и получившее название ЭКСПРЕССИОНИЗМА. Оно также отвергало все традиционные нормы в искусстве, искало каких-то новых способов выражения чувств и восприятий, и обнаруживало особое пристрастие к порче языка, загружая его нелепыми словообразованиями и всякими заумностями. Особого распространения экспрессионизм не получил, но свою ложку дегтя в чистый родник искусства все же добавил.

В двадцатых годах нынешнего столетия возник новый вывих в искусстве, названный СЮРРЕАЛИЗМОМ. Начался он, как обычно, с литературы, но потом перекинулся на живопись, театр и кино, где получил более широкое распространение. Представители этого направления считали, что реализм в искусстве уже совершенно опошлен и следует возвыситься над ним путем полного раскрепощения подсудных, где-то в глубине сознания таящихся чувств и инстинктов, и неограниченной свободы порождаемых ими эмоциональных устремлений. Каковы могли быть эти инстинкты и устремления, ж

но судить по тому, что своим духовным отцом и основоположником французские сюрреалисты считали марикса де Сада.

По существу, тут дело шло уже о полном отрицании основной сущности искусства и нормальной системы мышления. Взамен логики и анализа, сюрреализм проповедует младенческое бездумие, безудержный полет фантазии и наитие, — творить рекомендуется как бы в состоянии транса или внезапного озарения, не задумываясь над средствами выражения своих эмоций и прибегая к «волшебному произволу», путем набора первых пришедших в голову слов и красок. Совершенно неважно получится ли какая-либо связь или гармония между отдельными элементами подобного произведения искусства, — существенно тут лишь «открытие нового и чудесного в повседневном».

Во французской литературе самым видным представителем этого течения был известный коммунист Луи Арагон. Но в России оно заметного распространения не получило, ибо при советской власти людям искусства вольничать не полагалось, — надо было плясать так, как велит партия. Все же там образовалась небольшая группа, которая в тридцатых годах начала издавать журнал «Сюрреализм на службе революции». Однако эта служба продолжалась недолго: сюрреалистов обвинили в троцкизме и ликвидировали.

Выше я перечислил только главные течения в области попыток обновления искусства. Кроме этих, было и множество других, менее известных или вовсе беспомощных, например, **ДАДАИЗМ**, **КОНСТРУКТИВИЗМ**, **ИМАЖИЗМ**, **ИНТУИТИВИЗМ**, **УНАНИЗМ**, **АВАНГАРДИЗМ** и прочие бесславно заглохшие «измы», под которые их идеологи пытались подвести какую-то философскую или социологическую основу, сопровождая ее рецептами соответствующего искажения искусства.

Из-под всего этого с нарастающей ясностью стало проглядывать стремление поставить искусство, а в особенности литературу, на службу той или иной философско-политической идее, совершенно аналогично тому, как в СССР поставлен на службу партии так называемый социалистический реализм.

После второй мировой войны в этой области появилась сильно на шумевшая новинка — **ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ**. По существу, это не очередная ересь в искусстве, а скорее особое мировоззрение, выросшее главным образом на ущербно-философских идеях французских писателей Сартра, м-м Бовуар и

Камю. Но это мировоззрение заметно отражается на литературе и, в меньшей степени, на театральном искусстве, а потому следует его хотя бы в общих чертах охарактеризовать, что, впрочем, трудно сделать с исчерпывающей ясностью, ибо многие его положения туманны, а границы охвата весьма неопределенны и расплывчаты.

Оно глубоко пессимистично и утверждает, что мироздание и жизнеустройство непознаваемы и лишены какого-либо смысла. Жизнь человека по существу бесцельна и в окружающем его хаосе абсурдов он, как вечный изгнанник, предоставлен самому себе; духовно он одинок во всех областях жизни, — общественной, культурной, служебной и даже семейной. В силу такого положения, единственным судьей своих действий, поступков и подходов к искусству является он сам, будучи свободным отнестись к безнадежности своего бытия со спокойным и гордым презрением, или бунтовать против него в любой форме. Он имеет нравственное право на самоопределение, не считаясь ни с какими моральными нормами, — он сам должен их для себя создавать, сообразно обстоятельствам, в которые поставлен. Таким образом человек живет и творит по «законам момента», которые он устанавливает для себя сам, и может их менять сообразно обстановке и своему настроению. Иными словами, человеку тут предоставляется полный произвол, как в поведении, так и в творчестве. В этом последнем ему рекомендуется совершенно игнорируя все наследие культуры прошлого, руководствоваться собственным здравомыслием, устремляя свое внимание от общего к частному, единичному, к той части отдельной человеческой судьбы, которая как бы выпадает из общего течения жизни.

После недолгого, но пышного расцвета, экзистенциализм постепенно зачах и вышел из моды.

* * *

Все эти многочисленные течения и направления можно условно объединить под одним общим названием МОДЕРНИЗМА. Он прочно занял все ключевые позиции в искусстве и совершенно исказил его, привычный нам, облик.

Следует оговориться, что некоторые из этих новшеств, при введении их в искусство умеренными, не выходящими из границ эстетики дозами, могут сыграть в нем положительную роль, расширяя его возможности и не давая ему застояться. Но, к сожалению, все это вводится даже не лошади-

ными, а слововыми дозами, которые грозят растворить в себе самое тело искусства, в прежнем его понимании.

Поиски новых путей в искусстве сами по себе вполне законны, на этом основано его развитие. И некоторые из них привели не к бунту против основных канонов искусства, а к их обогащению. Из таких направлений следует упомянуть ИМПРЕССИОНИЗМ, который я умышленно отделяю от прочих «измов». Правда, он больше коснулся живописи, чем литературы и его основоположником был французский художник Монэ. Импрессионизм основан на фиксации впечатлений момента, — его сущность в том, что один и тот же предмет можно изобразить по-разному, в зависимости от внешних условий и от настроения художника. Таким образом, можно этот предмет «подать» в том варианте, который кажется художнику наиболее характерным или отвечает особенностям его собственных впечатлений. Это отнюдь не зловерное направление в искусстве, а скорее синтез вполне законных усилий расширить его возможности, в пределах разумного и логичного. Впрочем и тут некоторые изрядно пересаливали, впадая в гротеск.

Говоря о положительных течениях в литературе, нельзя обойти молчанием АКМЕИЗМ, давший нам двух лучших поэтов «серебряного века», Гумилева и Анну Ахматову, а также очень талантливого Мандельштама, Сергея Городецкого и некоторых других. Их объединял журнал «Аполлон», существовавший с 1909 года до самой революции.

Акмеизм явился как бы реакцией на символизм, он призвал к возврату от него к реальному миру, эстетике и точному значению слова. Установка делалась на предельную ясность художественного образа и языка. Одна из основных заповедей акмеизма гласила: «лучшие слова в лучшем порядке». Это «искусство для искусства», — с отменением всякой политической, социальной или философской направленности, его объекты — природа, реальный мир и нормальные человеческие чувства.

Возвращаюсь однако к тем направлениям в искусстве, которые пошли по линии бунта против его прежних основоположений. Продолжая свой победный путь, они привели к заумности, беспредметности, словесной эквилибристике, антиэстетике, бесвкусице и ко всевозможным вывертам, которые все дальше уводят нас от того, что в искусстве является самым важным, — от красоты и гармонии. Такого рода продукция

в области всех видов искусства, нормальному человеку, не без оснований, кажется надругательством над искусством или шарлатанством. Но человечеству так долго и с такой настойчивостью вбивали в голову, что это и есть подлинное искусство, что в массе оно этому поверило или, во всяком случае с этим смирилось.

Думаю, что людей искренне поверивших в подлинность нового искусства не так уж много. Но признаться в том, что им ближе и понятней старое, они боятся, чтобы не прослыть отсталыми. Чтобы слыть «передовыми», вопреки своим вкусам, надо тянуться за модой. В силу такого положения, на модернистскую продукцию появился большой спрос, она стала выгодным делом, выгодным вдвойне, потому что не требует долгого и кропотливого труда, а в большинстве случаев и особого таланта. Мало кто из людей, заботящихся о своем положении в свете, отважится сейчас купить и повесить у себя в доме картину, написанную в духе старого, классического мастерства, — чего доброго засмеют знакомые, а абстрактную мазню только подавай, и платят за нее не скупясь. В силу этого, многие подлинно талантливые художники, кривя душой, ударились в абстрактную живопись, ибо сейчас это наиболее верный и легкий путь к успеху и к деньгам. Пикассо, например, обладая крупным талантом, избрал свой жанр именно по этим соображениям, чего почти не скрывал и нажив громадное состояние, не раз позволял себе роскошь посмеиваться над своей клиентурой.

Итак, общими усилиями всех этих реформаторов искусства, красота и гармония из него вытеснены и объявлены «пережитком мертвой культуры прошлого». В литературе, а особенно в поэзии, изящество и легкость слога, чистота языка и ясность сюжетной линии стали служить признаками отсталости или бездарности, куда выше котируются заумность, беспредметность, затуманенный смысл, загроможденный искажениями и новыми словообразованиями язык, а главное — чтобы ни на что прежнее было не похоже, — прежде всего оригинальность, часто доходящая до сверхбесвкусицы и словесной клоунады.

В музыке симфония уступила место какофонии, в живописи реализм заменен абстрактно-ребусной халтурой, в скульптуре дело обстоит и того хуже. У нас в Уругвае, например, в центре столицы воздвигнут такой монумент: на высоком каменном пьедестале два огромных косо расходящихся рога.

Туристы подолгу стоят перед этим произведением искусства и стараются не обнаружить своего удивления, когда местные жители им объясняют, что это памятник одному из недавно умерших президентов республик.

Даже красота человеческого тела подвергнута переоценке. Тип сегодняшней красавицы заметно отличается от прежнего. Вместо строго определенных пропорций телосложения и правильности черт лица, современная красавица должна быть тощей, большебертой, слегка скуластой, с широко расставленными глазами, — правда, все это в меру. Это еще сравнительно легкий сдвиг, еще не грубый отход от того, что до сих пор почиталось идеалом женской красоты, но все же о сегодняшней звезде экрана или иной патентованной красавице язык не повернется сказать, что она божественна, а к прежней красавице такой термин напрашивался сам.

Анализируя все эти перемены, стоит задать себе вопрос: может быть мы, люди старой школы, поклонялись ложным богам и наши понятия о красоте просто ошибочны? Может быть реформаторы открыли новых богов, культ которых привел к более правильным формам красоты в искусстве? Попробуем разобраться в этом вопросе и проследить, — откуда возникло понятие красоты и по какой линии оно совершенствовалось.

Прежде всего, красота не может быть понятием относительным, подчиненным моде или капризам времени, также, например, как свет: он всегда остается светом, как бы ни старались нас уверить что это самообман и что светом следует считать сумрак или тьму. И сколько бы ни тщились современные «переосмыслители» изменить наши понятия о красоте, подменяя ее уродством или посредственностью, для нормального человека это неприемлемо. Боясь насмешек и обвинений в культурной отсталости, внешне он может быть и согласится с такой подменой, но в душе будет понимать или хотя бы смутно чувствовать, что его морочат, ибо наш критерий прекрасного и наши эстетические представления врожденные и наследственные. Они прочно закрепились в подсознании человека, если этот человек психически здоров. Это, если угодно, своего рода атавистический инстинкт, такого же порядка, как инстинкты самосохранения, размножения рода и т. п. Он вырос из опыта миллионов предыдущих поколений, которые культивировали эти понятия в определенном, одном и том же направлении. Это итог длительного пути к совер-

шенству, в основе которого лежал естественный отбор всего нужного и выгодного человеку для сохранения рода и для физического прогресса, к чему позже присоединилось и стремление к прогрессу духовному, который привел человечество от звериного эгоизма и грубого вожделения к таким чувствам, как альтруизм, возвышенная любовь, нежность, справедливость и совесть.

И вот эта, созидательная категория наших инстинктов почему-то ускользает от внимания анализаторов психической деятельности современного человека. Все его действия, поступки и побуждения с легкой руки Фрейда стараются объяснить импульсами трех самых элементарных инстинктов первичного характера: плотского вожделения, страха и голода. Но если бы в человеке всегда доминировали именно эти животные инстинкты, он никогда не поднялся бы до тех высот духа, морали и эстетики, которые сейчас так раздражают всевозможных переустроителей общественной жизни и переоценщиков ценностей.

Чувство красоты и его развитие прежде всего было чрезвычайно важно для физического совершенствования человеческого рода, ибо оно лежало в основе того постоянного и неуклонного отбора, который привел от обезьяно-подобного питекантропа к современному типу человека. Если бы этот отбор не строился сначала на ощущении, а позже и на правильной понимании красоты, то сегодняшние звезды экрана и конкурсные красавицы мало чем отличались бы от гориллы.

Первичное ощущение красоты пошло, несомненно, от женского тела. Наш отдаленнейший предок, какой-нибудь неандертальский или пекинский человек, в красоте природы и вещей не разбирался, — это ему было ни к чему, — но в красоте женского тела он кое-что смыслил. Он выбирал наиболее привлекаетльную и здоровую самку (обратите внимание на это сочетание — «привлекательную и здоровую», я о нем буду говорить дальше), за нее шла борьба и доставалась она наиболее сильному из претендентов. Ясно, что потомство таких родителей, сочетавших здоровье и силу, легче выживало в борьбе за существование, — на этом и основан закон эволюции человеческого типа.

Как же понимал красоту первобытный человек? Что для него и для его еще примитивных потомков было критерием привлекаетльности женского тела? — Несомненно, здоровая внешность и правильное, рациональное анатомическое сло-

жение. Едва ли неандерталец посчитал бы привлекательной женщину колченогую, кривобокую или впалогрудую, он безусловно постарался бы взять такую, которая подобных недостатков не имеет. И не потому, что он был эстетом, нет, он просто соображал, что в трудной борьбе за существование более пригодной ему и лучшей подругой будет самка крепкая, хорошо сложенная и не имеющая физических недостатков. Таким образом, в основу понятия красоты самой природой заложен критерий здоровья и рациональности. Отсюда берет начало тот инстинкт, который подсознательно живет в нынешнем нормальном человеке и руководит нами при оценке красоты и чувства прекрасного.

В силу этого определенного природой закона, согласиться с модернистскими понятиями о красоте могут только люди утратившие нормальный голос инстинкта или кривящие души и совестью из тех или иных побуждений. И если мы от именно такой оценки красоты, продиктованной всем прошлым человечества, откажемся и пойдем по ущербной линии всевозможных модернистов, — это будет путь явного регресса и вырождения человечества, как физического, так и духовного, ибо за отрицанием традиционной и единственно подлинной красоты физической, неизбежно последует искажение и атрофия красоты духа и всех духовных функций человека, т. е. морали, этики, вкуса и т. п.

Такое интуитивное, наследственное понимание красоты, обратившись в классическое, привело, конечно, к известным законам совершенства форм и пропорций, как в отношении человеческого тела, так и в постепенном развитии всех видов искусства, которое эту красоту отражало и фиксировало, сначала в скульптуре и живописи, а позже в поэзии, музыке, литературе и иных видах творчества. Все это испокон веков стимулировалось и прогрессировало в одном, определенном направлении, которое предначертал и подсказывал тот же инстинкт, онованный на выгоды именно такого культа искусства для благополучия человечества и для продолжения рода.

Перенесемся мысленно в глубину тысячелетий и представим себе такое положение: компания доисторических дикарей, после удачной охоты и завершившего ее пиршества, сидит у костра и каждый, как умеет, старается выразить овладевшую им радость жизни. Один колотит себя в грудь кулаком и ревет как зверь, а другой издает более мелодичные, приятные для

слуха звуки. Кого предпочтет дикарша? — Больше шансов на ее благосклонность и на продолжение рода имеет, конечно, второй, так-как тот же инстинкт красоты подсказывает ей выбор. Потомки такой пары уже приобретали некоторое наследственное предрасположение к гармонии звуков, какие-то музыкальные задатки. Отсюда уже не столь далеко до появления чисто духовных эмоций и запросов, которые стали развиваться в том же направлении, — в сторону красоты и гармонии. Иными словами, выбиралось, вводилось в жизнь и культивировалось то, что было благоприятно для человеческого здоровья, физического и духовного. И это определило путь эстетического прогресса и эволюции всех видов искусства.

Из этого достаточно ясно, что каноны и критерии красоты или ощущение подлинно прекрасного, заложены природой в недра нашего сознания, нашей души. И всякая попытка революционеров в искусстве поправить или изменить эти каноны и критерии, является, прежде всего, насилием над природой человека и его подсознательным мироощущением.

Что мы всегда считали признаками красоты, ну скажем, человеческого тела? — Безукоризненную правильность и симметрию телосложения, гармонию его отдельных частей и совершенство пропорций, пышные, густые волосы, чистую, без изъянов и пятен кожу, ясные глаза, розовые губы, ровные, белые зубы и т. д. Но ведь это, прежде всего, признаки прекрасного здоровья и безупречной жизнедеятельности организма!

Следовательно первым и главным слагаемым нашего врожденного критерия красоты является здоровье. А вторым — рациональность. Вот, например, мы совершенно бездумно, как нечто само собой разумеющееся, считаем самыми красивыми густые, длинные и загнутые кверху ресницы. Но ведь именно такие ресницы наилучшим образом выполняют свое биологическое назначение: надежно защищают глаза от засорения и в то же время изогнутость не позволяет им слипаться. Нам особенно нравятся густые, но тонкие, дугообразные брови. На вопрос — почему? человек ответит: «да ведь они самые изящные». Но это изящество неотделимо от максимальной рациональности, т. к. именно эта форма бровей наиболее выгодна организму, находящемуся в нормальных, а не искусственно созданных условиях: такие брови наилучшим образом защищают глаза от стекающего сверху пота и

вместе с тем не засоряются пылью и грязью, как брови широкие и косматые.

И так во всем: то что в челоевке наиболее красиво, наиболее ему полезно или, если угодно, наоборот. Красота тела и биологическая рациональность нерасторжимы. Следовательно, из жизненной, органической целесообразности и выросли наши понятия о красоте и правильная ее оценка. Сегодняшние модернисты во что бы то ни стало стараются увести нас отсюда в заумные дебри и сбить с этой единственно правильной позиции, подменяя всякими суррогатами и химерами единственно подлинную, классическую красоту: красоту здоровья, физического и духовного.

* * *

Попытки искажения понятий о красоте делались и раньше, — это проскальзывает хотя бы в итальянской живописи средневековья, — но они не носили целеустремленного характера и были вызваны не желанием произвести коренную ломку в искусстве, а скорее особенностями жизни того времени. Но ныне наблюдаемый штурм красоты и гармонии во всех областях искусства, имеет совсем иную подоплеку и перерастает в поход против всей нашей многовековой культуры в целом. Разберемся, прежде всего, в словесной шелухе, прикрывающей истинные причины этого явления:

Модернисты всех мастей и направлений, которые я перечислил в начале этой статьи, жалуются на исчерпанность и недостаток изобразительных средств в классическом искусстве, — им-де приходится искать новые пути и новые возможности для того, чтобы выразить себя и свои ощущения. Пусть так, но позволительно задать вопрос: почему все эти поиски производятся не в области углубления красоты, а идут по линии ее ниспровержения и обезображивания?

Мало изобразительных средств? Полно-те, господа модернисты! Неужели, например, богатейшего русского языка, самого выразительного в мире, — языка, который Тургенев справедливо назвал великим и бессмертным, — не достаточно современному писателю для выражения своих мыслей и художественных образов? Литературоведами подсчитано, что Лев Толстой пользовался десятью тысячами слов, и при помощи их он создал гениальные произведения. Если современным «сверх-гениям» этих слов мало, то в живом русском языке есть еще около сорока тысяч слов, неиспользованных Толстым, да сколько еще колоритных, образных слов можно

возвратить к жизни из русской, несправедливо забытой старины! Казалось бы, черпай ведрами из этой сокровищницы, ан нет, — оказывается нужно выдумывать и вымучивать из себя новые, в большинстве случаев неблагозвучные и никакой необходимостью не оправданные слова, или корезить старые, так что русский читатель вынужден многие фразы и даже страницы подобных произведений не читать, а «решать», как ребус.

К великому сожалению, этим грешит даже такой талантливый писатель, как Солженицын, засоряя подобным хламом свои произведения, местами настолько, что рядовому читателю их трудно понять. Если бы я стал всемирно известным писателем и узнал бы, что в помощь моим читателям специально издан «Словарь непонятных слов у Каратеева», — то этим отнюдь не был бы польщен.

Мне лично кажется, что все эти ссылки модернистов на недостаток изобразительных средств и красок на палитре старого, классического искусства и разговоры о том, что для выражения своих чувств и восприятий им нужны какие-то особые приемы и средства (вплоть до дохлой крысы и картофельных очистков), — это, в подавляющем большинстве случаев, не главное. Не во всех, конечно, ибо на свете есть немало людей психически неблагополучных (что не исключает наличия таланта), которые действительно не могут выразить себя в искусстве иначе как при помощи необычайных средств, отвечающих особенностям их психики. Эти по крайней мере честны. Но гораздо больше сюда примкнуло таких, которые жаждут известности и славы, не обладая достаточным талантом, чтобы добиться их путем нормального творчества. Такие делают ставку на оригинальность, даже на подлинное хулиганство в искусстве, подменяя талант вычурностью, озорством, заумием, искажением языка и прочими вывертами, по рецепту футуристов щедро раздавая пощечины и своему собственному и чужому вкусу. Их цель — какой угодно ценой привлечь к себе внимание и заставить о себе говорить.

Позже, когда модернисты общими усилиями уже «охмурили» в достаточной степени значительную часть общества и создали соответствующую моду, их последователи начали расти, как грибы после дождя, ибо ценителям такого искусства всего легче стало прослыть передовыми людьми, а его творцам позволяло добиться успеха гораздо скорее и легче, чем если бы они шли путем нормального творчества, которое, к

тому же, требует наличия подлинного таланта и большого, упорного труда.

Для устранения опасной конкуренции и своего окончательного торжества, модернисты и их философствующие вдохновители не жалеют усилий чтобы дискредитировать старые формы искусства и фактически всю породившую их классическую культуру. О гениальных мастерах прошлого и о их творчестве говорят со снисходительным презрением, стремясь принизить их в глазах современников. Хорошим тому примером могут служить, с позволения сказать, труды товарища Синявского, посвященные потугам развенчать Пушкина и Гоголя.

Весь этот поход против старой культуры и ее устоев приводит к поистине страшным результатам. На ущербные умишки многих современных нео-дикарей такая пропаганда действует в духе «крой, Ванька, Бога нет!» Таким приматам тоже хочется чем-то обратить на себя внимание, и не обладая для этого иными возможностями, они становятся на путь Герострата. Не столь давно один из таких фанатиков в венском музее изорвал в клочья рукописи Бетховена; другой в Голландии изрезал ножом картину Рембрандта, третий уничтожил в Италии бесценные фрески Микель Анджело. Дальше — больше, в картинной галлерее города Касселя совершен уже групповой акт вандализма: одновременно были облиты серной кислотой четыре уникальных картины великих мастеров 17-го столетия; подобная же варварская порча редчайших произведений искусства почти сразу произошла в музеях пяти других городов Германии. И наконец — одно из последних «достижений» современных питекантропов: страшной силы бомбой совершенно разрушено целое крыло Версальского дворца во Франции, служившее собранием бесценных картин, старинной мебели и других исторических и музейных ценностей. Все те варвары, которые при этих деяниях были пойманы, объясняли свои поступки одинаково: «такую отжившую пошлятину надо уничтожать!» Вандализм такого сорта, вандализм идейный, гораздо страшнее и опаснее, чем вандализм хулиганский или дикарский.

Какие же из всего этого можно сделать выводы? — Очень грустные, очень тревожные: наша культура в опасности. Какие-то темные силы явно заинтересованы в ниспровержении этой культуры и неразрывно связанных с нею духовных ценностей: этики, морали, совести, нормального вкуса и здравого

смысла. Эти темные силы победно наступают по всему фронту, и модернисты — это только одно из слепых орудий их обширного арсенала. Другие разрушители, обычно прикрытые самыми благообразными масками, не менее успешно действуют в области политики, экономики, народного просвещения, правосудия и т. д.

Что же мы можем сделать? — Только одно: противиться действиям и влияниям этих темных сил где и как только можно, противиться словом и делом, а главное внутренней убежденностью в своей правоте. Если в этой борьбе мы хотим победить, то оставаться пассивными больше нельзя.

М. Каратеев.

Обо всем и об одном художнике.

Илья Сергеевич Глазунов родился в 1930 году в Ленинграде. Его отец историк, много способствовал развитию в сыне любви к России, ее культуре и истории. Мать, человек утонченной культуры, происходила из аристократического рода. Вся семья Глазунова погибла во время блокады.

Художник Илья Глазунов, картины которого выставлялись и в Советском Союзе и за границей, давно уже приобрел славу истинно русского художника, кисть которого служит России, ее многовековой истории и народному эпосу. Вот что писал о его творчестве Владимир Осипов редактор небезизвестного самиздатского журнала «Вече», до сих пор находящийся в исправительном лагере за свою русскую национальную деятельность. (Цитирую отрывочно).

«Если попытаться в двух словах определить направление художественных исканий его, то можно сказать, что это прежде всего утверждение непрерывности русских традиций. Илья Глазунов заговорил о России и заставил себя слушать. Этой заслуги у Глазунова никому не отнять. «Вы русские», властно сказали полотна художника неприкажным людям... И люди вспомнили, что они есть, и есть Россия. Со всей присущей ему страстностью Глазунов выполняет призвание и вносит незыблемую гармонию в хаос происходящего. Глазунов первый, кто осмелился показать полотна с церковью в русском пейзаже. Впервые после силосных башен появилась вечная Россия. Вся жизнь, все стремление его подчинены служению идеи имя которой Россия. Завистников его славы много, но кто из них обрек

себя на непрерывный каторжный труд? Дорогу осилит идущий...

Говоря о сражениях и победах Ильи, невозможно умолчать о жене его Нине — замечательной женщине нашего времени. Обладая незаурядным умом, благородством, редкой силы характером, идейностью и убежденностью подставить мужу и полной мерой женственности и красоты, Нина Виноградова-Бенуа вызывает поклонение всех, кто знает или видит ее хоть раз. Мать двоих детей Вани и Веры она находит силы и время для работы плечом к плечу с мужем. Друг, соратник, ангел-хранитель...

Пример Ильи Глазунова — вдохновляющий пример блестящего художника-патриота, уверенного в своей правоте. Пример Ильи Глазунова — вдохновляющий пример общественного деятеля — патриота, умеющего смотреть далеко вперед и верить в великое будущее своего народа, несмотря на все трудности и падения сегодняшнего дня.

Илья Глазунов лишний раз всей жизнью своей доказывает, что при наличии твердой веры в правоту, при постоянном и целеустремленном труде, невозможное становится возможным... Смелость Ильи Глазунова, помноженная на его дар и его любовь к России — верный компас в его стремительном продвижении вперед. Слава его — это слава русской культуры сегодня».

Журнал «Посев» в № 24 после нашумевшей выставки Глазунова в Риме в 1963 году писал следующее:

«Все его творчество насквозь пропитано духом русскости, не может не действовать на сознание и чувства народа, и, в особенности, молодежи, как колокол зовущий в ночной пурге к теплу и свету, сбившегося с дороги путника».

В 1964 году в № 15 «Посев» приводит текст письма в редакцию «Известий» подписанного группой деятелей искусства с просьбой помочь в получении разрешения на устройство выставки картин гонимого художника Глазунова.

«... Илья Глазунов — художник резко выраженного почерка; его реализм с глубочайшим проникновением во внутренний мир человека корнями уходит в традиции древнего русского искусства.

Мы обращаемся к редакции — помогите получить от соответствующих организаций разрешение на устройство выставки картин Ильи Глазунова...».

Эти отклики на творчество русского художника, появившиеся в русской печати подкрепляются восторженными рецензиями иностранных критиков и специально изданной в Италии монографией посвященной Глазунову. Художественный талант его твердо установлен и общепризнан.

Красной нитью через всю жизнь Глазунова проходит его стремление к служению России. Свою первую выставку еще в студенческие годы, Глазунов закончил с бурным успехом и сразу получил широкую известность. На ней он представил себя и обозначил пути своей творческой деятельности. Однако после выставки наступили черные дни. Молодого художника подвергли жестокой критике и по окончании Академии направили преподавателем черчения и рисования в городское училище города Иваново. Вскоре на свой страх и риск он с женой едет в Москву где ютится в кладовке у скульптора. Эти два тяжелых года в Москве изменились только благодаря жене шведского посла в СССР Мадам Сульман. Она посетила его первую выставку два года назад и теперь попросила его написать ее портрет. Опальный художник не рискнул принять заказ и предложил ей обратиться за разрешением в Министерство Иностранных Дел. Пол года министерство предлагало мадам Сульман, оказавшейся Зинаидой Александровной урожденной Оболенской, других известных портретистов, пока она, на приеме в шведском посольстве, не пожаловалась Хрущеву. Успех портрета госпожи Сульман дал прописку в Москве, заказы других дипломатов а, через два года поездку в Варшаву и мировое признание.

На московском кино-фестивале он пишет портрет Лоллобриджиты и получает приглашение приехать в Италию. После многих хлопот своих заграничных друзей только через два года в 1963 году он смог приехать в Италию, где проводит в работе два месяца и выставляет свои труды. Итальянские газеты и крупные журналы дают положительные, а некоторые даже восторженные отклики и называют Глазунова антисталинистом палитры и человеком обладающим языком сердца. Признание за рубежом смягчило отношение к нему на родине. Нужен был талант Глазунова, его энергии и устремленность к России, чтобы побеждать все преграды все еще возникавшие на его пути. Замалчивание художника продолжается и до сих пор. Выставка его картин в Москве прошлой осенью была проведена без всякой рекламы, в ограниченном

размерами помещения и в срок, который не мог вместить всех желающих посетить выставку.

Глазунов не только художник. Он написал книгу — «Дорога к тебе», которая является гимном России. Он же был инициатором и возглавителем борьбы за сохранение памятников русской истории и культуры. Только благодаря его энергии борьба эта увенчалась успехом. В 1966 году при его участии организовывается «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры». При обществе Илья Сергеевич организует молодежный клуб «Родина», где московская молодежь учится видеть и любить Россию. В семидесятых годах он сражается за спасение русской столицы, выступая против Генерального Плана Реконструкции Москвы, утвержденного правительством в 1971 году. План этот был создан еще Кагановичем в 1935 году, как утверждал главный архитектор Москвы Посохин. На основании этого плана за несколько лет его существования в Москве было разрушено более 400 лучших памятников русского зодчества. План Кагановича не предусматривал сохранения культурных, исторических и национальных памятников страны. Его основную идею описал сторонник «реконструкции» Москвы М. Гинзбург, который писал в журнале «Советская Архитектура» за 1930 год следующее:

«Мы не должны делать никаких капиталовложений в существующую Москву и терпеливо лишь дожидаться естественного износа старых строений, после которого разрушение этих домов и кварталов будет безболезненным процессом дезинфекции Москвы».

После нескольких лет безуспешной борьбы с «дезинфекцией» Москвы, Глазунову, наконец удается найти правильный подход к этому вопросу. Он вносит практические предложения и составляет сметы, которые указывают, что удовлетворение нужд современной городской жизни можно дешевле провести, сохраняя историческую архитектуру Москвы. Вот что писал об этом В. Осипов:

«По хозяйски проведенные расчеты показали, что экономическая политика ГЛАВАПУ (Главное Архитектурно-Плановое Управление) — ложна. Расчеты показали, что сохранение всех зданий Садового Кольца против замены их новыми дает экономию в 400 мил. рублей».

Результаты напряженной борьбы Глазунова и его сподвижников Коробова, Тьдмана и Воронина сказались в июне

1973 г. когда Экспертная Комиссия Госстроя СССР, на основании докладов группы Глазунова дала резко отрицательный отзыв о плане.

В этом кратком журнальном очерке деятельности и жизни русского художника Ильи Глазунова невозможно описать все трудности и притеснения, которые довелось ему пережить в его борьбе за историческую Россию и ее культуру. Нам понятно почему клевета, унижения и преследования сопровождали его творческую жизнь в Советском Союзе, но почему поток клеветнических, недоказанных обвинений вдруг щедро обрушился на голову Глазунова по эту сторону рубежа, понять очень трудно. Анализ событий приводит нас к убеждению, что причиной этого двухстороннего гонения является его национализм. Ведь русский национализм преследуемый в Советском Союзе, предан остракизму и на западе. В этом руссофобском заговоре обе стороны довольно дружны. Не даром наши материально преуспевающие зарубежные деятели отказались от утверждающей и положительной идеи русского возрождения и подменили ее импотентным ничего не говорящим антикоммунизмом. А Глазунов посмел заговорить о России.

Первой ласточкой заграничной травли была заметка о художнике Глазунове в книге Джона Баррона, вышедшей в издательстве Шерца в Мюнхене под названием «К.Г.Б. — Деятельность и Организация Советской Секретной Службы на Востоке и Западе». Вот что написал Баррон в своей книге.

«...Илья Сергеевич Глазунов получил известность в середине пятидесятых годов в московских художественных кругах как художник, картины которого отдаленно напоминали иконы. Этого было достаточно, чтобы молодые интеллигенты, увидевшие в новом стиле доказательство честности и смелости, полюбили Глазунова. Всем на удивление он получил огромную квартиру, которая превратилась в место встреч поэтов, писателей и художников. Еще удивительнее было то, что Глазунов получил возможность выставлять свои работы за границей, хотя не мог выставлять их в Советском Союзе, и особенно часто общаться с иностранцами. Однако, если учесть, что все эти привилегии Глазунов получил в награду за то, что он доносил на советских интеллигентов и иностранцев, они не должны вызывать удивления...»

Клеветайте, клеветайте — что-нибудь да останется, кажется сказал один из французских драматургов. Некоторые герман-

ские газеты подхватили брошенное Барроном обвинение в сотрудничестве с КГБ и грозная тень нависла над Глазуновым. Он не задумываясь подает в суд города Гамбурга и требует запрещения распространения книги. Баррон не смог представить суду доказательств и суд решает запретить ее распространение, если из нее не будут удалены, пророчащие имя Глазунова обвинения. Интересно отметить, что один из видных политиков Германии, ознакомившись с материалами о Глазунове, сказал: «Ничего, кроме сомнительных, явно грязных доносов и еще более сомнительных сплетен, я не нашел».

На судебном разбирательстве, как «неопрровержимое» доказательство того, что Глазунов является агентом КГБ, Баррон привел открытое письмо в редакцию двух газет: «Русской Мысли» и «Нового Русского Слова», подписанное видными представителями «третьей волны» эмиграции А. Галичем, А. Гладилиным, Э. Зелениным, А. Злотником, Н. Коржавиным, В. Максимовым, В. Марамзиным, В. Некрасовым и М. Шемякиным, которые, истолковывая свободу печати на свой, несколько необычный для нашей культуры, лад, в очень эмоциональной и бездоказательной форме единодушно присоединились к утверждению Баррона.

Вторым доказательством ответчика на суде было письменное показание господина Голомштока, которое начиналось с фразы: «Фактов, доказывающих прямую связь И. Глазунова с КГБ, у меня нет». Совершенно очевидно, что, после этой фразы, содержание его показания скорее носило характер доноса, чем обвинения, вполне в согласии с принципами чуждой нам культуры.

Кроме скользких намеков, что Глазунов является агентом КГБ, Голомшток в своем показании старается развенчать Глазунова и как художника. С большой верой в себя, как «специалиста в области современной живописи» он утверждает, что Глазунов не является ни крупным, ни талантливым, ни значительным и даже ни посредственным художником, точнее не художник, а абсолютный ноль. Конечно господин Голомшток имеет право оценивать художников по своему вкусу, как имеет право на свое мнение и тот посетитель зверинца, который, увидя жирафа, авторитетно заявил: «Таких зверей не бывает». Противоположное мнение имела Королевская Академия Художеств Швеции, которая решила поручить писать портрет короля Карла XVI не Сальвадору Дали, а русскому художнику Глазунову. Высокое мнение о Глазунове-

художнике высказали и Паоло Риччи, Фредерико Феллини, Эдуардо де Филипо, Давид Сейгуеро и многие другие, не говоря уже о «малосведущей в вопросах искусства широкой публики» как в Советском Союзе, так и на западе.

Приводить полностью письмо девяти нет надобности. Оно еще вероятно свежо в памяти читателей, но, для того чтобы ощутить вновь его характерный аромат, приведем только несколько фраз.

«... Этот идеологический вояжер от живописи свободно разъезжает по всем частям света, поставляя желающим стилизованные портреты «а ля рюс» различных кинодив, политических и общетсвенных деятелей, а также их, жаждущих популярности достопочтенных жен».

«... А никому неведомый выпускник Ленинградского Института им. Репина при Академии художеств СССР, приехав в Москву, почти мгновенно получает квартиру на проспекте Мира и одну из лучших в столице профессиональных мастерских на проспекте Кутузовском».

«... А Илья Глазунов, даже не будучи еще членом пасомого властями Союза художников, устраивает представительный вернисаж».

«... Не стесняясь обстоятельствами, Глазунов тут же пишет ко дню рождения Леонида Брежнева портрет последнего (задумайтесь уважаемые кому все-таки в нашей стране доступна подобная честь)».

Вот, кажется и все обвинения. Если еще прибавить указание немецкому суду, что ему не следует принимать в рассмотрение иск гражданина антидемократической страны, то содержание этого письма будет полностью исчерпано. Письмо это, к сожалению осталось без ответа, и только недавно в издательстве журнала «Часовой» на правах рукописи вышла машинописная брошюра под названием «Русская Идея или КГБ», которая всесторонне освещает как деятельность Глазунова, так и деятельность противодействующих ему сил. Мы очень рекомендуем всем ознакомиться с этой брошюрой, материалы которой мы широко используем в этой статье. Брошюра сообщает, что на открытое письмо девяти откликнулся А. Скуратов, проживающий в Москве и подписавший свою статью полным именем с указанием адреса.

Статья эта называется «Пена Третьей Волны» и начинается эпиграфом взятым из творений Наума Коржавина

Борьбой с устойчивостью древней».
«Вся жизнь моя была хмельна

Статья Скруатова, напитанная фактическими справками, очень интересна по содержанию. К сожалению, не имея возможности напечатать ее полностью, приводим наиболее существенные выдержки:

Они всегда наваливаются скопом. Меньше, чем вдесятером на одного не выходят. Стараясь свалить на землю, бьют чем попало...

Конец пятидесятих годов. Новая волна оттепели...

На этой волне, в феврале 1957, лауреату Пражского фестиваля молодому художнику И. Глазунову удается устроить свою первую выставку, имевшую шумный успех, который, однако, самому Глазунову дорого обошелся. Разгневанный советский классик Иогансон, Вице-Президент Академии Художеств СССР, в свое время лично принявший Глазунова в руководимую им мастерскую, по началу хотел вообще исключить Глазунова из Художественного Института, но потом смягчил кару и ограничился тем, что «зарезал» строптивому ученику диплом и повелел сослать его учителем черчения в Ижевск, с последующей заменой Ижевска на г. Иваново. Однако, мир не без добрых людей: скульптор Дионисио Гарсия приютил Глазунова с женой у себя в каморке площадью около 5 кв. м. (ул. Воровского, д. 29), где была у него кладовка для глины, и где уместилась всего лишь одна койка. Здесь в невыносимой тесноте прожили Глазуновы два года («почти мгновенье» по выражению досточтимых авторов письма). И лишь спорадически возникающей у наших властей стыдливость перед иностранцами, которые со времен выставки проявляли большой интерес к творчеству Глазунова, заказывали ему свои портреты, художник обязан тем, что ему в 1959 г. позволили арендовать двухкомнатную квартиру на Кутузовском проспекте (д. 47, кв. 199) общей площадью 28 кв. м., обыкновенную квартиру, а не «одну из лучших в столице профессиональных мастерских», как лгут теперь Галич, Максимов и другие... И лишь после выставки 1960 г. в Польше Глазунов получил, наконец, в 1961 г. квартиру для жилья на Проспекте Мира (д. 122, кв. 273), отнюдь не роскошную, как думают (или выдумывают) наши горе-диссиденты, а самую обычную московскую однокомнатную квартиру с комнатой площадью 21 кв. м. и кухней 6,8 кв. м....

Мастерскую — 48 кв. м. чердака — Глазунов получил только в 1964 г. после бурного успеха выставки в Италии.

О «жесточайшем жилищном кризисе тех лет»: о «подозрительном отношении к творческой интеллигенции вообще» лучше всего судить на примере самих авторов пасквиля. Что поделывали тогда они? Гремели кандалами по Владимирской дороге, страдая за правду? Давились в тесноте барачков? Ничего подобного, большинство из них уже достигло тогда официального признания и, надо полагать, благодаря своим талантам, а не помощи КГБ.

В. П. Некрасов получил сталинскую премию (1947 г.) за повесть «В окопах Сталинграда» по личному распоряжению «тончайшего ценителя литреатуры» И. В. Сталина. Далее, как из рога изобилия посыпались тиражи, гонорары... Выступая в Париже перед журналистами после выезда из СССР в 1975 году, Некрасов вспомнил, что был в Советской России «приласканным литератором, которому зажигали «зеленый огонь», открывали «зеленую улицу», по которой он шествовал счастливый, богатый». Жил Некрасов в двухкомнатной квартире на Крещатике, живописал, почему-то избегая темы «жесточайшего жилищного кризиса», сегодняшнюю Москву. Не забывает Некрасов Москву и теперь: «Москва для меня, — открывает он в «Континенте» (№ 4), — это и Красная площадь со сменой караула у Мавзолея, и метро «Дворец Советов»... Напомним, построенное в нескольких метрах от взорванного храма Христа Спасителя. Но это не озадачивает нашего писателя-интернационалиста. «Думаю, — рассуждает он там же, — Москва ничуть не пострадала бы, если бы половину ее домов снесли». И даже объясняет, как именно это сделать. Объясняет вполне понятно, вполне в духе Главного архитектора города... Воистину, «не сыновья рука разрушает нашу древнюю столицу» (Солженицын)...

А. А. Галич опубликовал в конце 40-х и в 50-х гг. несколько пьес, одна из которых, написанная в соавторстве с К. Исаявым «Вас вызывает Таймыр» (1948) широко шла на советской сцене (более 1000 спектаклей), принося авторам солидные гонорары. Кинофильм «Верные друзья», по сценарию тех же соавторов, демонстрировался на экранах вплоть до 1976 г. Галичу, как одному из доверенных людей, был дан заказ на сценарий фильма «Государственный преступник». Сценарий был опубликован в журнале «Смена» за 1964 г. (№№ 135-158) миллионным тиражом. За эту работу Галич награжден По-

четной грамотой КГБ при СМ СССР...

В 1956 г. появилась в журнале «Юность» и первая повесть А. Гладилина «Хроника времен Виктора Подгурского», за которой последовали «Бригантина поднимает паруса» и «Дым в глаза» (названия очень соответствующие теперешней деятельности Гладилина). «В России осталось десять моих книг общим тиражом 800 тысяч экземпляров, — вспоминает Гладилин в «Русской Мысли». — Первые мои повести печатались в популярном журнале сотысячными, полмиллионными, миллионными тиражами (...). Так продолжалось десять лет»...

Все потихонечку преуспевали, получали гонорарчики. Благоустраивались, ублажали капризы жен. Это я опять о Вас, г-н Галич... Теперь Вы обличаете «жаждущих популярности жен», а тогда Вы сами заказали у бедствующего художника Глазунова портрет своей жены. Однако, жена решила, что платить больше, чем сто руб. (новыми деньгами) художнику не стоит: «всего то пару раз почиркал...» — вот где боком обернулась И. Глазунову его редкая способность быстро исполнять портреты... Но даже и эту сотню Вы, г. Галич не потрудились заплатить... Помните?

«Я не вспомню, клянусь, эту жалкую сотню,

Что кому то, когда то я дать посулил, да
забыл.

Но зато я теперь мировую общественность
поднял,

Чтоб Илья Глазунов от моих обвинений
завыл...

И снова проблески сознания. 60-е годы. Процветание будущих антикоммунистов продолжается.

Повесть В. Максимова «Жив человек» (1962) приносит ему в СССР широкую известность, ставится в театре, переводится на многие языки. Плодит повесть за повестью Гладилин. По заказу «Политиздата» для серии «Пламенные революционеры» он пишет «Евангелие от Робеспьера» и «Сны Шлиссельбургской крепости», — обе книги выходят тиражами до 200 тыс. экз. Первая — в 1970 г., вторая — в 1974 г. Живет Гладилин в 1963 г. в двухкомнатной квартире в писательском доме.

Н. Коржавин раздражается поэмой о Карле Либкнекте, памятуя, очевидно, совет Маяковского: «Начальство заметит тебя и оценит». Возможно, за это получает в 1962 г. двухкомнат-

ную квартиру, со временем на весомые гонорары покупает кооперативную трехкомнатную. С 1963 г. он член Союза писателей, в коем состоит до отъезда в Израиль.

Скульптор А. Злотник, из молодых да ранний, 26 лет от роду, изготовил по спецзаказу («вы только подумайте, уважаемые, кому в нашей стране доступна подобная «честь»...) бюст Карла Маркса и наладил серийный выпуск бюстов В. Ленина и В. Маяковского. Ну, и, конечно, блаженствовал в трехкомнатной квартире в центре Москвы на ул. Хмелева (д. 21, кв. 20) в «годы жесточайшего жилищного кризиса».

В. Некрасов вояжирует по обе стороны океана, по Франции и Италии в те годы, когда выезд за границу был действительно доступен лишь избранным. Всюду исправно пропагандирует коммунистическую идеологию и советский образ жизни. Никто почему-то ему это вояжирование в вину не ставит, как потом и многим другим, но стоит теперь куда-нибудь поехать бесконечно приглашаемому художнику и портретисту Глазунову, — сразу начинаются кривотолки.

Так же и с выставками. Те, кто сегодня оплакивает авангардистов, которым в начале 60-х годов устроили выволочку Хрущев и Ильичев («разгром выставки в Манеже»), предпочитают не помнить, что и выставка Глазунова в 1964 г., тоже была закрыта раньше времени уже на пятый день со скандалом, а члены партбюро МОСХ-а, И. Бережной, Н. Волков, А. Кибальников и Н. Петров грозно вопрошали в «Вечерней Москве»: «Где у Глазунова чувство современности, связь с нашей жизнью, как он мыслит свое участие в строительстве коммунизма?» и называли стиль Глазунова «сусально русским, с мистическим или, точнее, церковными оттенками». Парторг МК по Союзу Художников Бережной заявил тогда на закрытом заседании выставки в Министерстве культуры: «Глазунов нанес такой вред советской власти, что на долгие годы закрыл себе дорогу в МОСХ. С такими людьми надо бороться. В прежние времена таких расстреливали»...

Так что же ставят в вину Глазунову? Что после премьер-министра Дании, королей Лаоса и Швеции, после министров кабинета де-Голля, после Кекконена, Альенде, И. Ганди — Брежнева нарисовал? Небывалая, видите ли, честь... С каких это пор для портретиста стало уликой написание портретов государственных деятелей пусть даже и собственной страны?

Еще обвиняют Глазунова в том, что он безнаказанно «никогда не скрывал, а порою даже громогласно прокламировал

свое «национальное исповедание». Да, что и говорить, факты в высшей степени подозрительные, особенно для тех, кто, что называется, жизнь положил, искореняя не без успеха все традиционно русское. Но, вы прекрасно знаете, что в наши дни русское «национальное исповедание» уголовно уже не преследуется. Знаете вы так же и то, что кто душил все русское в «золотые» для кого-то и трагические для нас 20-е годы, борются с этим «исповеданием» многими другими в конечном счете более эффективными способами. Позволить себе роскошь быть самими собою, в том числе и откровенными русскими патриотами, могут сегодня люди, добившиеся мировой известности, ибо власти отнюдь не благоволят ни к каким видам инородной для них идеологии, и феномен Глазунова объясняется теми же причинами, что и феномен Сахарова. Мировая слава — хорошая защита...»

Как открытое письмо девяти, так и ответ на него Скуратова оставляют тяжелый осадок. Объективно надо признать, что ответ Скуратова скорее можно принять — он защищает, хотя к сожалению, в том же стиле, в каком написано письмо девяти.

Нельзя не согласиться с мнением редакторов брошюры «Часового», что «... авторы коллективного открытого письма, прекрасно понимая слабость своих логических выкладок, пошли путем искажения хорошо им известных фактов и обстоятельств. Сквозь строки их письма явно просачивается замысел — очернить, опорочить, дискредитировать художника Глазунова. Не фактами, а скользкими намеками, закрепить подписями вожженное в него тавро: «Агент КГБ».

Вот и все об одном художнике, об эмоциях, которые не помогают выяснению истины, о политике, о восприятии этических норм разными культурами и о насиловании культурных ценностей совершенно недопустимым применением политически выгодных мерок в оценке искусства.

Видно длинны еще будут сроки очищения от ленинско-сталинских журналистических приемов. Как устали мы от озверелой руссофобии и от бездоказательных «Ату его».

Н. В. Козякин.

Московский Императрицы Екатерины II Кадетский Корпус. 1778-1978

В этом году исполняется 200 лет со дня основания одного из старейших корпусов Российской Империи — I, Московского Императрицы Екатерины II кадетского корпуса. В 1778 году в городе Шклове, генерал-лейтенантом графом Зоричем было основано Шкловское благородное Училище, по образцу французской Бриеннской школы. Летописец пишет: «Был взят им образец французский — военный строй, режим, язык, но дух царил там чисто русский...» Об основании Училища граф Зорич донес Императрице и получил в ответ благодарственное письмо от Государыни следующего содержания:

«Господин генерал-лейтенант и Шкловского благородного Училища славный основатель, рапорт ваш от 21-го мая Я получила и относительно воспитанников Шкловского благородного Училища, желающих определиться в военную службу в Черноморском флоте 23-х и столько же в артиллерию, а трех в кавалерию, а всего 49 человек, коих вы доброе поведение аттестуете, Я определить повелела и изъявляю вам здесь МОЕ благоволение за труды и попечение ваше, употребляемое вами на преподавание правил службы и благонравия полезными МНЕ и Государству МОЕМУ сделать их могущих. Посылаю вам благоволение. ЕКАТЕРИНА.» (Основание Шкловского благородного Училища описано Алдановым в его трилогии «9 Термидора», «Чертов Мост» и «Ключ», а герой романа Штааль был одним из первых учеников этого училища). После смерти графа Зорича, уже при Императоре Павле I, Шкловское Училище было взято в казну, переименовано в Кадетский корпус и последовательно переведено в Гродно, Смоленск, Ярославль, Кострому и наконец в Москву, где было помещено в Головинском дворце, в Лефортово. Прежде на этом месте находился деревянный дворец, который неоднократно разрушался пожарами, пока, по повелению Императрицы Анны Иоанновны и по планам архитектора Дж. Кваренги, не было возведено каменное, величественное, трехэтажное здание, украшенное серыми, гранитными колоннами, настолько большое что в нем впоследствии свободно помещались два Московских кадетских корпуса: I, Императрицы

Екатерины II и 2-ой Императора Николая I. Перед дворцом находилась, уничтоженная в 1904 году пронесшимся ураганом, Анненгофская роща. От этого урагана сильно пострадал, расположенный позади дворца, большой парк с несколькими прудами, упиравшийся в реку Яузу, на которую был спущен прапрадед Русского Флота знаменитый б о т и к Петра Великого. Наблюдая за ремонтом и оснащением ботика, Император любил сидеть в парке. В память этого, по повелению Императора Александра I, в одном из уголков парка, недалеко от главной аллеи, ведущей к большому эполетному пруду, было поставлено мраморное изображение Петра Великого и беседка с колоннами, увенчанная куполом, там же была прикреплена мраморная плита с надписью: «Се место отдохновения ВЕЛИКОГО ПЕТРА после Его трудов праведных по созданию флота». Приезжающих летом держать вступительный экзамен, десятилетних мальчиков, большей частью детей офицеров, встречал и приводил в почтительный трепет, открывавший им входные двери, бородатый швейцар, одетый в красного цвета (по цвету погон) украшенную гербами ливрею, с трехуголкой на голове, с медалями и крестами на груди. Приехавший из провинции, сопровождаемый родителями, мальчик робко вступал в огромный, двухсветный вестибюль, по обеим сторонам которого широкая, мраморная лестница, украшенная захваченными в 1812 году касками французских кирасир, вела во второй этаж, где в небольшой нише, над лестницей, стояло мраморное изображение основателя Корпуса ген.-лейт. Зорича. Прямо от входной двери, между крыльев лестницы, была дверь, ведущая в первый этаж, в квартиры воспитателей. Слева от верхней площадки вестибюля находилась квартира директора Корпуса, справа учительская комната, лазарет и лестница, ведущая на 3-й этаж, в помещение третьей роты. Пройдя площадку и идя прямо, приехавшие попадали в первую и вторую приемные комнаты, украшенные, писанными масляными красками, портретами царей и других высокопоставленных лиц. В первой приемной висели белые, мраморные доски с именами бывших кадет, получивших высшее боевое отличие — Орден св. Георгия Победоносца. Мебель во второй приемной была белая, лакированная, обтянутая красным шелком, такая же белая, лакированная дверь с позолоченным вензелем Е II и государственным орлом вела в музей, в котором среди манекенов с историческими формами и других экспонатов, стояли пирами-

ды с маленькими, кремневыми ружьями, подаренными Корпусу Наследником Цесаревичем Александром Николаевичем в царствование Императора Николая I. Особый интерес представляла памятная витрина, содержащая портреты Императрицы Екатерины II и ген. лейтенанта, графа Зорича, между которыми было помещено уже помянутое письмо Императрицы основателю Шкловского благородного Училища и рескрипты Императора Николая I к 50-тилетию и Императора Николая II к 125-тилетию Корпуса. В 1878 году, в 100-летье, Корпус посетил Император Александр II. За приемными комнатами находилась огромная столовая, вмещавшая всех кадет Екатериненцев — 400 человек. Широкий проход посредине столовой шел между многочисленными колоннами, за которыми стояли длинные столы, рассчитанные на 20 человек каждый. Эта столовая была настолько импозантна что ее сфотографировали в 1915 году при снятии фильма «Отец Сергей». Большие окна правой стороны столовой, а также окна галереи 1-ой роты, выходили на квадратный внутренний сквер, в углах которого от здания дворца выступали четыре высокие башни, на все три этажа. Чему служили эти башни в XVIII веке — не известно, но в наше время в самой башне находились уборные, а в проходе «чистилка» для сапог. Дверь в этот отсек была против входа в умывалку, где слева разместили целый ряд мраморных умывальников, а справа низкие бассейны для мытья ног. В баню, находившуюся на платцу 2-ой роты, водили по-классам два раза в месяц. Заболевшие кадеты, после утреннего чая, являлись врачу в «околотке» и, если он находил нужным, помещались в лазарет. Для заболевших заразными болезнями, имелись два «заразных лазарета». Был у нас и зубо-врачебный кабинет. Каждый год, после возвращения из летнего отпуска, производился медицинский осмотр — мерился рост, вес, объем груди, проверялось зрение итд. Находившаяся слева, в начале столовой тяжелая, дубовая дверь вела в корпусную церковь, знаменитую тем что принцесса Анхальт-Цербская будущая Императрица Екатерина II приняла в этой церкви православие. У правого клироса стояло в черном, кожанном чехле, блестя Гвардейским двуглавым орлом, Корпусное Знамя. На стенах висели черные, мраморные доски с именами убитых в боях кадет. Например: «Кирасирского Военного Ордена полка корнет такой-то убит в сражении под Бородиным 26 Августа 1812 года» или «Такого-то егерского полка поручик такой-то умер от ран

полученных в сражении при...». Выход из столовой был украшен скульптурами Императрицы Екатерины II и Императора Николая II, над которыми были помещены изображения корпусного нагрудного знака — Белый Мальтийский крест с золотым вензелем Е II увенчанный короной — под матовыми стеклами которых зажигались электрические лампочки. Электрическое освещение было проведено зимой 1909 года, до тех пор Корпус освещался керосиновыми лампами. Все огромное здание Корпуса еще в 1917 году отапливалось большими кафельными печами, заботиться о которых надлежало служителям, в большинстве из старых солдат. Продолжая идти прямо, приезжие попадали в старый гимнастический зал, рядом с которым находился новый зал, снабженный всеми нужными «гимнастическими снарядами». Повернув направо по коридору, попадали в помещение первой роты, а поднявшись по лестнице на третий этаж, во вторую роту. К помещению первой роты примыкал огромный, в два света, Тронный зал, украшенный гербами всех губерний Империи Российской и царскими портретами во весь рост. На одной из стен Тронного зала был изображен государственный герб, по обеим сторонам которого висели мраморные доски. На одной из них было золотыми буквами написано: «Памятник Державной Основательнице I, Московского Императрицы Екатерины II кадетского корпуса освящен в присутствии Главного Начальника Военноучебных Заведений Его Императорского Высочества Великого Князя КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА 24 ноября 1906 года». Перед досками на массивном, полированном, гранитном цокуле, окруженный медными цепями, возвышался бронзовый памятник, изображавший молодую Императрицу Екатерину II сидящей на троне. В углах зала находились большие, белые, кафельные печи, украшенные мраморными орлами и вензелями Е II, такие же вензеля из алабастра, вместе с массивной люстрой, украшали потолок Тронного зала. Тронный зал предназначался для официальных приемов высокопоставленных лиц, в нем производились парады и устраивались балы в день Корпусного праздника. На все хватало места — зал имел в длину и в ширину по 60 метров, без единой колонны или арки, а тяжелый потолок был подвешен на цепях. Вступительный экзамен по Закону Божьему, арифметике, русскому, французскому и немецкому языкам был не очень труден, выдержавшие его и прошедшие строгий медицинский осмотр, будущие кадеты разъезжались до осени по

домам и должны были 15-го августа прибыть в Корпус. Здесь их встречал и принимал от родителей офицер-воспитатель, сопровождая «новичков» к каптенармусу, который выдавал чистое белье и полное обмундирование. В течение времени обмундирование неоднократно менялось, в последние дореволюционные годы оно состояло из: Черного, суконного мундира с красным воротником и золотым галуном на нем, такого же черного сукна шинели с красными петлицами, черных, суконных брюк, кожанного лакированного пояса с медной бляхой, на которой был изображен государственный орел, окруженный солнечным сиянием; фуражки с красным околышем и черным верхом, погон красного цвета с желтым вензелем Е II и синим кантом. Пуговицы, на мундире 8 и на шинели 5, были медные с тем же орлом что и на бляхе пояса. Зимой выдавался башлык, длинные концы которого, заправленные под погоны и пояс, перекрещивались на груди, а сам башлык, старательно разглаженный прикрывал спину. Летом вместо мундира выдавались суровые рубашки. Сапоги были из дубленной желтой кожи и стоило не малого труда превратить их в черные и блестящие. О них пели — «Сапоходы желтой кожи не боятся H₂O». Каждый из нас, надев впервые погоны, сразу чувствовал себя членом военной семьи и гордился этим. Во главе Корпуса стоял директор. До конца прошлого столетия, таковым был ген. лейтенант Завадский, ушедший в начале этого века в отставку. Вместо него принял должность директора ген. лейтенант Владимир Валерьянович РИМСКИЙ-КОРСАКОВ и исполнял ее до последних дней Корпуса. Этот отлично образованный, мягкий человек и прекрасный педагог сразу же освежил воспитательский и особенно учительский состав, так что даже танцам стал нас обучать балетмейстер Большого Московского театра. Благодаря воистину отеческому отношению к кадетам, этот директор пользовался искренним уважением и любовью своих воспитанников. Инспектором классов, в мое время, был, окончивший Артиллерийскую Академию, полковник Сергей Сергеевич Дурново. Дисциплину в Корпусе поддерживали ротные командиры и офицеры-воспитатели. Корпус состоял из трех рот — в третью, самую младшую, роту входили 1-й и 2-ой классы, а также одно отделение 3-го класса; во вторую роту входили одно отделение 3-его, 4-ый и 5-ый классы, а в первую строевую роту 6-ой и 7-ой классы. Каждый класс состоял из двух параллельных отделений по 30 кадет в каж-

дом отделении, возглавлявшемся офицером-воспитателем, который обычно принимал малышей-первоклассников и вел их до окончания курса, когда бравые юноши, с пробивающимися усиками, покидали родное гнездо, сохраняя навсегда добрую память о нем, о своих однокашниках и о воспитателе, ставшим в течение семи лет больше старшим братом, чем педантичным гувернером. Неуютно чувствовали себя «новички» в первые дни корпусной жизни — все было чужое, незнакомое. И твердая кровать, и тонкое одеяло, и строгое требование воспитателя держать руки поверх одеяла, и непривычная прохладность большой спальни и наконец, громкий, неожиданный бой барабана или пронзительная «повестка» сигнальной трубы, заставлявшие новичка стремительно вскакивать в 6 часов утра и спешить чистить зубы, умываться, вычистить до блеска сапоги и медные пуговицы мундира, для чего применялась «гербовка» — небольшая дощечка с прорезью посередине, куда вставлялись сразу все восемь пуговиц и чистились при помощи «самоварной мази» до полного блеска. По второму трубному или барабанному сигналу надо было спешить в строй. Опоздание или неопрятность в одежде, а в младших классах невымытые руки и «траурные ногти» влекли за собой наказание — стояние «под лампой» во время очередной «перемены» (10-ти минутного перерыва между уроками) или лишение отпуска. Окончив осмотр, дежурный офицер-воспитатель командовал — «Рота напра..во, шагом марш» и, непривычно шаркая ногами, малыши спускались вниз, в столовую к утреннему чаю, где на длинных столах ожидали их аккуратно расставленные фарфоровые кружки с вензелем Е II и лежавшие около них французские булки. Как только места были заняты (по 20 человек на стол), прежде чем сесть, пелась молитва: «Очи всех на Тя Господи уповают и Ты даеши им пищу во благовремени, отверзаеши щедрую руку Твою и исполняеши всяко животное благоволение». Теперь разрешалось сесть и, вооруженные большими медными чайниками, служителя начинали разливать, с уже положенным в него сахаром, утренний чай. Минут через двадцать по команде вставали, снова пели молитву: «Благодарим Тя Христе Боже наш яко насытил еси нас земных Твоих благ и не лиши нас и небесного Твоего царствия»... и в строю поднимались в ротное помещение. Время от 7 до 8 часов предназначалось для повторения заданных уроков, новичков в первый раз вели в их классную комнату и размещали по партам,

по два человека. В этот второй день корпусной жизни выдавались, как обычно в начале каждого учебного года, совершенно бесплатно, письменные принадлежности, учебные книги, тетради итд., кроме того новички получали по Евангелию, на обратной стороне переплета которого, было написано: «От I, Московского Императрицы Екатерины II кадетского корпуса кадету первого класса такому-то, Августа 19.. года». Затем мы должны были записать в наши тетради титул Государя, Государыни, Наследника Цесаревича, Главного Начальника Военноучебных Заведений, директора Корпуса, ротного командира и офицера-воспитателя. После этого воспитатель предлагал собрать деньги на приобретение иконы, которая, снабженная соответствующей металлической дощечкой, должна была сопровождать нас от первого до последнего класса, после чего передавалась в корпусную церковь. (Одна из этих икон сохранилась и находится теперь в Париже, в Соборе Александра Невского). Время от 8 до 11 часов было занято уроками, от 12 до 15 тоже уроками, гимнастикой или строевыми занятиями. В 11 часов был завтрак, а в 15 часов обед. До 1881 года на завтрак давали кусок холодного мяса или котлету с тремя кусками черного хлеба; потом стали давать горячие завтраки, т. е. то же мясо или те же котлеты, зразы итп. но с картофелем, рисом, макаронами, фасолью итп. Обычно обед состоял из трех блюд. Нельзя не отметить, что Главный Начальник Военноучебных Заведений Великий Князь Константин Константинович обращал серьезное внимание на кадетский стол. Так в 1910 году на место ушедшего в отставку эконома, по распоряжению Великого Князя, был назначен Уральского Войска эсаул Караулов, человек молодой и энергичный. В тот же год к столу у нас стали подаваться помимо традиционных котлет, малороссийская колбаса с тушеной капустой, зразы с картофелем, запеченные макароны с мясом итд. Во время обеда и ужина на небольшом столике, около средних классов пользовались прилегающими к дворцу двумя тора, «пробная порция», но директор редко ей пользовался, большей частью он пробовал то, что подавалось на одном из 20-ти столов, приказывая служителю принести на этот стол пробную порцию, которую кадеты дружно между собой делили. Для послеобеденных прогулок кадеты младших и средних классов пользовались прилегающими к дворцу двумя большими «платцами». Кадеты первой роты — дворцовым парком.

Летом всего охотнее играли в лапту и в городки, позже в футбол, зимой играли в снежки, катались на санках с высоких гор, построенных на берегу ближайшего пруда, бегали на коньках и ходили на лыжах. Вернувшись с прогулки, желающие могли обучаться музыке, пенью и разным ремеслам: переплетному, столярному, токарному итд., для чего имелись особые классы с необходимыми инструментами. Каждая рота располагала большим залом, в который выходили классные комнаты, и одной или двумя спальными комнатами с ровными рядами, покрытых серыми одеялами, железных кроватей. В голове, над кроватью, была прикреплена металлическая табличка — «цигель» — с именем кадета и его личным номером. Хорошо учившихся кадет 7-го класса производили в вице-унтер офицеры, их погон был обшит золотым галуном, а цигель над кроватью обведен золотой краской. Погон вице-фельдфебеля помимо этого имел еще галун по середине. Традиция требовала, чтобы получившие нашивки кадеты угощали весь свой класс, за вечерним чаем, пирожеными. Некоторые из «нашивочников» назначались «дядьками» в третью роту, где по вечерам должны были помогать дежурному офицеру смотреть за порядком и за тем чтобы малыши аккуратно складывали свою одежду на, стоявшую около кровати, табуретку. В помещении первой роты имелась библиотека и «читалка», на стенах которой висели портреты известных писателей и поэтов. В соседней с ней комнате стоял бильярд, хранились винтовки, шлемы и рапиры для фехтования, которым занимались под руководством капитана А. В. Турчанинова. В помещениях второй и третьей роты находились «снаряды» для гимнастических упражнений в свободное время. Вечером, от 6 до 8 часов, под надзором воспитателя, готовили заданные уроки, затем пили чай с булкой и вскоре ложились спать. Учебная программа Кадетских корпусов соответствовала таковой Среднеучебных заведений с добавлением Анализа и Аналитической Геометрии. Оценка успехов производилась по 12-ти бальной системе причем от 0 до 5 включительно считалась неудовлетворительной, от 6 до 12 удовлетворительной для преехода в следующий класс. Первый удовлетворительный балл — «шестерка» назывался «балл душевного спокойствия». Весной производились переходные экзамены, невыдержавшие их получали переэкзаменовку, не больше двух, и осенью должны были держать повторный экзамен по этим предметам. Провалившиеся на переэкзаменовке оставались на

второй год, что допускалось только дважды за время всего курса, но в уважительных случаях делалось исключение. Вскоре после перевода Шкловского благородного училища в Москву и переименования его в Кадетский корпус, все Кадетские корпуса стали называться Военными гимназиями и только в 1882 году на предложение Военного министра ген. лейтенанта Ванновского, бывшего питомца нашего Корпуса, Император Александр III повелел вернуть старое наименование. Наш Корпус стал называться Первым Московским кадетским корпусом. Одновременно первая, строевая рота получила винтовки драгунского образца, системы Бердана, и желтые, кожаные подсумки, а дежурный по роте кадет стал носить на поясе штык, чем очень гордился. Были введены вышеупомянутые наименования «вице-фельдфебель» и «вице-унтерофицер» для хорошо учившихся кадет. Изменилась и форма одежды, вместо кэпи — фуражка с кожаным козырьком.

В 1903-ем году Корпус удостоился Высочайшей благодарности в рескрипте следующего содержания:

Директору I, Московского ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II кадетского корпуса.

Повелев, в день 125-ой годовщины I, Московского кадетского корпуса, именовать его впредь, в память Державной Основательницы его, I, Московским ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II кадетским корпусом, объявляю МОЕ благоволение корпусу и благодарность всем чинам его и бывшим питомцам за верноподданническую их службу. **НИКОЛАЙ.**

Очень своеобразны были отношения кадет между собой. Наибольшим уважением пользовались кадеты, отличавшиеся незаурядной физической силой. Название «первый силач» было самое почетное. Зато слабосильные, часто ходившие с жалобами на причиненные им обиды, напротив того, всеми презирались и назывались «фискалами», равно как и те, которые заискивали у воспитателей и преподавателей, этих называли «подлизами». Не пользовались особой любовью и излишне усердные к наукам, которые назывались «зубрилами». Бывали такие, которые любили щегольски одеваться, таких называли «тоннягами», а тех, которые важничали «форсилами». Раньше в Корпус принимались исключительно дворянские дети и среди них было много известных фамилий, например: светлейшие князья Грузинские, Султан Гирей, князь Крапоткины, граф Головин, барон фон-Пфейлицер-Франк

и многие другие. Впоследствии это изменилось и в Корпус стали принимать, помимо детей офицеров, также детей гражданских лиц. В начале этого столетия в Корпусе учился второй сын Великого Князя КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА князь ГАВРИИЛ. Учился он хорошо, особенно по языкам. Большею частью он проживал в Петербурге, в Мраморном дворце своего отца, но аккуратно приезжал в Москву сдавать экзамены и тогда жил две-три недели в стенах Корпуса. Он был знаменщиком своего выпуска. На его кровати висел цигель с надписью: Его Высочество Князь Гавриил Константинович, но кадеты называли его просто — Гаврюшка. Вообще в своей товарищеской семье все были равны и каждый ценился по своим указанным выше достоинствам или недостаткам. Ни директор, ни воспитатели, ни преподаватели никогда не делали разницы между знатными и менее знатными — для них мы все были только воспитанники. Не было у нас разницы между велико- и малороссами, горцами и татарами, финами и поляками итд. Не знали мы также и религиозной разницы — иноверцы были освобождены от уроков Закона Божьего, от посещения православной церкви, они ходили в свои храмы и учились у своих церковных пастырей. У кадет была своя особая мораль. Обмануть воспитателя или преподавателя не только не считалось предосудительным, но даже казалось каким-то молодчеством. Зато надуть товарища, или еще хуже выдать его, считалось бесчестным. А так как начальство, обыкновенно, в подобных случаях не наказывало обманщика или доносчика, то кадеты расправлялись с ним сами. Иногда на виновного набрасывали сзади шинель, били его и разбегались, прежде чем он успевал придти в себя, узнать нападавших. Это называлось «сделать темную».

Наказания в Корпусе не были строгими, за мелкие поступки ограничивались выговором или оставляли на некоторое время без отпуска, за более серьезные прегрешения сажали в карцер, самым строгим и позорным наказанием считалось «спарывание погон»; это случалось очень редко, за мое семилетнее пребывание в Корпусе только два раза. Первый раз когда, только что поступивший в Корпус, первоклассник присвоил себе перламутровый ножик своего соседа и на повторные вопросы воспитателя — «кто взял ножик» — не признался. Второй раз в третьем классе, когда учившийся играть на скрипке, но не имевший способности к этому, кадет, обидясь на учителя музыки, сделал свои физиологические по-

требности в любимую виолончель этого учителя. Спарывание погон было обставлено торжественно и сопровождалось известной церемонией. После завтрака соответствующая рота строилась в своем ротном зале. Против левого фланга, перпендикулярно к нему, становился барабанщик и каптинармус с большими ножницами в руке. Приводили из карцера и ставили перед строем провинившегося. Чувствовалась грозная атмосфера, наступала гробовая тишина. После непродолжительной паузы, раздавалась команда «Смирно», входил директор Корпуса и, в присутствии ротного командира и офицеров-воспитателей, произносил назидательное слово о чести мундира и об уважении к нему. Затем ротный командир читал постановление педагогического совета, заканчивающиеся словами о том что совершивший такой неблагоприятный поступок не достоин носить форму Екатериненца и наказывается снятием погон, впредь до особого распоряжения. По дапному директором знаку, барабанщик бьет «дробь», а каптинармус подходит к провинившемуся и срезает ему погоны, но так что остатки их остаются хорошо видными. После этого наказанного уводят в карцер, а рота расходится по классам. Но этим наказание не исчерпывается, хотя «беспогонник» и регулярно посещает уроки, но при построениях роты он всегда стоит отдельно, в нескольких шагах от левого фланга, и так же идет в столовую, где сидит отдельно от своих товарищей за особым столом. Это тяжелое моральное наказание применялось лишь в редких случаях и только в младших классах, более старших кадет за неблагоприятные поступки увольняли из Корпуса. По субботам или в предпраздничные дни кадеты, имевшие родных, родственников или знакомых в городе, отпускались в отпуск, те, чьи родители жили в провинции, оставались в Корпусе. Начальство заботилось об их развлечениях — устраивались поездки в театр, посещения музеев, картинных галерей, древних монастырей итд. Кадеты первого класса, по воскресеньям, группами, вызывались в квартиру директора, где его две милые дочери заботливо кормили малышей пирожными и поили какао или чаем. В субботу и в предпраздничные дни, все кадеты, остававшиеся в Корпусе должны были по-ротно идти в корпусную церковь ко всенощной, а в воскресенье и в праздники к литургии. Стоять в церкви полагалось смирно, можно было только отставить ногу, разговаривать не разрешалось. В Царские дни, после торжественной церковной службы, на которой присутство-

вал директор и все воспитатели, одетые так же как и кадеты, в полную парадную форму, все три роты строились в Тронном зале и проходили церемониальным маршем перед директором Корпуса.

После чего подавался улучшенный, праздничный обед. Особенно помпезно праздновался Корпусной праздник. В Корпус привозилась масса декоративной зелени, деревца в кадках, цветы, цветочные гирлянды и прочее. Громадная наша столовая, обе приемные комнаты, спальная первой роты и Тронный зал превращались как бы в зимние сады. Накануне праздника, 23-го ноября ст. ст., на всеобщей в корпусной церкви пел хор Чудова монастыря. Съезжались юнкера Петербургских Военных училищ, сходились Московские юнкера из бывших Екатерининцев, приезжали генералы и офицеры, бывшие питомцы Корпуса и все желающие из них получали довольствие и ночлег в его стенах. На другой день — 24-ое Ноября день Екатерины — Корпусной праздник. Праздничное настроение, все в парадной форме, все блестит особой праздничной чистотой. С утра съезд гостей и начальства. В 10 часов начало обеда, служит архиерей, опять поет Чудовский хор. Церковь полна до отказа. После службы парад в Тронном зале с выносом корпусного Знамени, церемониальный марш и выдача наград кадетам, успешно закончившим прошлый учебный год. После парада обед. Каждому кадету, помимо традиционного гуся, бутылка меду, фрукты и большая кружка конфет. Во время обеда играет оркестр Александровского Военного училища, известный, блестящим подбором музыкантов. Этим кончался день 24-ое ноября. На другой день, 25-го Ноября, корпусной бал, попасть на который было мечтой многих молодых Москвичек. Спальная первой роты превратилась в зимний сад. Различных форм и цветов беседки и гrotы полны сладостей и прохладительных напитков для желающих ими воспользоваться. Кадеты старательно угощают гостей и развлекают приглашенных дам. Играют два оркестра Московских Гренадер и танцы в Тронном зале продолжают до поздней ночи. Следующий день — Праздник Георгиевских кавалеров, а затем жизнь входит в нормальную колею, изредка прерываемую приездами высокопоставленных лиц или какими-нибудь событиями. Однажды, зимой 1915 года первая рота была построена в присутствии офицеров воспитателей и ротного командира — настроение выжидательное. Раздается команда «Смирно», входит директор с бумагой

в руке и сообщает о том, что проведший свой летний отпуск на фронте, в одном из Сибирских стрелковых полков, кадет 7 класса Игорь Курилко, за проявленную в бою храбрость, награжден Георгиевским Крестом 4-ой степени. Директор лично передает кадету полученную награду, хвалит его в своей речи, но предлагает нам закончить свое образование прежде чем спешить на фронт. Перед Рождеством того же 1915 года случился следующий, характерный для кадетского быта, случай. Полковник Горовой, преподававший нам космографию, в ясные, морозные вечера брал с собой кадет 7-го класса, в находившуюся в парке корпусную обсерваторию. В то время как более прилежные ученики знакомились со вселенной, остальные гуляли по парку и иногда, знакомились с дочерьми корпусного персонала, забывали вернуться в роту до закрытия входных дверей. Утопающий хватается за соломенку! В данном случае соломенку заменила водосточная труба, по которой можно было добраться до навеса над подъездом и оттуда, через окно, в одну из классных комнат. Как-то дежурный офицер, капитан Фрейерс, обнаружил гулявших в парке и позвал их к себе, но, пользуясь темнотой, никто к нему не подошел, наоборот все бросились в рассыпную и убегая, кто-то крикнул с ы щ и к! Капитан Фрейерс, придя в роту, приказал немедленно запереть входные двери, а роте строиться; последнее нами нарочно затягивалось пока все гулявшие, воспользовавшись спасательной трубой, не были налицо. Переключка показала, что все кадеты в строю, на своих местах. Пришедший, очень требовательный и строгий, ротный командир, полковник Шешковский, потребовал немедленного признания от гулявших по парку. Молчание было ему ответом. На повторный вопрос — опять молчание. На следующий день, в день отпуска на Рождественские каникулы, требование было повторено директором Корпуса, с добавлением, что вся первая рота останется без отпуска так долго пока не явятся все виновные. Надо было знать, что значил для тех кто ехал далеко, например в Красноярск, каждый лишний день отпуска... рушились многие надежды, менялись заманчивые планы 17-тилетних юношей. Настроение стало кисло-сладким, но никому из нас и в голову не могло прийти выдать товарища. На следующее утро виновные сами явились начальству и рота была немедленно освобождена от наказания. В 1878 году, в год 100-летнего юбилея, Корпус посетил Император Александр II, а в на-

чале этого столетия и в мае 1916 года Император Николай II. Часто и совершенно неожиданно Корпус посещал Главный Начальник Военноучебных заведений Великий Князь Константин Константинович. Он любил кадет, а кадеты искренне любили и окружали его плотным кольцом, когда он посещал младшие роты. Великий Князь обладал отличной памятью, помнил наших старших братьев, окончивших Корпуса и Военные училища, и интересовался их судьбой. Приезжая в Москву Великий Князь всегда останавливался в квартире нашего дриектора. Когда в Белокаменную приезжал Государь строевая рота ходила Его встречать и обычно помещалась на Красной площади. Во время торжеств 1812-1912 года строевая рота принимали участие в параде на Бородинском поле, а все кадеты получили юбилейную медаль. В 1913 году — 300-летье царствования Дома РОМАНОВЫХ — старшие кадеты ездили в Петербург и участвовали в групповой гимнастике перед Царским павильоном. Кроме радостных событий, случались события печальные и трагические. Вот как описывает одно из них, бывший в то время кадетом, ген. лейтенант Марытнов: «1. Марта 1881 года неожиданно пришла весть, что Император Александр II убит злоумышленниками, в Ст. Петербурге, на набережной Екатеринбургского канала. Директор, воспитатели и преподаватели надели глубокий траур. В приемной комнате к портрету покойного Государя были выставлены почетные часовые, а в церкви отслужена заупокойная литургия и панихида. По Москве разъезжали Донские казаки в высоких клеенчатых киверах и ходили самые нелепые слухи...» Генерального Штаба полковник Сербин описывает второе трагичное событие: «...вспоминаю, что когда мы стояли у окна, вдалеке, где-то в центре города, раздался глухой взрыв. Вскоре вызвали к телефону кадета моего класса Золоторева, вернувшись к нам, он сообщил — трагическую весть — его отец, занимавший должность помощника полицмейстера Москвы, сказал что сейчас в Кремле был убит генерал-губернатор Великий Князь Сергей Александрович. В составе строевой роты Корпуса, несшей почетный караул в Чудовом монастыре, я был у гроба Великого Князя. Ночью было особенно тяжело и грустно стоять у гроба. От Великого Князя мало что осталось и останки были прикрыты парчой.

Быстро проходил учебный год и перед летними каникулами устраивались на корпусном платцу состязания, для младших классов в виде спортивных игр, для старших по стрельбе

из малокалиберных карабинов, по гимнастике на снарядах, по фехтованию, плаванию и тд. Победители на этих состязаниях получали призы. Первым призом был корпусной жетон, красной эмали с синим кантом, в центре I.M.K.K., сверху вензель Е II с короной, который раньше получали окончившие курс кадеты. Впоследствии был Высочайше утвержден нагрудный знак Корпуса — белый Мальтийский крест, на нем золотой вензель Е II с короной и год основания 1778. Этот знак можно было приобрести в Корпусе после окончания курса. В конце апреля в 7-ом классе кончались регулярные уроки. Веселое, пирподнятое настроение выражалось в радостной песни, которую пели семиклассники, проходившей мимо их помещения, второй роте. Громко и задорно звучало:

Звери в школу собирайтесь, барабан пробил давно,
Не толкайтесь, не ругайтесь Дурново глядит в окно.
Буки аз, буки аз, счастье в грамоте для вас.
Уж покинул воспитатель дома теплую кровать
И спешит преподаватель на урок не опоздать.
Буки аз, буки аз, все науки лишь для вас.

Между тем время шло, приближались выпускные экзамены. На каждый предмет давалось по несколько дней для подготовки и экзамены были строгие. Шли на них с трепетом, но и с надеждой на помощь товарища. Интересный случай сообщил штабс-капитан Рерберг. Выпускные экзамены, пишет он, происходили в большом новом гимнастическом зале, у каждого был свой небольшой столик и стул, расстояние до соседа во всех направлениях было не менее трех, четырех шагов, так что ни подсказать, ни «шпаргалить» было невозможно. Выпускной экзамен по Анализу. Мне удалось сразу найти нить задачи и вывести кривую, которая доказывала правильность анализа. Через несколько столиков сидит мой друг Н. Храбров и взглядами просит помощи. Как ему помочь? Между столиками постоянно ходят воспитатели, преподаватель и инспектор классов — блестящий полковник Дурново. На промашке я быстро сделал координат, показал кривую и начало анализа. Проходит наш воспитатель и я тихо говорю ему: «Господин полковник, у Храброва нет промокашки, пожалуйста, передайте ему мою». Жуткий момент — как отнесется он к моей просьбе? Но воспитатель не только гувернер, он одновременно верный друг кадета. Полковник Кузмин-Караваев спокойно берет промокашку и, проходя мимо, кладет ее на стол Храброва.

Моему 138-му выпуску повезло. В Москву прибыл Государь и пожелал посетить наш Корпус. Все три роты были построены в Тронном зале и стройно ответили на приветствие, вошедшего в зал, Императора Николая II. Остановившись, милостиво беседуя с некоторыми кадетами, Государь обошел строй и отправляясь дальше в помещение 2-го Московского кадетского корпуса, приказал освободить кадет от оставшихся экзаменов. Громкое ура сопровождало уход Императора... уход н а в с е г д а! Кто из присутствовавших мог тогда себе представить то, что произошло всего лишь через девять месяцев, в феврале 1917 года? Но в тот момент мы были счастливы, окончен курс Корпуса — первая ступень жизненного пути будущего офицера. «Ура мы больше не кадеты, мы юнкера, мы юнкера...» И все же наша радость смешивалась с грустью, приходилось покидать друзей-однокашников, расставаться со, ставшим как бы родной семьей, Корпусом. Прежде чем окончательно покинуть стены нашего Дворца, окончившие курс кадеты присутствовали в корпусной церкви на благодарственном молебне, по окончании которого, преклоняя колена, прощались с корпусным Знаменем и получали от священника последний подарок Корпуса — серебрянную, позолоченную, овальную иконку, на обратной стороне которой было выгравировано: Имя и фамилия кадета и надпись «от I. Московского Императрицы Екатерины II кадетского корпуса», а по ранту — «Спаси и сохрани». «Великая бескровная» сильно ударила по строевой роте, которая значительно поредела после попытки подавления большевистского восстания, осенью 1917-го года. Под командой полковника Р а р а, энергичного, строевого офицера, прошедшего начало войны на германском фронте, совместно с юнкерами Александровского военного училища и строевыми ротами 2-го и 3-го Московского кадетского корпуса, наша рота в течение недели оказывала упорное сопротивление восставшим и понесла большие потери.

Во время обороны Корпуса было убито девять кадет. Их изуродованные тела были большевиками отвезены в морг на Скобелевской площади и там брошены. На деньги, данные генералом Римским-Корсаковым кадету Райкину (личные деньги директора), они были выкуплены и с честью похоронены. Сам генерал, рискуя своей жизнью, вместе с Райкиным шел за гробами девяти своих питомцев. Небольшая кучка интернациональных авантюристов, возглавляемая Лениным и под-

держанная немецким золотом, пользуясь обманом и террором, намеренно привела страну к братоубийственной, гражданской войне... и мы, сыны одного общего нам гнезда, вынуждены были воевать друг против друга. На стороне Белых оказались: Наш Директор ген. лейт. Римский-Корсаков, инспектор ген. Дурново, корпусной врач; герой Кубанского Похода ген. Марков, ближайший помощник ген. Врангеля ген. П. Н. Шатилов и многие другие Екатериненцы. На стороне Красных ярко вспыхнула звезда советского маршала Тухачевского, окончившего наш Корпус в 1912 году.

В 1917 году перевернулась страница истории, рухнули государственные устои Императорской России, пришла новая власть, а наш Головинский Дворец продолжает верно служить России, вмещая теперь Академию Ген. Штаба Бронетанковых войск. Окруженный, выросшими рядом с ним, высокими зданиями, он потерял часть своего былого величия, а внутри его исчезли портреты царей и цариц, статуи основателей, золотые вензеля и двуглавые орлы. Все посерело, все огрубело, так же как и сама теперешняя эпоха. Мы, старые кадеты, покидая этот мир, оставляем теперешним Суворовцам и будущему историку-романисту правдивое описание того что было, что мы видели, что сами пережили.

Этот краткий исторический очерк составлен кадетом 138-го выпуска Николаем Веденяпиным на основании личных воспоминаний и данных полученных от:

Екатериненцев	выпуска	года
А. Мартынова	108	1886
В. Комарова	121	1899
Ю. Сербина	127	1905
В. Тихомирова	135	1913
П. Рерберга	135	1913
Б. Ширяева	138	1916
Б. Райкина	140	прерванного в

октябре 1917 г., а также на основании данных из романа Алданова «Девятое Термидора».

Сентябрь 1978 года.
Швейцария.

Из истории
5-го ГУСАРСКОГО АЛЕКСАНДРИЙСКОГО
ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА
ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ
ПОЛКА.

В 1775 г. по повелению Императрицы Екатерины Великой был сформирован 6-ти эскадронный легко-конный полк, который в 1798 г. был переименован в Гусарский Александрийский Полк. В течение всех последующих лет, вплоть до 1920 г., полк принимал участие почти во всех походах и войнах.

Во время Отечественной войны за верную и отважную боевую службу полк получил много наград. 14 августа 1812 г. у села Коцбах при крайне тяжелых условиях, весь день непрерывно шел дождь, полк несколько раз атаковал противника и, наконец, уже в конце дня, последней стремительной атакой, заставил противника бежать и закончил сражение нашей полной победой. За это блестящее кавалерийское дело Император Александр I пожаловал полку наименование «бесмертные гусары» и дал знаки отличия на головной убор.

Вспоминая о подвигах полка, необходимо упомянуть и его командира кн. Валериана Мадатова, который вдохновлял и вел полк к славе. Под командой своего командира в сражении под Калишем полк, так же как и под Коцбахом, стремительным ударом опрокинул и заставил положить оружие отряд (около 10.000 человек) саксонского генерала Ностица. За эту беспримерную атаку, будучи только полковником, кн. Мадатов был награжден орденом св. Георгия 3-ей степени. Орден 4-ой степени он получил раньше также в рядах своего полка. По окончании Отечественной войны полк награждается 22-мя георгиевскими трубами — «за 1812-1814 г.г. Александрийскому Гусарскому полку, 8-го февраля 1816 г.».

В турецкую войну в 1829 г. начальником 3-ей гусарской дивизии (1-ая бригада — Ахтырский и Александрийский, 2-ая бригада — Белорусский и Мариупольский) был кн. Мадатов. 31-го мая у Эски-Стамбул, под крепостью Шумлой произошло блестящее, единственное в истории конницы, дело. Александрийский полк атаковал в конном строю форты крепости Шумлы и, взявши их, спешившись продолжал бой. Крепость Шумла сдалась. Полк награжден георгиевским штандартом, командир полка А. З. Муравьев орденом св. Георгия 3-ей степени, начальнику дивизии кн. Мадатову Император Николай I пожаловал орден св. Алкесандра Невского.

В 1854 г. полк вписал еще одно славное дело в список побед русской армии. Александрийцы, во главе со своим командиром полк. А. Н. Карамзиным, атаковали и опрокинули 2000-ный отряд турецкой конницы. Тяжело далась гусарам эта лихая, но кровопролитная победа. Полк потерял убитыми своего командира и 16 офицеров. В 1876 г. полк награждается за сто лет службы православной вере, Царю и Отечеству юбилейными Александровскими Лентами с надписью «1776-1876». В 1904 г. Ее Величество Государыня Императрица Александра Федоровна сооблаговолила стать Шефом полка, а незадолго до начала Первой мировой войны в списки полка был зачислен в чине корнета Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич.

В конце 1914 г. 5-ая кавалерийская дивизия, в состав которой входил и Александрийский Ее Величества гусарский полк, вела тяжелые бои, защищая подступы к Варшаве и затем сдерживая наступающую немецкую армию.

В середине 1915 г. наша и вражеская армии остановились и закопались в землю. Началась позиционная война, прекра-

тившая деятельность «царицы полей» кавалерии.

Во время гражданской войны 1918-1920 г.г. снова возродилась кавалерия и казачья конница. Со всех концов России стали стекаться на территорию занятую Добровольческой Армией, кавалерийские офицеры и восстанавливать свои родные полки для борьбы с Красной Армией. Первым был сформирован в полном составе (6 эскадронов при 18-ти пулеметах) и выступил на фронт наш славный Александрийский Ее Величества гусарский полк.

Но об этом когда-нибудь в другой раз.

Поручик А. Ф. Перков,

ПОСЛЕДНИЕ МОГИКАНЕ.

(Обрывки воспоминаний военного времени...)

Хороша, романтична Варшава осенью.

Я шел по Аллее Уяздовских, мимо парка «Лазенки». Земля была сплошь покрыта сухими, желтыми платановыми листьями, и сильный, прелый дух осени из парка настраивал мечтательно. Был десятый час вечера, приближался «полицейский» час, и улицы были почти пусты. Я был офицером, полицейский час меня не касался, и я не торопился.

Вдруг я замедлил шаги. Впереди я увидел фигуры нескольких дам суетившихся на углу, очевидно чем-то взволнованных, подбегавших друг к другу и оживленно, правда, в пол голоса, что-то обсуждавших. По некоторым признакам, мне показалось, что эти суетившиеся дамы — русские.

Увидев высокую фигуру в военной форме, остановившуюся около них, они явно было испугались, пока одна из них не воскликнула: — Да ведь это наш капитан из Штаба! — после чего они все сразу бросились ко мне, и начали, конечно, все сразу, что-то мне говорить. Я — ничего не понимал. Мы все хорошо знаем, как трудно понять, когда много дам говорят сразу, перебивая друг друга, да еще неизвестно о чем.

— Как мальчишки, ей Богу...

— Тут немцы расстреливают, а они выдумали...

— Отслужили молебен, и хватит, кажется...

— Арестуйте их, пожалуйста...

— Подавай им еще зарю какую-то...

— А еще говорят, что мужчины серьезней! Ведь это же невозможно...

Я — ничего не понимал, стоял чурбаном, и наконец взмолился: — Пожалуйста, давайте, кто-нибудь из вас скажет мне в чем дело, что происходит, и почему вы так взволнованы?

Выступила одна дама, особенно мастодонтистая, махнула на них рукой, и стала торопясь мне объяснять:

Оказывается, на другой стороне улицы, их мужья или братья, человек 15 бывших кадет Суворовского Корпуса, решили, после молебна в русской церкви, устроить «Зарю с церемониями», около бывшего здания своего Корпуса, по случаю дня своего Корпусного праздника.

Тут я вспомнил, что сгоревшее здание на другой стороне аллеи, здание польского Военного Министерства, было в прошлом здание «Суворовского Кадетского Корпуса!

Когда я посмотрел что делается напротив, то увидел что люди стоят в строю, кто-то, очевидно, производит поверку. Дамы затихли и, боязливо и внимательно прислушивались.

Вдруг раздалось довольно стройное пение молитвы «Отче наш», причем певшие явно входили во вкус, и забывали об осторожности.

Меня все это так поразило своей неожиданностью какой-то рыцарской романтики, что я, как заколдованный, стал смиренно, снял фуражку, и пел с ними, неизвестными, чужими мне людьми, до боли знакомую молитву.

Чужими ли?..

Все прошло благополучно. Никакого немецкого патруля не появилось, к удовольствию успокоившихся дам.

«Заря» окончилась, мы сошлись все вместе, перезнакомились, я попал к какому-то штабс-капитану в гости и мило проболтал до часу ночи.

Вот они — последние могикане — думал я, укладываясь спать, вот то горнило, что сплавило вместе русских, поляков и даже немецкого остзейского барона, что пели сегодня дружно «Отче Наш».

До утра я так и не заснул. Я лежал, и вспоминал свои кадетские годы.

За окном погромыхивали отдельные выстрелы и редкие автоматные очереди.

А. Родзевич.

Зарисовки с шестого съезда...

Эй, прохожий,

прочь с дороги!...

Чем ближе съезд, тем больше ожидания и тем туманнее и загадочнее картины следующих двух-трех недель...

* * *

В темноте самолет опустился на бетонную дорожку аэропорта в Панаме. Приветливая стюардеса объявила, что здесь будет пересадка и те, кто летят в Каракас должны выйти в зал ожиданий и часа через два их позовут в другой аэроплан.

Мы с женой вышли. Гуляем и смотрим витрины. Я пошел рассматривать фотоаппараты выставленные в одной из витрин. Магазины почти все закрыты — уже поздняя ночь.

К той же витрине подошел солидный господин. Я покопился на него — прекрасно одет, породистое лицо, не молод, но атлетически сложен, смотрит на фото-аппараты и косится на меня. Неудобно же смотреть долго на незнакомого, я опять, от нечего делать, уставился на какие-то камеры...

Но странно, что это он так в упор смотрит на меня... И вдруг, на чисто русском языке:

— Скажи, ты кадет?

— Да, — ответил я, внимательно всматриваясь в солидного господина. — А как твоя фамилия? — спросил я, чувствуя,

что угадываю знакомые черты, но вспомнить ясно кому они принадлежат не могу.

— Я Тараканов.

— Ты Юра Тараканов! О Боже...

Дальше были объятия, расспросы, похлопывания по плечу... Память сейчас же подсказала... здание Крымского Корпуса... парапет на крыше, Юра Тараканов стоит на середине с поднятыми вверх руками, вся его богатырская фигура напряжена, а на его руках жмет стойку Володя Фишер... Я был младше на три года, но случайно был там на крыше... Фотография эта потом стала одной из реликвий нашего корпуса... Как давно это было...

Моя жена, увидев нашу всречу, поднялась со своего места и направилась к нам. С другой стороны зала к нам тоже приближалась дама...

— Позволь тебя познакомить с моей женой, — сказал Юра, показывая на подходившую даму, но он просчитался. Моя жена и его жена встретились, посмотрели друг на друга, что-то сказали, что-то спросили и обнялись...

Они оказались институтками — одноклассницами и тоже не виделись бездну времени...

Съезд в Венецуэле для меня начался в Панаме.

* * *

Перелет из Панамы в Каракас прошел как-то незаметно. Аэроплан был почти пуст. Дамы сели где-то впереди, мы с Юрой сзади. Уже начало светать, когда пройдя все формальности и получив багаж, мы оказались в объятиях встречавших нас кадет-каракасцев...

Сколько тепла!.. Сколько забот!.. Сколько искренней радости от встречи!..

Но усталость брала свое...

Нам дали время и поспать и отдохнуть и переодеться... Все вокруг нас радовало... Настроение было приподнятым...

Однако, мы успели почувствовать и некоторые недостатки жизни здесь... Но об этом потом.

* * *

Аэроплан из Нью-Йорка прилетал поздно вечером. Очень многие прибывали с ним. Для перевоза их, к месту съезда, в Порт-Азул, был нанят автобус.

Опять возгласы радости, объятия, смех, шутки... Наконец встретились!.. Приехал!.. Ура!..

Один из однокашников, в порыве радости, среди многих похожих чемоданов, лихо схватил свой (кто же не знает своего чемодана?), и пошел к автобусу.

Приехали в Порт-Азул. Организовано все было идеально — каракасцы действительно постарались! Каждый получал ключ от своей комнаты и, взяв вещи, подымался на лифте на свой этаж. Быстро вносили багаж в свою комнату и снова вниз, в ресторан. Разговоры, встречи, смех, расспросы, рассказы...

Было уже далеко за полночь, когда разошлись на отдых.

Однокашник, о котором я говорил, что он лихо схватил свой чемодан, пришел в свою комнату, чувствуя порядочную усталость. Все его желания сводились к одному: умыться, раздеться и в кровать — спать, спать, спать.

Поставив чемодан на кровать он стал торопливо его открывать. Что-то не ладилось с ключем, который вертелся в замке, но замок оставался закрытым. Вероятно повредили замок эти неряхи, когда грузили чемоданы в самолет, подумал однокашник, — бросают, стучают, все делают так небрежно...

Но вот замок щелкнул и чемодан раскрылся, но...

Сверху лежало дамское белье?!

— Как оно сюда попало? — громко сказал однокашник и не веря своим глазам, стал перерывать чемодан. Там лежала юбка, две пары дамских туфель и т. д. От неожиданности он сел.

— То-то он мне казался таким легким — подумал однокашник.

Организаторы кадеты-каракасцы успокоили однокашника:

— Утром поедем в аэро-порт и увидишь, найдем твой чемодан.

Так и вышло. Оказалось, что неизвестная дама, не найдя своего чемодана, заявила об этом, но оставшийся чей-то, похожий на ее чемодан, не взяла.

К началу парада однокашник был уже в своем новом костюме.

* * *

После торжественного молебна, парада и официального открытия съезда, сопровождавшегося приветственными речами, все отправились в длинный светлый зал, где были накрыты столы для обеда-банкета. Мужчины тщательно одеты, да-

мы в великолепных туалетах, но пелена утомления лежала на всех. И понятно; сборы в дорогу, напряжение перелета, да и плохо спали прошлую ночь. А сегодня утром: и воспоминания, и строй кадет во время молебна, и лица друзей, сильно возмужавшие за годы разлуки.. Все это создало наплыв сентиментальности, носталгических настроений, и тихой усталости...

Расселись по столам и вели негромкий разговор с соседями.

Но вот, в дверях зала показалась необыкновенно эффектная дама. Она была одета с большим вкусом. Все тона платья гармонировали с ее прекрасным лицом и живыми темными глазами. Изящный головной убор возвышался над прической. Шла она спокойно, ни на кого не глядя, вдоль всего зала к своему месту.

Головы у всех повернулись, как будто кто-то скомандовал: «Равнение на даму». Сотни глаз провожали ее через зал. Мужские глаза с восторгом, женские с любопытством...

Когда она села и заговорила со своими соседями, за всеми столами, разом, начался веселый разговор. Настроение поднялось. Съезд был открыт.

«Шерше ля фам» говорят во Франции.

* * *

Утро следующего дня проводили на пляже.

Красивый залив. Мол с маяком впереди. Белые стройные яхточки на другой стороне залива. Ярко синее южное небо. Вода такая теплая, что когда войдешь, то выходить не хочется. На солнце долго быть нельзя — обожжет.

Мелкий приятный песок и тут же близко растут пальмы и дают тень. В тени можно поставить складные удобные стулья. Понемногу пляж стал наполняться приехавшими на съезд. Кто в чем, кто в купальном костюме, кто в пляжном халате, в шляпах, в бикини.

Идет непринужденный разговор.

Пришедшие на пляж первыми предупреждают остальных, что под некоторыми пальмами нельзя садиться. На них гнездятся пеликаны и можно неожиданно получить сверху «визитную карточку» большого пеликана.

Купаемся с наслаждением.

По дорожке, идущей от жилых домов к пляжу, приближалась к нам одна из дам приехавших на съезд. Она была очень элегантно одета в прекрасный белый костюм. Ее лицо

сняло радостью, а на губах была улыбка. Мы тоже улыбались в ответ и ждали когда она подойдет поближе, что б весело ее приветствовать.

Летевший с моря пеликан, вероятно тоже залюбовался элегантной дамой. Глядя на нее, эффектным виражем он опустился на пальму прямо над дамой и с громким криком восторга наградил ее, украсив костюм большим «аксельбантом» от плеча до конца белых брюк у пятки.

При криках соблезнования и под сдавленный приглушенный хохот, дама пошла переодеваться.

Мораль: на южные пляжи под пальмами приходите дамы в бикини.

* * *

На съезд часто приезжали семьи кадет-каракасцев с друзьями и с детьми. И до и после съезда мы бывали в домах и квартирах наших каракасских друзей. Надо признать, что они все хорошо живут, хорошо устроены и своим трудом создали свое благополучие. Прекрасные дома, прислуга, всюду очень уютно... Душа радовалась за них.

Дети, которые приезжали на съезд и ели с нами в кафетерии, или купались на пляже были особенно симпатичны и с ними всегда хотелось заговорить или поиграть...

Прелестная девочка лет пяти — голубые глазки, аккуратная головка, веселый смех... Истинный ангелок, другого сравнения быть не может!

— Ты с папой приехала? — спросили мы ее.

— Нет, с тетей, — отвечает ангелок.

— А где твой папа?

— Папа работает.

— А мама где?

— Мама тоже работает.

— А что мама делает?

— Мама делает капитал.

Не мудрено, что так зажиточно живут каракасцы!

* * *

Я не старался описать официальную часть съезда. Она описана официальными лицами — секретарями, подписана председателями. Там все точно, все серьезно, а у меня игривое перо, с таким пером к официальному отчету не притрагивайся!

В официальном отчете будет все, а вот этого не будет! А был это очень приятный вечер.

В тот день, когда съезд был объявлен закрытым, оставалось еще свободное время до захода солнца и после захода солнца. Кое-кто поехал в гости к друзьям, а многие участники съезда пошли на мол к маяку. По дороге, в ресторане на молу, поужинали свежей рыбой, а потом расселись у камней, в конце мола. Плеск волн, освежающий бриз с океана, и начался незапланированный дружеский вечер. Программу остроумно и успешно вел Э. Мистулов — рассказывал анекдоты, прибаутки. Пели, под собственный аккомпанемент супруги Левчук из Канады. Пел под гитару, с большим чувством Ю. Тараканов, читала стихи Нонна Белавина, рассказывала комичные случаи из жизни княжна Вера Константиновна. Сидели прямо на бетонной дороге, на камнях. Было непринужденно, было хорошо на сердце от кадетской дружбы, от смеха, от воспоминаний...

Этот вечер не войдет в отчет о съезде, но был он одним из самых непринужденных и самых теплых вечеров.

* * *

Отлет возвращающихся в Нью-Йорк был назначен на утро. Последнюю ночь улетавшие спали у друзей по частным домам, т. к. помещение в Порт Азул съезд уже освободил.

Все прибыли на аэропорт вовремя, в назначенный час. Но не все попали в самолет. Маленькая случайность помешала. Багаж одного из однокашников, ранним утром, был аккуратно положен в автомобиль и однокашник, с провожавшим его другом, в повышенном настроении, сердечно прощаясь и уговаривая друг-друга обязательно приехать на следующий съезд, подкатили к зданию аэро-порта.

— Билеты случайно не забыл? — спросил провожавший.

— Нет, не забыл, все в порядке, все есть.

— А, вон уже собрались наши; пойдем поздороваемся.

Пошли и радостно обменялись приветствиями.

— Ну, сейчас стану с вами в очередь. Дайте чемодан взять из машины. Идем возьмем его, — сказал однокашник и они с другом бодро пошли к автомобилю.

Провожавший, подойдя к багажнику машины, стал ощупывать свои карманы, заглядывать в автомобиль, опять шарить по карманам... Но ключи от багажника лежали забытые дома.

— Садись, скорей поедем, авось успеем...

Гнали большой скоростью, нашли ключи, гнали назад, но когда подъехали к аэропорту, нужный самолет был уже на высоте 30,000 фут и держал курс на Миами — Нью-Йорк.

Однокашнику пришлось лететь на следующем самолете...

Главное, на все смотреть весело...

* * *

Съезд продолжался одну неделю, но далеко не все, съехавшиеся в Каракас, разъехались по домам после первой недели. Очень многие остались гостить у друзей еще на неделю, а то и на две недели, а были такие, которые задержались на шее у гостеприимных хозяев еще дольше. Я был один из задержавшихся.

Возили нас кадеты-каракасцы по всей стране и все эти поездки были исключительно интересны. Дороги очень хороши. Горные виды изумительны. Фольклор интересный. В каждом городке и в каждом поселке на площади бюст Симона Боливара (один из моих спутников неизменно повторял, с деланным хохлацким произношением, показывая на бюст: «А вот це Буилвар!»). По дороге нам рассказывали кое-что из истории страны и интересную легенду о том, почему флаг Венецуэлы так похож на русский - трехцветный (желтое верхнее поле вместо белого), но пересказывать ее я не буду — пусть это сделает кто-нибудь из кадет-каракасцев, они лучше знают, им и карты в руки.

Во время наших поездок, случилось так, что собрались, не сговорившись, около тридцати человек в маленьком приморском местечке Окумаре, которое наши друзья-каракасцы называют «О! Комары!», и вполне оправдано. Купались, совершали экскурсии на лодках и наконец решили, что это продолжение шестого съезда, а следовательно можно делать доклады, постановления и все прочее, что присуще съезду. Наметили даже резолюцию нашего «Дополнительного Съезда»! Привожу ее по памяти: 1) Предложить организаторам следующего съезда устроить обязательно и «дополнительный съезд» сразу же после основного. 2) Форма одежды на «дополнительном съезде» — купальный костюм. Время распределяется так: днем отдых и купание, вечером собрания, поздним вечером празднование именин и дней рождения. 3) Все именины и дни рождения участников, которые приходятся на три последние месяца перед съездом — праздновать на съезде.

зде. 4) Все доклады на съезде, согласно старинному правилу, могут продолжаться только до тех пор, пока докладчик стоит на одной ноге, а как стал на обе, то доклад считается законченным и если докладчик протестует — бросать его в воду. 5) Все постановления съезда, согласно традиции, не обязательно подлежат исполнению.

Кажется были еще параграфы 6 и 7, но я их не запомнил.

«Дополнительный Съезд» был незабываем! Вот когда была неограниченная свобода и беспредельный, спокойный и радостный отдых.

Вероятно так чувствовали себя когда-то казаки-запорожцы.

Только по утрам стаи маленьких зеленых попугаев, перелетая с дерева на дерево, яростно кричали и не давали спать! Но это попугаи, им так и полагается.

* * *

Пора заканчивать и подводить итог. Да, я же обещал сказать о недостатках, замеченных с первого же дня. Возможно, что каракасы этого и не знают — они привыкли.

А недостатки серьезные. Как только заходит солнце и наступают сумерки, по всем кустам и деревьям начинают свою свирепую музыку цикады, и так громко, что разговаривать нельзя. Весь воздух наполнен гулом и треском, почище модной музыки! А когда наступает поздняя ночь, и усталые цикады замолкают, то, им на смену, начинают неистово кричать древесные лягушки. Это маленькое зелененькое существо вопит так, что заснуть нельзя. Южная бессонная ночь, цикады и лягушки — какой ужас!

Никакого упрека каракасцам, они с этим свыклись, но организаторы следующего съезда, если можно — без лягушек...

* * *

Но шутки в сторону. Под конец хочется сказать, и я уверен, что все участники съезда присоединятся к этому, что организаторы шестого съезда, несмотря на малое их количество, сделали больше чем можно было ожидать. Все было обдуманно, все они предвидели, обо всем позаботились и с неподдельным товариществом выходили навстречу каждому. Девиз «Кадет кадету друг и брат» на этом съезде не нуждался в пояснениях.

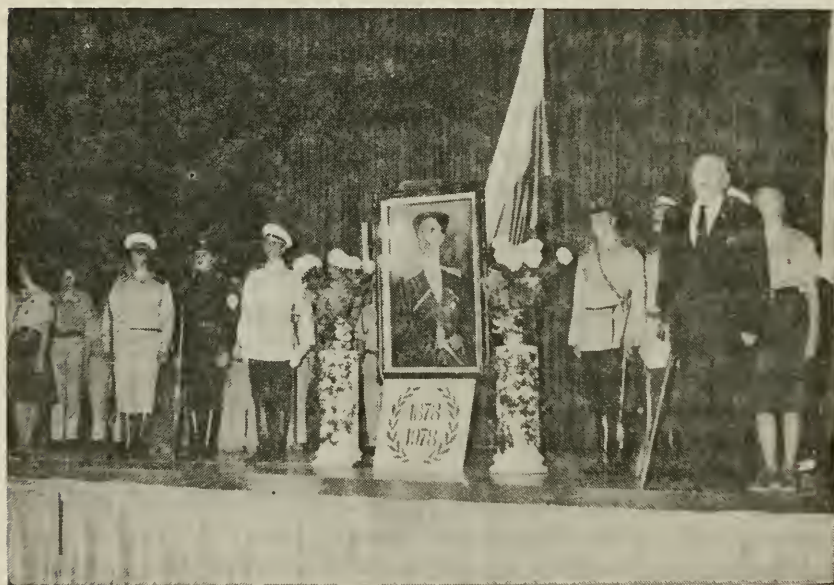
Спасибо за гостеприимство братья-кадеты и искренний вам поклон.

Игорь Автамсгов,

ХРОНИКА

САН-ФРАНЦИСКО

5-го ноября 1978 г. в Сан-Франциско русскими воинскими организациями и скаутами было организовано торжественное собрание, посвященное памяти ген. Врангеля. Собрание было открыто ген. Выграном. Доклады прочли А. Стацевич, А. Мальчевский и М. Залесский. Программу вел В. Грейц. Снимки на экране демонстрировал С. Сосье. Хор скаутов, под управлением скм. Красовского исполнял песни добровольческой армии, а скауты в формах полков добровольцев несли почетный караул у портрета ген. Врангеля. Большую организационную работу по устройству собрания провел А. Мальчевский.

НЬЮ-ЙОРК

В гор. Вашингтоне пятого ноября 1978 г. состоялся вечер памяти ген. Врангеля. Докладчиками выступили П. Пагануцци, К. Болдырев и Л. Сердаковский.

СЕВЕРНАЯ КАЛИФОРНИЯ

Встреча Княже-Константиновцев.

Я хочу рассказать о тех встречах и о тех Княже-Константиновцах, которых судьба забросила в северную Калифорнию.

Встречи эти начались в самом конце сороковых годов, особенно укрепились перейдя в традицию с начала пятидесятых. Приурочены исключительно ко Дню Корпусного Праздника (23 ноября по старому стилю, 6 декабря по новому) в день прославления Св. благ. князя Александра Невского.

Возникли они по сговору кадет первыми перелетевшими Атлантический океан, после окончания второй мировой войны. Между этими первыми Княже-Константиновскими ласточками было особенно много молодежи только что оторвавшейся от школьной доски, а между ними и неокончившие Корпус, но духом так сроднившиеся с ним, что ничем не отличались от старших товарищей. Первым многолюдным встречам помогала та действительность, в которую пришлось окунуться попав в обстановку и условия жизни много отличавшихся от европейской и особенно от жизни в Югославии. Помимо кадетских традиций тут оказались и другие причины слабое знание английского языка, неустроенность и неизвестность будущего. Ко всему этому еще и желание узнать о судьбе товарищей. Еще не было этого смутного и неясного представления о «быте», который начал проявляться с постепенным совершенствованием чужого языка, подысканием хороших служб и занятиями в разных коммерческих «бизнесах». Со временем наши Корпусные Праздники становились все более малочисленными, не только из-за того, что со старостью у многих начали появляться недомогания и болезни (которые тоже являлись одним из главных факторов), а из-за человеческой слабости пристрастия к материальным благам и желанию не выделяться, слиться с общей массой старожилов этой страны....

Некоторые из них желая оправдаться перед собственной совестью успокаивали себя своевременно появившейся в эмиграции фразой «игры в солдатики» приобщая это выражение к нашим кадетским встречам.

Но как бы там не было, наши встречи продолжали и дальше не только свое существование, но и углублялись в том отношении, что на них стали решаться вопросы помощи товарищам, попавшим в материальную нужду и историческо-про-

светительные вопросы. Ярким примером может послужить проведенное чествование памяти нашего последнего Главнокомандующего генерала Врангеля состоявшее из двух торжественных дат: Общей панихиды в Соборе Всех Скорбящих Радости в Сан Франциско весной 1978 г. и торжественное собрание в честь столетия со дня его рождения проведенное при наличии большого количества посетителей в день 5. 11. 1978 г.

Так как в промежутках времени, от встречи до встречи стали появляться разные «семейные» происшествия, как юбилеи окончания корпуса, или же надобность помощи неожиданно пострадавшему или разболевшемуся товарищу, то на одной из встреч был поднят вопрос об установлении между Княже-Константиновцами, разбросанными по городкам и весям окружающим Сан-Франциско, более тесную связь. Сперва это предвиделось в выборе (на 1 год) двух лиц, которые должны были следить за всем тем чем крепко кадетское товарищество и в нужных случаях сигнализировать сразу же о необходимости совместного решения не откладывая его до следующей встречи.

А уже на следующей встрече Корпусного праздника было выдвинуто предложение об оформлении Общества Княже-Константиновцев проживающих в Северной Калифорнии. Общество которое никоим образом не являлось бы оппозицией О.К.О. в то время уже основанному в Сан-Франциско, а имело бы характер корпусного объединения, какие уже существовали у кадет Симбирцев, Суворовцев, Киевлян и др.

Предложение было принято единогласно и кадетам первых выпусков нашего Корпуса было предложено к следующей нашей встрече приготовить устав.

В самом уставе было изъято все то, что бы могло создать ненужный бюрократизм. Главная цель общества была, забывать, чье имя носим и поддерживать связь между однокашниками стараясь в тяжелых и экстренных случаях оказывать помощь в границах собственной возможности. Кроме того письменно подтверждалось о ежегодных встречах, по возможности выбирая дату самую близкую к 23/6 декабря. На этих встречах в самом начале после молитвы и поминовения Царственных Особ, персонала корпуса и скончавшихся кадет и всех Русских воинов положивших свой живот на поле брани за Веру, Царя и Отечество, после пропетой в строю песни Дворянского Полка и марша Наш Полк присту-

палось к официальной части годового собрания. Собрание решало нужные вопросы, провозглашало нового председателя, секретаря и организаторов встречи на следующий год.

Если, случилось, к этому дню поступали просьбы или со стороны были получены сигналы с материальных бедствиях то тут же проводился сбор. Собранная сумма передавалась секретарю в чью обязанность входила отсылка денег нуждающемуся.

Только после этого по произнесении Первой Здравницы о Родине и воскресении Кадетских Корпусов приступалось к торжеству возлияний и лакомству и отдания похвал организаторам встречи.

Если кто-либо из присутствующих оказывался юбиляром, то одну из первых чарочек подносили ему. Иногда и с адресом или письменным посвящением... Потом после прочитанных поздравлений от других Кадетских Объединений и отдельных лиц переходили на «бесконтрольное веселье»... Воспоминания из корпусной жизни перемешивались с пением куплетов из ЗВЕРИАДЫ, шутками, остротами, воспоминаниями о встречах с известными и знаменитыми людьми, иногда чтением виршей собственного изготовления, в большинстве случаев на злобу дня... На несколько часов забывались все повседневные заботы, усталость, хронические болезни и даже годы. И вспоминаются слова из стихов Дон-Аминадо:

«Надо все преодолеть. Даже возраст...»

И мы его очень успешно преодолевали на наших Княже-Константиновских встречах. Но к нашей чести надо сказать, что не было у нас в этот день ни ссор, ни каких-либо немилых инцидентов... А со временем большинство из присутствующих после традиционного бокала шампанского 1-ой - 2-х рюмок водки переходили на напитки «более легкого содержания».

На этом я и закончу описание деталей жизни наших кадет за рубежом.

Алексей Мальчевский.

МЕЛЬБУРН — Австралия

Письмо другу из Австралии.

Мельб. 17-12-78 г.

Дорогой Шура! Пишу тебе под свежим впечатлением только что, не более часу тому назад пережитого. Присутствовал я на кадетском празднике Мельбурнского О.К.О. Попал я на праздник не как председатель Мельбурнского Отдела Союза ч. Р.К., и не как местный корреспондент нашей русской газеты, а благодаря крепко установившемуся Товариществу между мной и местными кадетами. Правда, среди местных кадет есть и однокашники по юнкерскому б-ну 1-го полка Р.К., где мы с тобой начали службу в рядах славного Р. К., но есть и другие постарше нас. Сугубое взаимное понимание и тождественность цели в нашей общественной жизни, сблизило меня с ними, и в их среде я почувствовал себя, как в родной семье. Судьбе, однако, было угодно в свое время, чтобы я не стал кадетом, но за всю свою жизнь 102% моих близких товарищей были кадеты. Нисколько не кривя душой, и даже не имея подобного намерения, попав на праздник, я почувствовал нечто, словами неопишемое, похожее на состояние души во время молитвы. Более того, в своем смелом воображении я почувствовал себя членом этой крепкой кадетской семьи.

Созерцая все происходящее глазами постороннего человека нельзя было удержаться от восхищения. Традиционная перекличка корпусов оставила на меня особое впечатление. В этой церемонии полной благоговения, чувствовалась искренняя любовь к своей славной школе, старым и нынешним Товарищам и беззаветная преданность Родине, нечто, что нынешней общественной обстановке, днем с огнем трудно сыскать.

Не менее торжественно все присутствующие прослушали наигранные на ленту: «Песнь дворянского полка» и «Наш полк» К. Р. Вся эта обстановка способствовала всем нам почувствовать себя истинно русскими людьми, преемниками величайшего наследия Императорской России.

Затем, за столом занявшись чревоугодием, вернее истреблением вкусных яств и живительной влаги, в непринужденной общей беседе вспоминали славное прошлое. Кто-то рассказал интересный случай из своей кадетской жизни, как снова

с ленты слышались излюбленные кадетские песни: «Эй прохожий» и «Фуражка».

Однако, наиболее важным украшением праздника было присутствие благоверных спутниц кадет, которые на фоне цветов расставленных на столах блистали пышными розами. Иной, может быть обвинит меня в лести прекрасному полу, но я могу присягнуть, что мое заявление искреннее и от чистого сердца.

Не забыли кадеты и благотворительность по предложению Председателя Объединения, Гриши Чикалова, твоего славного однокашника по Крымскому Кадетскому Корпусу. Было собрано на постройку Храма-Памятника в столице нашей страны, — Канберре. Собрано было более 100 долларов, а это должен упомянуть (присутствующих было всего лишь 25 человек) — сумма не маленькая. Совместно с Сиднейским О.К.О., сумма выразится в 500.00 долларов, и на мраморной доске жертвователей на храм, О.К.О. займет почетное место.

Скажу тебе еще, что в постройке храма деятельное участие принимают кадеты. Проектировал храм, также твой Крымец, — архитектор Валя Глинин, проживающий в данное время в Нью-Йорке.

В заключение скажу, что побывав на празднике у кадет, я пришел к заключению, что в нашей зарубежной общественной структуре имеет первенство Кадетский Союз, как плотная, дисциплинированная и наиболее русская организация, чьи члены беззаветно любят РОССИЮ, и хранят освященные традиции Родины и Православия.

Благодарю деятельного Председателя кадетского Объединения, Г. А. Чикалова и его однокашников за так толково организованный праздник кадет. Честь и хвала им.

Твой друг, Геннадий Жеромский.

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ЖУРНАЛА «ЧАСОВОЙ»

В январе этого года исполнилось полвека существования журнала — «Часовой» — верного в своем служении России, заветам Белого Дела. Под руководством В. В. Орехова журнал стойко борется с недругами России, преследующими ее расчленение.

Пожелаем герою-редактору и его сотрудникам еще долгие годы продуктивной работы и предлагаем нашим читателям поддержать их великое дело.

Редакция.

Представительство «Часового» в США:

Mrs. N. A. Kowerda,
Cherokee Street 2507, Adelphi Md. 20783.

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ УШЕДШИМ ОДНОКАШНИКАМ

В Сиклифе, США, 19 ноября 1978 г. скончался
СЕРГЕЙ МЕЛИТОНОВ-ШЕНЕЦ,
6-го выпуска Крымского Кадетского Корпуса

В Нью-Йорке 17 января 1979 г. скоропостижно скончался
ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ БАРТОШ,
Крымского и Донского Кадетских Корпусов.

В Буэнос Айресе, Аргентина, 3 ноября 1978 г. после продолжительной и тяжелой болезни скончался подпоручик Корниловской Артиллерийской Бригады

ВЛАДИМИР АНТОНОВИЧ АССЕЕВ,
Сумского Кадетского Корпуса, выпуска 1917 г.

В Австралии скончались:

АЛЕКСАНДР БРЕШКО-БРЕШКОВСКИЙ
Крымского и I Русского Кадетских Корпусов,

ГЕОРГИЙ ДИВНИЧ,
Крымского и I Русского Кадетских Корпусов,

АЛЕКСАНДР МИРГОРОДСКИЙ,
Крымского Кадетского Корпуса

В Сиднее, 18 сентября 1978 г. скончался талантливый поэт русского зарубежья, кадет сибиряк

ПАВЕЛ СУХОТИН.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ПАВЛА НИКОЛАЕВИЧА ЗЕЛЕНСКОГО.

Павел Николаевич Зеленский родился в военной семье во Владикавказе 23 января 1904 г. Умер в Вашингтоне 12 октября 1978 г.

Как все русские в изгнании П. Н. полностью испытал превратности судьбы скитальца-эмигранта, но никогда не потерял свою путеводную звезду — любовь к России. Вся жизнь его была воплощением самой светлой формы русского патриотизма — службы Родине. Свою молодость и зрелые годы П. Н. посвятил борьбе с коммунизмом, руководствуясь, в трудных обстоятельствах высшей моралью и любовью к человеку.

С 1906 года по 1915 год семья Зеленских жила в Иркутске. После отъезда отца Павлика на фронт, командиром 25-го Сибирского полка, семья переехала в Одессу, где Павлик поступил в Одесский кадетский корпус. В январе 1920 г. большевики занимают Одессу и корпус вместе с войсками уходит к румынской границе. Румыны не пропустили отступавшие войска и корпусу пришлось возвращаться в Одессу. Не застав в Одессе своих близких, которые эвакуировались в Севастополь, Павлик со своим приятелем решает пробраться в Севастополь. Идти приходилось ночью, скрываясь днем от облав. Во время переправы через Днепр их маленькая лодочка попала под обстрел и только чудо спасло их от гибели. Крестьяне неоднократно помогали им в пути и информировали о политической обстановке в ближайших селах. До Севастополя они добрались только в конце лета 1920 г., где Павлика определили в Крымский кадетский корпус, с которым он и эвакуировался в Югославию.

В 1924 г., после отличного окончания корпуса Павлик поступил на строительное отделение технического факультета загребского университета. Во время занятий в университете

ему приходилось много работать летом и по вечерам, зарабатывая себе на жизнь.

В университете, Павлик примкнул к Национальному Союзу Нового Поколения, переименованному впоследствии в НТС, и отдавал все свои силы на работу в этой организации. Всю свою последующую жизнь он был активным членом НТС и только тяжелая хроническая болезнь легких — эмфизема, заставила его сократить активную работу.

Сразу же после капитуляции Германии в июне 1945 г. П. Н. с группой своих единомышленников начал издавать в Зальцбурге «Информационный Бюллетень», который освещал жизнь в лагерях невозвращенцев и вопросы касающиеся политических событий. Это делало газету популярной во всей американской зоне Австрии. Советские оккупационные власти требовали закрытия газеты, однако Павлу Николаевичу, как ее редактору, удалось газету отстоять и она просуществовала до 1949 г., когда П. Н. переехал в США.

В 1946 г. Павел Николаевич женился на студентке медицинского института Татьяне Петровне Кнышенко. Два года спустя у них родился сын Никита.

В Сан-Франциско, где обосновалась семья Зеленских, были очень тяжелые условия жизни и П. Н. приходилось браться за любой физический труд. В 1951 г. при помощи друзей, П. Н. устроился преподавателем русского языка в Джорджтаунском университете в Вашингтоне, а с 1956 г. начал работать по своей прямой специальности — инженером, вначале в Филадельфии, а затем на государственной службе в Вашингтоне, где им были написаны две работы о расчете придорожных труб.

В 1952 г. у Зеленских родилась дочь, которая, по недосмотру врачей, к великому горю родителей умерла в пятилетнем возрасте.

В Вашингтоне П. Н. активно участвовал в работе при церкви Св. Иоанна Предтечи и был председателем Конгресса Русских Американцев в шт. Виргиния.

В мае 1978 г., после вирусного заболевания, состояние здоровья П. Н. стало заметно ухудшаться и после продолжительных страданий, прекратившихся только за два дня до смерти, он тихо скончался 12 октября. На похоронах было более 200 человек. Гроб был покрыт русским трехцветным флагом. Похоронен Павел Николаевич на кладбище Рок Крик в Вашингтоне. Вечная память верному сыну России.

НЕКРОЛОГ

16 дек. 1978 г. на 93 году жизни скончался полковник Николай Николаевич Мурзин — старейший артиллерист Русской Императорской Гвардии и, вероятно, старейший кадет российских корпусов.

Родился Ник. Ник. 23 ноября 1886 г. в г. Курске. В 1905 г. закончил Хабаровский Графа Муравьева Амурского Кадетский Корпус вице-унтер-офицером 1-го выпуска. В 1908 г., по окончании Константиновского Артиллерийского Училища, по первому разряду старшим портупей-юнкером, был произведен в офицеры и вышел в Лейб-Гвардии 3-ю Артиллерийскую Бригаду. Первую Мировую Войну провел на фронте в Лейб-Гвардии Первом Мортирном Артил. Дивизионе, где, за боевые отличия, был награжден многими орденами и Георгиевским Оружием. Во время гражданской войны, верный долгу, продолжал защищать Родину от революционеров-коммунистов, участвуя на стороне Белого Движения. Судьба выбросила его за пределы Родины сначала в Галлиполи, затем в Болгарию и наконец, в Югославию. Когда вспыхнула Вторая мировая война, полковник Мурзин опять берется за оружие, вступая в ряды русского антикоммунистического движения, где остается до последнего дня. К сожалению судьба и на этот раз не была благосклонной и он вторично эмигрирует сначала в Австрию, а затем в США Америки.

Гвардии полковник Мурзин поистине был большим русским патриотом и, восприняв традиции русских кадетских корпусов и военных училищ, с достоинством пронес русское имя на всем протяжении своего тяжелого жизненного пути. Начав военную карьеру в суровом сибирском климате на берегу Амура и пройдя терновый путь трех войн и двух эмиграций, он нашел вечное упокоение далеко от любимой Родины в суровом климате штата Майн, у берегов реки Кенебэк, в Соединенных Штатах Америки.

Зять покойного
Игорь Донцов.

ПАМЯТИ ДОРОГОГО ОДНОКАШНИКА.

23-го января 1979 года, после долгой болезни, скончался в Брюсселе, в Бельгии, казак Всевеликого Войска Донского

Виктор Владимирович ТЕВЯШОВ,

родившийся в 1902 году в г. Новочеркасске. В течение пяти лет мы учились с ним в одном классе в Воронежском Великого Князя Михаила Павловича Кадетском Корпусе.

Революция нас разлучила, Витя уехал на Дон, где, во время гражданской войны служил в казачьих полках и старался кончить прерванное образование. Ему удалось кончить Владикавказский Корпус,

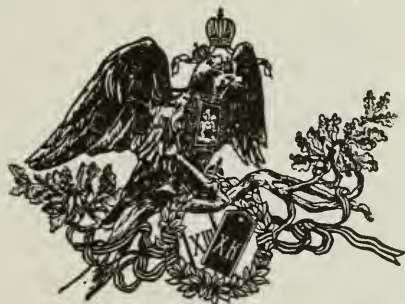
с которым он отступал по Военно-Грузинской дороге. После эвакуации Белой Армии за-границу, мы встретились в Бельгии. Витя занимался шоферством на такси и прилично зарабатывал...

Большой любитель лошадей он вскоре сформировал группу казаков джигитов и с ней, под русским флагом, начал давать представления, на свежем воздухе, по всей Бельгии. Всюду наши джигиты имели большой успех! Понемногу группа обзавелась грузовиками для транспорта и расширила свое поле деятельности на соседние страны. Особенно хорошо их принимали в Западной Германии. Осенью, когда начиналась плохая погода и холода, группа возвращалась в Брюссель и коней «отдавали в пансион» по фермам, а Витя садился за руль, чтобы не только оплачивать их содержание, но и выплачивать сделанные за лето долги. В 1970 году Витя, со своей прелестной супругой Мадлен, сделали себе прививку против гриппа, прививка оказалась недоброкачественной и их обоих перевезли в госпиталь. Через некоторое время Мадлен вышла из госпиталя, но вскоре опять заболела, ее снова

перевезли в госпиталь, где она скончалась от неизвестной болезни. Витя, совершенно больной пережил ее на восемь лет, переезжая из одного госпиталя в другой, из одного дома для выздоравливающих в другой. Вдобавок ко всему Витя ослеп и для него, который так любил читать, это был тяжелый удар. «Дни кажутся бесконечными» говорил он мне. Витю все любили за его доброту, хороший характер, он всегда был готов помочь каждому. Это был настоящий кадет и русский патриот, верный друг и товарищ! Память его останется навсегда среди нас... Его дочери, Наде, которая, как настоящая казачка, была Вите поддержкой и верной помощницей, О-ние Кадет Российских Кадетских Корпусов в Бельгии выражает самое искреннее и сердечное сочувствие.

Г. Гуторович.

К СВЕДЕНИЮ КАДЕТ КАБАРОВЦЕВ и ВСЕХ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ. НАША КНИЖКА СДАНА В ИЗДАТЕЛЬСТВО. В ней около 350 стр., много фотографий, художественный твердый переплет. Тираж всего 150 книг. Уплатившие сообщите свой адрес.

**КАБАРОВСКИЙ
ГРАФЯ МУРАВЬЕВА-ЯМУРСКОГО
КАДЕТСКИЙ КОРПУС**

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ИЗДАНИЕ КАДЕТ КАБАРОВЦЕВ

НАША КНИЖКА СДАНА В ИЗДАТЕЛЬСТВО. В ней около 350 стр., много фотографий, художественный твердый переплет. Тираж всего 150 книг. Уплатившие сообщите свой адрес. Цена 15.-дол. + пересылка. Заказы и вопросы направлять по адресам:

П. Mursin : 184-05-89 Ave.

Hollis, New York 11423

У. Uegorov : 10104 Leder Road, Silver Spring, Maryland 20302

А. Martianov : 1627 East 1st Street, Bloomington, Indiana 47401

Поступили в продажу книги

М. Д. КАРАТЕЕВА

1. ЯРЛЫК ВЕЛИКОГО ХАНА

Два тома — каждый том по 15 ам. дол.

2. АРАБЕСКИ ИСТОРИИ

«Мусульманский восток»

— 10.00 ам. дол.

3. ПО СЛЕДАМ КОНКВИСТАДОРОВ

— 10.00 ам. дол.

4. БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ НА БАЛКАНАХ

— 10.00 ам. дол.

Обращаться к мадам Е. С. Орчинской:

3479 Jeanne Mance

Montreal, Que. Canada

«СВОБОДНОЕ СЛОВО КАРПАТСКОЙ РУСИ»

Карпатская Русь все десять веков своего отдельного от России существования стояла на страже единства всех русских племен. «Свободное Слово Карпатской Руси» за двадцать лет своего существования продолжает высоко держать стяг имперского единства нашей многонациональной Родины.

Это общерусский, национальный журнал, духовный продолжатель славянофильских традиций.

Адрес журнала:

“FREE WORD”

P. O. Box 509, Mount Vernon, N. Y. 10550

U. S. A.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
DK35.5
.K33
no.22

